

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

3
2014

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2014

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

3.2014

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. Шолохова**

Издается с 2010 г.

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mggu-sh.ru

Подписной индекс
83632

в основном каталоге
Роспечати

Редакционная коллегия

И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.А. Орлов (*зам. гл. редактора*),
Е.М. Копоть (*отв. секретарь*),
Е.В. Бродовская,
А.В. Миронов,
В.Д. Нечаев,
Дж. Савино,
А.Д. Эпштейн,
А.И. Юрьев

Электронная версия журнала:
www.mggu-sh.ru

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Белов С.И.

Способы передачи секретных материалов германскими спецслужбами в годы Первой мировой войны 5

Лихачёв М.О.

«Наступивший мир возмутителен... и способен приносить только несчастья». Позиция Дж.М. Кейнса на Версальской мирной конференции 1919 г. 10

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Айкашева О.А.

Судьба Ивана Чернова – сына Н.А. Дуровой 21

Звягина В.Ю.

Особенности отражения «русского стиля» в журналистике рубежа XIX–XX вв. 29

Патрикеева О.А.

Депутаты-ораторы в I Государственной думе Российской империи . . 36

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

Макашова В.В.

«Если кто назовет другого уродом...». Историческая роль речевых запретов в юридических памятниках . . . 42

ван Хааске Л.А.

Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи Высокого Средневековья 54

Петровский В.М.

«Великая армада»: проблема эффективности действий испанского и английского флотов в войне 1585–1604 гг. 63

ПОЛИТОЛОГИЯ

Габбасов В.Х.

Избирательные кампании по выборам депутатов представительных органов муниципальных образований Оренбургской области. Предложения по оптимизации 79

<i>Курков К.Н.</i> Дворянство как социально-политическая элита России в начале XX в. (политологический анализ)	88
ДОКУМЕНТ С КОММЕНТАРИЕМ	
<i>Белоусов С.В.</i> Пензенская губерния первой четверти XIX в. в мемуарах сержанта наполеоновской армии Людвиг Флека.	105
НАШИ АВТОРЫ	111
CONTENTS	113
ПАМЯТКА АВТОРУ.	117

С.И. Белов

Способы передачи секретных материалов германскими спецслужбами в годы Первой мировой войны

Статья посвящена выявлению механизмов передачи засекреченной информации разведывательными службами Германской империи в начале Первой мировой войны (в 1914–1915 гг.). Представлен анализ документов, хранящихся в фондах Государственного архива Владимирской области (ГАВО) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Особое внимание уделяется способам шифровки текстов и каналам обмена информацией германских спецслужб.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германская империя, спецслужбы кайзеровской Германии, способы шифровки и передачи разведанных в Первую мировую войну.

Первая мировая война потребовала от великих держав ради достижения победы многочисленных преобразований практически во всех сферах жизни общества. Во многом изменились и сами обычаи ведения войны. Наряду с известной их гуманизацией (что ярко проявилось в принятии Женевской конвенции 1864 г. и Гаагской конвенции 1907 г.), качественным ростом профессионализма армейских функционеров существенно вырос проявляемый последними цинизм в отношении средств достижения поставленной цели. Результатом этого стало в том числе заметное увеличение роли в войне разведывательных и диверсионных структур. Особенно ярко это проявилось на примере Германии, которая, уступая потенциальным противникам по размерам мобилизационных ресурсов и экономическим резервам, в то же время обладала к началу

конфликта одной из лучших в мире разведок и стремилась компенсировать разницу в силах, среди прочего, за счет широкого применения шпионажа [6, с. 154–156].

Одним из основных объектов приложения сил германских спецслужб являлась Российская империя, что обусловило внимание к данной проблеме со стороны исследователей, занимающихся изучением истории отечественных разведки и контрразведки. Результатом их работы стала публикация ряда монографий и справочных изданий, затрагивающих тему деятельности немецких разведчиков и диверсантов, направленной против России [1; 2; 4; 5; 9].

Однако вышедшие исследования, при всей их несомненной значимости, довольно слабо освещают отдельные аспекты темы. В частности, в них отсутствует детализация при описании механизмов получения инструкций и отправки собранных данных. Возникающие таким образом пробелы в знаниях по истории деятельности германской разведки на территории России можно ликвидировать за счет ввода в научный оборот новых источников, в т.ч. документов региональных архивов. Исследователи, к сожалению, мало внимания уделяют данному источнику информации, несмотря на то, что зачастую в них можно обнаружить ценные сведения.

Примером тому могут служить материалы допроса вернувшегося в Россию по обмену инвалидами военнопленного офицера, завербованного германской разведкой. Содержащий текст допроса документ отложился в фонде Владимирского губернского жандармского управления Государственного архива Владимирской области (ГАВО).

Точное время составления источника неизвестно, однако сопутствующие материалы указывают на то, что момент появления документа можно датировать периодом середины – второй половины ноября 1915 г. Выписка скреплена подписью жандармского полковника В.Г. Туркестанова, на тот момент – начальника Центрального военно-регистрационного бюро Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, ответственного за организацию контрразведки [1, с. 160]. Последнее свидетельствует в пользу высокой значимости документа.

Здесь необходимо особо выделить то обстоятельство, что с началом мировой войны все страны-участницы поразила эпидемия шпиономании. В России она особенно усилилась после крупных поражений русской армии в 1915 г., что хронологически совпадает со временем составления документа [5, с. 24].

В подобной ситуации можно было бы предположить, что кто-то из представителей местного жандармского управления мог попытаться под-

няться по карьерной лестнице за счет фабрикации подробной истории о вербовке германской разведкой русских военнопленных.

Однако факт того, что документ был скреплен подписью одной из центральных фигур в российской контрразведке, указывает на то, что сведения были получены из реального источника, а также обладали значимостью, заслуживающей внимания руководства спецслужб империи.

Материалы допроса завербованного офицера, добровольно сдавшегося российским властям, содержат в себе следующие сведения относительно способов шифровки и передачи разведданных. Согласно тексту источника, после завершения процесса подготовки и итоговой проверки приобретенных навыков агенту были переданы «секретные чернила, образец бумаги и способ секретной переписки» (шифр. – С.Б.) [7, л. 139]. Конкретная методика составления зашифрованного послания в документе подробно не описывается. В тексте имеются лишь отрывочные упоминания о том, что такие понятия, как «Германия», «Австрия», «Вена» передавались с помощью аллегорического обозначения членов семьи – «папа», «мама», «сестра» соответственно. Однако, вероятнее всего, немецкой стороной также использовались традиционные для европейских спецслужб еще со времен наполеоновских войн способы кодировки информации. К числу последних относятся обозначение понятий при помощи комбинаций цифр, символов нотной грамоты, игральные карты и их сочетаний [8, л. 1–5]¹.

При этом в материалах допроса достаточно подробно описывался процесс изготовления секретных посланий при помощи особых чернил. На лист бумаги произвольного размера, но определенного качества при помощи химического карандаша наносился любой текст, но с таким расчетом, чтобы заполнить одну сторону листа, а на другой поместить только 2–3 строчки и подпись. На оставшейся чистой части второй стороны мягким золотым пером при помощи особых чернил наносилось послание резиденту. Затем письмо просушивалось в течение 15 минут, после чего при помощи ваты смачивалось чаем. Вслед за этим было необходимо поместить письмо в книгу под пресс, чтобы, высохнув, бумага не сморщилась. При отправке письмо следовало сложить пополам, проследив, чтобы часть листа бумаги с предназначенным резиденту текстом была направлена вовнутрь. Это служило своего рода условным знаком, что письмо было отправлено именно агентом. Помимо того, с целью перестраховки в нанесенный обычными чернилами текст включались фразы-клише,

¹ Благодарю за предоставленную информацию доктора исторических наук, профессора А.А. Орлова.

касающиеся состояния здоровья и положения дел, которые подтверждали, что агент не взят под контроль вражеской контрразведкой (конкретных примеров допрашиваемый не привел) [7, л. 139].

Также секретная переписка могла включать в себя отправку открыток, в которых при помощи точек обозначались маршруты передвижения войск. К примеру, точка, поставленная в верхнем углу, обозначала, что войска двигаются на север, в нижнем – на юг, на левом – на запад, на правом – на восток [там же].

Непосредственные контакты с резидентами германской разведки предполагалось проводить на территории Швеции. По прибытии в Стокгольм (где располагалось одно из крупнейших бюро германской разведки, включавшее в себя 8 отделов) разведчик должен был остановиться в гостинице «Регина». Вызвав при помощи записки агента, известного ему под именем Александра Ковальского, проживавшего в гостинице «Континенталь», завербованный офицер должен был связаться при помощи телеграммы со своим куратором по имени Душек. Вслед за этим к офицеру-инвалиду должен был явиться представитель германского разведывательного ведомства, которому следовало передать собранные сведения. Затем курьер вручал завербованному русскому офицеру 1 тыс. руб. (для сравнения, на 1913 г. жалование полковника русской армии равнялось 100 руб. в месяц [3]), оплату за конкретную информацию, дальнейшие инструкции и, в зависимости от обстоятельств, сообщал адреса некоторых резидентов. При этом подчеркивалось, что среди них есть высшие офицеры Генерального штаба. Также указывалось, что если новый агент не оправдает их надежд, то его удалят под каким-либо предлогом под надзор в Сибирь (что было неправдоподобно). В случае же попытки передать данные о немецкой разведке русской стороне ему угрожали смертью [7, л. 139].

Таким образом, система передачи засекреченной информации, используемая немецкой разведкой в период Первой мировой войны, не отличалась в целом ряде аспектов особой изощренностью. Последнее, вероятнее всего, объяснялось тем, что спецслужбам приходилось постоянно пополнять ряды агентуры за счет вербовки непрофессионалов, обучение которых сложным методам работы потребовало бы затрат недопустимо большого количества времени. Помимо того, руководство германской разведки, очевидно, учитывало, что в большинстве случаев в распоряжении агентов, скорее всего, вряд ли окажется оборудование, необходимое для использования сложных методов кодировки и передачи информации. Поиски необходимых материалов и технических приспособлений в государстве, находящемся в состоянии войны, закономерно привлекли бы

внимание контрразведки, а транспортировка аналогичных грузов через границу была связана с еще большим риском. Таким образом, спецслужбы кайзеровской Германии были вынуждены использовать упрощенные способы шифровки и передачи секретных сведений, адаптируясь к снижению общего уровня агентуры и к усложнению условий ее работы на территории противника.

Библиографический список

1. Абрамов В. Контрразведка. Щит и меч против Абвера и ЦРУ. М., 2006.
2. Аптекарь П. Агенты и резиденты // Родина. 1993. № 8–9. С. 40–41.
3. Веремеев Ю. Денежное содержание в России в 1913 г. // Юрий Веремеев. Анатомия армии. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/voen-oklad-1913.php> (дата обращения: 24.02.2013).
4. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
5. Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004.
6. Лубянка: из истории отечественной контрразведки. М., 2007.
7. Помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления в Шуйском, Ковровском, Суздальском и Юрьевском уезде. О жандармском надзоре за фабриками и заводами, работающими на военное ведомство. 8–13 ноября 1915 г. // Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 704 (Владимирское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 1176. Т. 2.
8. Шифр для переписи с гр. С.Р. Воронцовым. 1800 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 19 (Цифирные азбуки (шифры)). Оп. 2. Д. 209.
9. Энциклопедия секретных служб России / Авт.-сост. А.И. Колпакиди. М., 2003.

М.О. Лихачёв

«Наступивший мир возмутителен...
и способен приносить только несчастья».
Позиция Дж.М. Кейнса
на Версальской мирной конференции 1919 г.

Статья посвящена участию знаменитого британского экономиста Дж.М. Кейнса в работе Версальской мирной конференции в 1919 г. В центре внимания автора идейные мотивы, приведшие Кейнса к конфликту с мировым политическим истеблишментом и обоснованность негативных оценок Версальского договора, данных им в книге «Экономические последствия мира». Кроме того, в статье раскрывается значимость участия в Версальской конференции для дальнейшей научной и политической карьеры Кейнса.

Ключевые слова: Дж.М. Кейнс, Первая мировая война, Версальская мирная конференция, Версальский договор.

Джон Мейнард Кейнс по праву признан самым знаменитым и влиятельным экономистом XX в. Его имя прочно ассоциируется с зарождением макроэкономической теории, а также с формированием первых масштабных программ государственного регулирования экономики в период «Великой депрессии» 1930-х гг. Сегодня, после глобальной рецессии 2008–2011 гг., его идеи обретают второе рождение и вновь становятся основой для развития макроэкономических концепций и разработки практической политики [8; 13]. Однако впервые имя Кейнса получило широкую известность в 1919 г., когда он опубликовал книгу «Экономические последствия мира» [9]. Бывший финансовый советник британской делегации не только подвергал беспощадной критике сам Версальский договор и давал уничижительные характеристики его создателям, но и предсказывал, что этот договор будет иметь тяжелейшие последствия для будущего Европы и всего мира. Книга вызвала широкий общественный резонанс и, без сомнения, стала первым шагом Кейнса на том пути, который вывел его в число интеллектуальных лидеров эпохи. Однако широкая публика вряд ли могла догадываться о том, что стояло за решением одного из ведущих экспертов британского казначейства, осмелившегося нарушить корпоративную этику и предать гласности свое истинное мнение о том, в чем ему непосредственно пришлось участвовать во время Версальской мирной конференции.

Крах «великой иллюзии»

Накануне Первой мировой войны Кейнс был известен только в узких кругах британской академической и политической элиты. Несмотря на свою молодость (в 1914 г. ему исполнился 31 год), он уже был признан как автор оригинальной концепции вероятности и один из лучших учеников А. Маршалла – ведущего английского экономиста той эпохи, а также как лучший специалист по теории финансов и денежного обращения в Кембридже. Непродолжительный период службы в Управлении по делам Индии (1906–1908 гг.) и последовавший за этим ряд исследований, завершившихся публикацией книги «Финансы и денежное обращение Индии», создали Кейнсу в кругах высшей британской бюрократии репутацию выдающегося эксперта в финансовых вопросах. Разумеется, всеми этими успехами он был обязан, прежде всего, своим незаурядным способностями, но не только. Одним из главных факторов, позволивших Кейнсу войти в состав научной и политической элиты Британской империи, было то, что его политэкономические воззрения полностью соответствовали «духу времени», т.е. господствующему настроению либерального прогрессизма.

Кейнс в начале XX в. еще не был тем Кейнсом, которого сегодня знает мир – экономистом, отрицающим внутреннюю стабильность рыночной системы и утверждающим необходимость активного государственного вмешательства. Такие взгляды в начале XX в. неизбежно обрекли бы его на роль аутсайдера в академической среде и среде правительственной бюрократии. Кейнс в те времена был умеренным либералом, для которого примат частной инициативы, свободная торговля и золотой стандарт были незыблемы. Он искренне верил, что сложившаяся в мире социально-экономическая и политическая система является наилучшей из возможных и способна гарантировать мирное поступательное развитие человечества. Отголоски этих иллюзий обнаруживаются на первых страницах «Экономических последствий мира», где Кейнс пишет о довоенной эпохе: «Каким исключительным эпизодом экономического прогресса человечества был тот период, который завершился в августе 1914! Большая часть населения, действительно, тяжело трудилась и довольствовалась низким жизненным уровнем. Но для каждого человека, наделенного способностями и характером, превышающими средний уровень, были открыты возможности продвижения в ряды средних и высших классов общества, которые без особых затрат и усилий могли наслаждаться удобствами, комфортом и удовольствиями, недоступными для наиболее богатых и могущественных монархов предшествующих веков. Житель Лондона мог заказывать по телефону, потягивая в кровати свой утренний

чай, разнообразные продукты со всего мира, в тех количествах, которые он считал необходимым, и с полным основанием ожидать, что все это будет в самое ближайшее время доставлено к его дверям, он мог, в то же самое время и с той же самой уверенностью, вкладывать свои накопления в различные предприятия в любой части света, и без всяких усилий и беспокойств получать свою долю в их прибылях... Но, самое главное, он считал такое состояние дел нормальным и прочно установленным и полагал, что в будущем оно может только улучшаться, а любое отклонение от этого состояния рассматривал как скандальное недоразумение, которое в ближайшее время будет преодолено. Милитаризм и империализм, расовое и культурное соперничество, монополии и прочие ограничения и исключения, игравшие роль змея в этом раю, были не более чем развлечением, скрашивавшим чтение ежедневных газет, и, казалось, не имели никакого влияния на обычное течение социальной и экономической жизни, которая, как представлялось, стала почти полностью интернациональной» [9, с. 10–12].

Разумеется, в 1919 г. эти слова звучали как реквием по ушедшей эпохе, но реквием, не лишенный горькой иронии. Портрет преуспевающего английского джентльмена явно написан с натуры, и им был сам Кейнс. Накануне войны он, действительно, верил в нерушимость существующего глобального миропорядка и в то, что сложившаяся система экономических связей способна предотвратить широкомасштабный военный конфликт. В то время Кейнс вполне мог бы подписаться под многими сентенциями Н. Энджелла – автора книги «Великая иллюзия» – предвоенного интеллектуального бестселлера, в котором автор доказывал, что широкомасштабная война между современными государствами невозможна в силу их экономической взаимозависимости [5]. Сам Кейнс был уверен в этом настолько, что даже 30 июля 1914 г. продолжал скупать акции на Лондонской бирже.

Когда война все-таки разразилась, Кейнс был принят на службу в Британское казначейство. Здесь он приложил максимальные усилия к тому, чтобы сохранить размен фунта стерлингов на золото в международных операциях. И это несмотря на то, что золотые резервы Английского банка стремительно таяли (только за период с 28 июля по 1 августа они уменьшились со 130 до 50 млрд. фунтов [6]). Он был убежден, что война не может продлиться долго, а отказ от размена фунта на золото в будущем негативно повлияет на положение Лондона как мирового финансового центра. Однако по мере того как война разрасталась, масштабы жертв и разрушений привели Кейнса в ужас и породили в его душе внутренний конфликт. Служебный долг и профессиональная гордость требовали

от него приложить максимум усилий для спасения Великобритании от финансового краха. Но при этом он все больше приходил к убеждению, что угроза общего финансово-экономического краха – это единственное, что может заставить лидеров мировых держав прекратить войну.

В 1916 г. Кейнс надеялся, что американский президент В. Вильсон воспользуется финансовым могуществом, которое приобрели США, чтобы принудить противоборствующие стороны к переговорам. В начале 1917 г. революция в России также породила у него надежды на скорое завершение войны. Но с вступлением США в войну в апреле 1917 г. все эти надежды окончательно рухнули. Теперь Кейнсу казалось, что война будет идти до полного истощения сил воюющих стран, а это грозило разрушением всей европейской цивилизации. Накануне Рождества 1917 г. в письме к матери он нарисовал мрачную картину ближайшего будущего: «Мои рождественские мысли таковы: дальнейшее продолжение войны... означает, вероятно, исчезновение общественного порядка, который мы знали до сих пор. С некоторым огорчением я думаю, что в целом мне этого не жаль. Устранение богатых будет скорее приятным оборотом дела, и в любом случае так им и надо. Что меня пугает больше, так это перспектива общего обнищания. Пройдет год, и мы утратим все, на что надеялись, вкладываясь в создание Нового Мира... и когда утром я лежу в постели, я с большим удовлетворением думаю, что из-за некомпетентности наших правителей в сочетании с их же безумием и злобой одна определенная эра определенного вида цивилизации очень близка к своему концу» [3, с. 327]. Этот мрачный прогноз не сбылся, но тот период отчаяния, который пережил Кейнс в последний год мировой войны, наложил неизгладимый отпечаток на все его мировоззрение. Он осознал хрупкость и непрочность довоенной социально-экономической системы и понял, что эта система уже никогда не будет функционировать с прежней эффективностью. Как он позже напишет в «Экономических последствиях мира», «...эта замечательная система поддерживала свой рост при помощи двойного обмана или иллюзии. С одной стороны, трудящиеся классы удерживались в состоянии невежества и бессилия или были принуждаемы, убеждаемы и соблазняемы существующими обычаями, привычками, авторитетами и твердо установленной общественной системой довольствоваться лишь малой частью того “пирога”, который они производили совместно с природой и капиталистами. С другой стороны, класс капиталистов, которому принадлежала большая и лучшая часть “пирога” и который теоретически мог свободно распоряжаться ею, в реальности потреблял лишь очень небольшую его часть. Долг “сбережения” был признан в конце XIX в. в качестве добродетели, а рост

“пирога” стал объектом религиозного поклонения» [9, с. 19–20]. Однако эта мотивация сохраняла свою силу только благодаря уверенности в будущем. «Люди не столько воздерживались от потребления, сколько откладывали его, культивируя в себе способность наслаждаться уверенностью в исполнении своих ожиданий» [Там же, с. 20]. Война уничтожила эту уверенность, а, вместе с ней, стимулы к сбережению и инвестированию. Восстановить эти стимулы, обеспечивавшие способность мировой экономики к росту и развитию, можно было, только создав новые, более надежные, гарантии экономической и политической стабильности. Именно это Кейнс считал главной задачей мирной конференции.

Мирная конференция

Версальская конференция 1919 г., по замыслу ее организаторов, должна была сыграть ту же роль, которую за сто с лишним лет до этого сыграл Венский конгресс (1815 г.) [2], т.е. создать новую систему международных отношений, способную обеспечить странам и народам Европы продолжительный мир. Но прошло всего лишь двадцать лет, и последние остатки Версальско-Вашингтонской системы сгорели в пламени новой мировой войны. Историки, политологи и экономисты по сей день спорят о причинах недолговечности этой системы, выдвигая самые разнообразные версии [1; 4; 11; 13]. Однако, несмотря на все сложности и нюансы этих версий, главная причина крушения Версаля очевидна. Версальская конференция столкнулась со сложной дилеммой, которую она не смогла разрешить. Поскольку после поражения в Первой мировой войне Германия сохранилась как самостоятельный субъект мировых политических и экономических отношений, предотвратить угрозу германского реванша можно было, только последовательно реализуя одну из двух противоположных стратегий.

Первая стратегия состояла в том, чтобы, максимально ослабив Германию в военном отношении, отторгнув от нее стратегически важные территории и лишив ее экономику независимых источников сырья, обложить ее огромными репарациями и, изымая, таким образом, большую часть ее чистого дохода, лишить возможности инвестировать в восстановление военно-экономического потенциала. Эта стратегия исключала угрозу германского реванша вне зависимости от развития политической ситуации в самой Германии, но была сопряжена с колоссальными экономическими издержками для всей Европы. Довоенная Германия была не только крупнейшим производителем промышленной продукции, но и крупнейшим потребителем продукции других европейских стран и одним из мировых лидеров по объемам экспорта и импорта капита-

ла. Деиндустриализация германской экономики грозила свергнуть всю Европу в состояние долгосрочной стагнации и затянуть процесс послевоенного восстановления на многие десятилетия.

Вторая стратегия заключалась в том, чтобы с минимальными издержками интегрировать новую демократическую Германию в возрождающуюся систему мировых политических и экономических связей таким образом, чтобы полностью лишить привлекательности идею реванша. В этом случае необходимо было минимизировать экономическое бремя, возлагаемое на Германию по мирному договору, и приложить максимальные усилия для вовлечения ее в послевоенную систему экономических связей. Эта стратегия позволяла максимально усилить мультипликационный эффект восстановительного роста в послевоенной Европе, но лишала страны-победительницы возможности решить все свои текущие экономические проблемы за счет Германии. Кроме того, успех данной стратегии существенным образом зависел как от развития политической ситуации внутри Германии, так и от способности победителей взаимодействовать с политической и экономической элитой нового Германского государства.

На мирной конференции эти две стратегии были представлены не равноценно. Первой стратегии последовательно придерживалась французская делегация во главе с Ж. Клемансо [9, с. 35–36]. Лидеры США и Великобритании, В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж, декларировавшие приверженность второй стратегии, на самом деле, пытались, каждый на свой манер, найти компромиссный вариант, который позволил бы удовлетворить требования Франции, возместить издержки войны за счет Германии и, одновременно, избежать стагнации в экономике.

Кейнс, занимавший должность финансового советника британской делегации, был на Версальской конференции одним из немногих последовательных сторонников второй стратегии. Главную угрозу он видел в стремлении французов навязать Европе «карфагенский мир» [Там же, с. 56], т.е. договор, наносящий Германии максимальный экономический ущерб. Поэтому его основные усилия были направлены на то, чтобы убедить Ллойд Джорджа в необходимости противостоять чрезмерным требованиям французской делегации. Однако внутри самой британской делегации не было единства по этому вопросу. Лорды Д.Г. Самнер и В. Канлиф, которые, также как и Кейнс, представляли британское казначейство, фактически присоединились к французским требованиям, настаивая на максимальном возмещении ущерба. За ними стояло большинство консервативной партии и убежденность британского общества в том, что немцы обязаны возместить все тяготы войны [7]. Ллойд Джордж вынужден был считаться с этим мощным давлением.

Некоторую поддержку Кейнс получил от представителей казначейского департамента правительства США В. Лемонта и Н. Девиса. Но эта поддержка была весьма ограничена. Американцев, прежде всего, волновал вопрос погашения тех займов, которые они предоставили своим союзникам в ходе войны. Они смотрели на репарации как на главный источник решения этой проблемы. Хотя непосредственная доля США в распределении репараций была невелика, их представители обоснованно рассчитывали, что чем больше получают от немцев англичане и французы, тем быстрее они оплатят свой долг перед Америкой. Поэтому в ходе переговоров суммы предполагаемых репараций очень быстро взлетели с 2–3 млрд. фунтов стерлингов золотом (10–15 млрд. дол.) до 25–35 млрд. фунтов (125–175 млрд. дол.) [3, с. 409–411]. По иронии судьбы последний удар по умеренной позиции Кейнса нанес человек, который был, пожалуй, единственным его другом и единомышленником на конференции. Это был Я.К. Смэтс – министр обороны британского доминиона Южно-Африканский союз (ЮАС). Именно он в начале апреля 1919 г. подготовил юридическое обоснование для включения в состав репарационных выплат расходов на пенсии инвалидам войны, вдовам и сиротам, которое стало последней каплей, подточившей волю президента Вильсона и заставившей его согласиться на это требование. В результате, объем репарационных выплат стал безразмерным. В Версальском договоре так и не была обозначена окончательная сумма репараций. Решение было передано специальной комиссии, завершение работы которой предполагалось в 1921 г.

Проиграв сражение за ограничение величины репараций, Кейнс попытался смягчить реальное экономическое бремя репараций финансовыми методами. В середине апреля 1919 г. он представил руководителям британской делегации новый план, в соответствии с которым Германия и ее союзники должны были в счет репараций выпустить и передать странам-победительницам облигации на сумму 1 млрд. фунтов стерлингов. Эти облигации должны были стать гарантиями погашения репарационных платежей и, одновременно, платежным средством в расчетах между самими победителями. В частности, Британия и Франция могли бы обратиться эти облигации на покрытие своих долгов перед США. Это позволило бы восстановить кредитоспособность и платежеспособность европейских стран, повысить спрос европейского рынка на американские товары и создать импульс для экономического возрождения Европы. Ллойд Джордж одобрил предложения Кейнса, но против них жестко выступили Лемонт и Девис, за которыми стояло все банковское сообщество США во главе с Дж.П. Морганом. Американские банкиры не желали принимать

в качестве оплаты своих займов облигации с неопределенной реальной стоимостью и туманными перспективами погашения. Они хотели получить реальный золотой эквивалент своих военных займов. Отчаявшись в дальнейших попытках повлиять на условия договора, Кейнс покинул Версальскую конференцию за три с лишним недели до подписания договора, одновременно подав прошение об отставке со своей должности в Британском казначействе. Накануне своего отъезда, 5 июля 1919 г., он написал Ллойд Джорджу: «Я должен сообщить Вам, что в субботу я сбегая со сцены кошмара. Я ничем больше не могу быть здесь полезен. Даже все эти последние ужасные недели я продолжал надеяться, что Вы найдете какой-то способ сделать договор справедливым и целесообразным документом. Но теперь, судя по всему, слишком поздно. Сражение проиграно» [3, с. 420].

Пророчества и реалии

Кейнс покинул мирную конференцию с твердым убеждением, что там одержала верх французская политика «карфагенского мира». «Настолько, насколько главная экономическая линия договора представляет некую интеллектуальную идею, эта идея Франции и Клемансо», – пишет он спустя несколько месяцев в «Экономических последствиях мира» [9, с. 29]. Эта книга стала для него своеобразной исповедью и, одновременно, попыткой привлечь внимание общественности. Вторая цель, несомненно, была достигнута. Книга стала интеллектуальным бестселлером 1920 г. и сделала автора знаменитым. В немалой степени этому способствовали мрачные прогнозы Кейнса относительно будущего Европы после реализации условий договора. «Договор, – писал Кейнс, – не содержит никаких условий экономической реабилитации Европы, ничего, что могло бы превратить Центральные державы в наших добрых соседей, ничего для того, чтобы укрепить новые государства Европы, ничего для того, чтобы вернуть Россию, ничего, что могло бы обеспечить тесную экономическую солидарность между самими союзниками... ничего, что могло бы приспособить систему Старого Мира к Новому» [Там же, с. 226]. Такой вывод предрекал Европе длительный период стагнации и политических потрясений и на фоне послевоенной ситуации с ее упадком производства, массовой безработицей, инфляцией и продовольственными проблемами выглядел вполне реалистично.

Однако прошло всего лишь пять-шесть лет, и послевоенный бум изменил экономическое лицо Европы. Большинство европейских стран превысили послевоенный уровень производства и потребления примерно к 1925–1926 гг. Германия в течение сравнительно непродолжительного

времени восстановила свой экономический, а впоследствии и военный потенциал, что сделало возможным германский реванш, вылившийся во Вторую мировую войну. Такой оборот событий создал почву для критики «Экономических последствий мира», начало которой было положено «посмертным оппонентом» Кейнса – Э. Манту. Его книга «Карфагенский мир или Экономические последствия г-на Кейнса» [12] была опубликована в конце 1946 г., но ее автор был казнен нацистами как участник французского сопротивления еще в 1944 г. По иронии судьбы, к моменту выхода книги в свет сам Кейнс тоже уже ушел из жизни и не мог ничего ответить на критику.

Манту обвинял Кейнса в том, что, недооценив экономический потенциал Германии и нарисовав чрезмерно мрачную картину экономического будущего Европы, он настроил общественное мнение против Версальского договора и помешал реализовать заложенные в нем препятствия для германского реванша. При этом Манту ссылаясь на статистику экономического роста германской экономики в 1920–1930-е гг. и доказывал, что этот рост мог обеспечить самые суровые репарационные требования из тех, что выдвигались в Версале.

Манту явно не учитывал, что прогнозы Кейнса не сбылись именно потому, что «карфагенская стратегия», закрепленная в Версальском договоре, в действительности так и не была реализована. Экономические и политические катаклизмы начала 1920-х гг. и отсутствие единой политической воли у держав-победительниц привели к целой серии уступок, которые выхолостили «карфагенскую» составляющую договора. Масштабный экономический рост германской экономики, на который ссылается Манту как на потенциальный источник покрытия репараций, был невозможен, если бы репарации последовательно взыскивались с Германии в полном объеме. Они бы истощили источники внутренних инвестиций, обеспечивших рост и технологическое развитие германской экономики в межвоенный период, что неизбежно снизило бы способность Германии платить по Версальским счетам в течение всего срока репарационных выплат.

К тому же позиция Манту была явно противоречивой. С одной стороны, он утверждал, что Версальский мир не был «карфагенским», т.е. не предполагал разрушения экономического потенциала Германии, с другой – видел в нем надежную гарантию от германского реванша. Однако очевидно, что, превращая Германию в «партию Европы» и, одновременно, сохраняя возможность восстановления ее военно-экономического потенциала, Версальская система делала германский реванш неизбежным. И если Версальский договор изначально не предполагал деструк-

цию экономического потенциала Германии, то он был просто политически бессмысленным документом.

В действительности, главный порок Версальской системы заключался в том, что избрав «карфагенскую стратегию» и не сумев ее реализовать, она в то же время блокировала возможность восстановления равноправных экономических и политических отношений в Европе. И хотя Версальский договор не привел к экономическому разрушению Германии, он также не позволил восстановить в полном объеме систему международных экономических отношений и включить в нее в качестве полноправных участников Германию и другие государства, оставшиеся за бортом Версаля. И Кейнс был первым, кто указал на этот главный порок новой мировой системы. В заключительной части своих «Экономических последствий мира» он предупреждал об опасности экономической изоляции, в которой оказались Германия и ее бывшие союзники, а также Россия. «Если мы упорно противимся любому средству, которое позволило бы Германии и России восстановить свое благосостояние, поскольку мы чувствуем национальную, расовую или политическую ненависть к населению или правительствам этих стран, мы должны быть готовы принять на себя последствия этой ненависти. Если нет больше моральной солидарности между соседними народами Европы, остается экономическая солидарность, которую мы не можем игнорировать» [9, с. 295]. Эти слова Кейнса оказались поистине пророческими. Благодаря послевоенному буму, объемы национального производства в большинстве европейских стран довольно быстро превзошли довоенный уровень, но международная торговля так и не достигла довоенных масштабов. Возросший экономический потенциал европейских стран оказался стиснутым в узких рамках системы международных экономических отношений, порожденной Версалем. Результатом стала «Великая депрессия», которая потрясла мировую экономику и вызвала политические изменения, ставшие началом конца Версальской системы.

Заключение

Версальская мирная конференция повлияла не только на судьбы мира, но и на судьбу своего главного критика. Как ни странно, именно после участия в конференции и публикации «Экономических последствий мира» Кейнс выдвинулся в первые ряды мировых экономических экспертов. Конфликт с европейским политическим истеблишментом, в который он вступил на конференции, не только не подорвал его научную и политическую карьеру, но, наоборот, стимулировал ее. Реалии послевоенного мира породили у правящих кругов ведущих мировых держав острую

потребность в неортодоксальных экономических идеях и рецептах, и Кейнс стал одним из тех, кто с успехом удовлетворял эту потребность. На протяжении 1920-х гг. он как советник и эксперт активно участвовал в обсуждении и решении самых острых экономических проблем, таких, как гиперинфляция в Германии или депрессия в Англии, вызванная возвращением к золотому стандарту. И хотя до публикации «Общей теории занятости, процента и денег» [10], перевернувшей все устоявшиеся представления об экономической теории и политике, было еще далеко, не будет преувеличением сказать, что путь к «кейнсианской революции» для Кейнса начался именно в Версале.

Библиографический список

1. Буллит У., Фрейд З. Томас Вудро Вильсон, 28-й президент США. Психологическое исследование. М., 1992.
2. Орлов А.А. Новый мировой порядок в рамках Венской системы. Великобритания и Россия: поиск основ послевоенного взаимодействия (1815 г.) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2011. № 1. С. 78–88.
3. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. Т. 1. М., 2005.
4. Andelman D.A. A shattered peace. Versailles 1919 and the price we pay today. Hoboken (N.J.), 2008.
5. Angell N. The Great Illusion. NY, L., 1910.
6. Ashamed L. Lords of finance: The bankers who broke the world. NY, 2009.
7. Churchill W. The World crisis. Vol. IV. The Aftermath. NY, 1929.
8. Clarke P. Keynes: The Rise, Fall, and Return of the 20th century's most influential economist. NY, 2009.
9. Keynes D.M. Economic consequences of Peace. NY, 1920.
10. Keynes D.M. The General theory of employment, interest and money // The collection writing of John Maynard Keynes. Vol. 7. Cambridge, 1973. P. 3–413.
11. MacMillan M. Paris 1919. Six months that changed the world. NY, 2003.
12. Mantoux E. The Carthaginian Peace, or the Economic Consequences of Mr. Keynes. Oxford, 1946.
13. Sinclair D. Hall of mirrors. L., 2002.
14. Skidelsky R. Keynes: Return of Master. NY, 2009.
15. Tardieu A. The Truth about the Treaty. Indianapolis, 1921.
16. Temperley H.W.V. History of the Peace Conference. Vol. 2. L., 1920.

О.А. Айкашева

Судьба Ивана Чернова – сына Н.А. Дуровой

В статье описана до этого неизвестная судьба единственного сына Н.А. Дуровой (1783–1866) – женщины-офицера русской армии, участницы Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения. Выявленные автором в архивах Санкт-Петербурга и Москвы материалы положили начало изучению судьбы прямых потомков кавалерист-девицы.

Ключевые слова: прямые потомки кавалерист-девицы Н.А. Дуровой, сын Н.А. Дуровой, история г. Сарапул, Императорский военно-сиротский дом, Иван Васильевич Чернов.

3 января 1803 г. в уездном г. Сарапуле Вятской губернии родился мальчик. И, наверное, ничего особенного в судьбе этого ребенка не было бы, спустя 210 лет никто бы и не вспомнил его имени, не заинтересовался судьбой этого человека, если бы его мать была обыкновенной женщиной. Но здесь речь идет о сыне знаменитой «кавалерист-девицы» Надежды Андреевны Дуровой, которая 10 лет прослужила в русской армии, участвовала в двух заграничных походах, Отечественной войне 1812 г. и Бородинском сражении.

Василию Стефановичу Чернову было 27 лет, когда его жена, Надежда Андреевна, 20 лет, произвела на свет сына. 7 января мальчика крестили в Вознесенском соборе Сарапула и нарекли Иваном [6, л. 2]. Восприемником (крестным отцом) был его дед с материнской стороны Андрей Васильевич Дуров. До трех лет Иван жил с родителями. Вполне возможно, что он никогда бы не уехал из Сарапула и сделал карьеру мелкого чиновника, как и его отец, если бы не характер матушки. Надежда, забрав сына, ушла от Василия Стефановича и вернулась в дом родителей. У бабушки с дедушкой Иван оказался среди двух тетей и дяди. Дядя Ивана – Василий Андреевич Дуров – был старше своего племянника на 4 года,

тетя Клеопатра на 12 лет, тетя Евгения на 2 года. Мать Ивана не могла долго оставаться в родительском доме, т.к. бабушка, Анастасия Ивановна, настаивала, чтобы дочь вернулась к мужу. Молодая мать решилась на отчаянный шаг – чтобы не возвращаться к мужу и избежать гнева матери, она в сентябре 1806 г. исчезла из отцовского дома. Иван остался жить в семье дедушки.

В 1807 г. бабушка Ивана умерла. От его матери пришло письмо, из которого стало известно, что она служит в русской армии под фамилией Соколов. Дед, надеясь, что Надежда вернется домой и будет оставшимся сиротам матерью, написал брату Николаю в Петербург письмо с просьбой разыскать Надежду. Благодаря этому письму о том, что среди мужчин в императорской армии служит женщина, узнал Александр I. В декабре 1807 г. Надежда Дурова встретила с государем. Александр Павлович уже знал о ее замужестве, рассказала она ему и о сыне Иване. Император пообещал позаботиться о ребенке. Так судьба Ивана Чернова решилась в Зимнем дворце. Мать осталась служить в армии, но по велению государя теперь она носила фамилию Александров и служила в Мариупольском гусарском полку корнетом.

Дед Ивана был вторым по счету градоначальником Сарапула, уездного города Вятской губернии. Он занимал эту должность в течение 35 лет и вышел в отставку летом 1825 г., передав ее сыну Василию, служившему тогда обер-офицером в Ямбургском уланском полку.

Как выглядел дом, в котором остался маленький Иван, теперь установить невозможно. В своей книге Надежда Андреевна не оставила подробных описаний этого здания. Она рассказала о том, что к дому примыкал большой сад, в котором стоял летний флигель на два этажа и с верандой. Кроме того, имелись огород и хозяйственные постройки: конюшня, сарай, скотный двор. Усадьба городничего была обнесена забором [2, с. 38].

Денежное содержание градоначальника в чине коллежского советника достигало 300 руб. в год. Это была не очень большая сумма. На иждивении же Андрея Васильевича находились четыре человека: дочь Клеопатра, сын Василий, дочь Евгения и с сентября 1806 г. – внук Иван. В июне 1808 г. Дуров подал прошение на имя государя с просьбой определить детей в какое-нибудь учебное заведение: «С кончиною жены моей, не имея никаких способов доставить приличное воспитание остающимся в семействе моем малолетним детям моим сыну Василию 9-ти лет и дочери Евгении 8-ми лет, да внуку моему, рожденному от означенной дочери моей под именем Соколова, Ивану (по отцу Чернов) 7 лет. Я повергаюсь к стопам Твоим, Всемилостивейший Государь! Прошу милосердно на судьбу сих малолетних воззрения...» [Там же, с. 66].

Император не оставил прошение без внимания. «Высочайше повелено внука просителя и дочь привезти сюда на казенный счет и определить первого – в военно-сиротское отделение, а последнюю в таковое же отделение под управлением Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны находящеяся» [2, с. 66]. Александр I распорядился поместить Ивана Чернова в Императорский военно-сиротский дом, Евгению Дурову – в женское отделение этого дома. Из государственного казначейства было выделено 147 руб. 61,5 коп. на путешествие детей из Сарапула в Санкт-Петербург. Выехали Иван с Евгенией в феврале 1809 г. Надежда Дурова в октябре 1808 г. подала прошение об отпуске, она знала, что сын отправляется в Санкт-Петербург на учебу, и хотела с ним повидаться. Ей дали отпуск на два месяца. 8 и 9 января 1809 г. Надежда Андреевна была в Москве, затем поехала в Сарапул, где находилась менее трех недель, и на обратном пути сопровождала сына и сестру Евгению, едущих в Петербург. 5 марта 1809 г. Иван Чернов был зачислен в Императорский военно-сиротский дом.

Императорский военно-сиротский дом существовал на положении кадетского корпуса. Дом состоял из 2-х отделений – благородного и солдатского. В первом было 200 мальчиков и 50 девочек, во втором – 800 мальчиков и 50 девочек. «В первое Отделение определяются по достаточным доказательствам о дворянстве и неимуществе дети, как дворянские, так равно и Штаб- и Обер-офицерские без телесных недостатков, не входя при том в разбирательство религии, но только не старше 11-ти лет. Их называть кадетами, – гласил императорский указ. – Числа им не полагается, но в приеме преимуществуют те дети, коих родители скончали дни, служба Отечеству, потом предпочитают те из них, коих отцы, хотя и продолжают военную службу, но состояния скудного. Содержать пищу и одеждою и обучать на казенном коште: 1) Закону Божьему по рождению их родителей, 2) Российскому, 3) Немецкому языкам, то есть читать, писать и говорить сии наречия, 4) Грамматике и переводам тех языков, 5) Арифметике, 6) Геометрии, 7) Артиллерии, 8) Фортификации и Тактике, 9) Рисовать, 10) Истории и 11) Географии; однако же не в таком виде, чтобы обучать могли, но чтобы сами сими познаниями пользоваться умели» [Там же, с. 68].

В царствование Александра I программа обучения в Императорском военно-сиротском доме была расширена. Иван Чернов изучал французский язык, алгебру, плоскую тригонометрию, физику и съемку местности. После сдачи экзаменов кадеты стали проходить полугодовую стажировку в Дворянском полку или в 20-м Кадетском корпусе «для узнания фрунтовой науки» [Там же, с. 71].

Малолетние кадеты имели свою форменную одежду. Иван Чернов до 10-ти лет носил темно-зеленую фуражку с красным околышем, выпушками и кистью, однобортную темно-зеленую суконную куртку без фалд, которую зимой носил с темно-зелеными суконными панталонами, а летом – с белыми панталонами из фламского (тонкий широкий посконный равендук) полотна. Зимой дети носили серую суконную шинель, картуз из черного поярка с наушниками и белые замшевые рукавицы. Кадеты строевого возраста (11–18 лет) были обмундированы как унтер-офицеры армейской пехоты: черный кивер, суконная темно-зеленая двубортная куртка на медных пуговицах с фалдами и с красным воротником, обшлагами и погонами, суконные белые панталоны. В гардероб входила и серая суконная армейская шинель с красным стоячим воротником. Вооружены кадеты были ружьями со штыками и тесаками.

Повседневная жизнь кадетов протекала в режиме, установленном Высочайшим указом для всех кадетских корпусов того времени: подъем в 6.00, общая молитва и первый завтрак в 7.00, начало занятий в 8.00, в 11.00 – второй завтрак, после него внеклассное приготовление уроков и прогулка, в 14.00 – обед, с 15 до 16 часов – занятия в классах, затем прогулка, в 20.00 – ужин, после 21.00 – общая молитва и сон.

Поведение кадетов отмечалось в ежемесячных рапортах. За нерадение в учебе, за невыученные уроки следовали наказания: ставили на колени среди классной комнаты. За более серьезные проступки секли розгами. Иван Чернов был примерным воспитанником и имел оценку «изрядное поведение», экзекуциям не подвергался.

Учебный год продолжался 10 месяцев: с середины августа до середины июня. Кроме летних каникул, когда малолетних кадетов отпускали по домам, а кадетов строевого возраста вывозили в лагерь, существовали еще каникулы рождественские и пасхальные.

В 1810 г. мать Ивана Чернова взяла длительный отпуск, с 13 декабря по 15 марта 1811 г. В это время в военно-сиротском доме были рождественские каникулы, кадетов отпускали к родителям или к родственникам, живущим в Санкт-Петербурге. Надежда Дурова в своих мемуарах писала, что гостила у дяди – Николая Дурова, который проживал в доме Кузьминой на Сенной площади. Но она не указала, что и ее сын проводил каникулы в том же доме с близкими людьми [2, с. 77].

5 сентября 1819 г. Иван Чернов был выпущен из военно-сиротского дома в чине XIV класса для определения к статским делам, за неспособностью по болезни к военной службе. 20 января 1820 г. Чернов был определен в комиссию в Адмиралтейство. Коллежские регистраторы (чин XIV класса) были, как правило, писцами в канцеляриях – самыми

бесправными работниками. Конечно, с этого чина часто начинали свою карьеру и сыновья состоятельных родителей, но это был кратковременный период в их жизни. Взятюго на службу молодого человека, скорее всего, назначили на должность писца: хороший почерк был непременным условием успешной чиновничьей карьеры. Начинающим канцеляристам поручали поначалу очинку перьев, что было тоже своего рода искусством, которое давалось не каждому. От Ивана требовалась безукоризненная чистота и разборчивость документа, что при писании гусяными перьями было делом сложным, обязательна была и грамотность.

В ноябре 1820 г. Чернов уволен из должности и 16 декабря 1820 г. определен в Департамент внешней торговли. Здесь он проявил себя не только как грамотный и аккуратный переписчик – важным этапом в чиновничьей карьере было умение составлять документы, многие этому не могли научиться за всю жизнь. В 1823 г. Иван Чернов получил чин XII класса – был произведен в губернские секретари, что соответствовало армейскому чину поручика. Через три года, 8 февраля 1826 г., Чернов произведен в чин X класса – коллежский секретарь. Чин этот давался по окончании высших учебных заведений, а закончить службу в этом чине означало прервать служебную карьеру на половине дороги. К Чернову положено было обращаться «ваше благородие». 8 февраля 1829 г. Иван произведен в чин IX класса – титулярный советник. Этот чин равен армейскому капитану. Большинство титулярных советников навеки оставались в этом чине, не рассчитывая на большее; их называли «вечными титулярными советниками». Дело в том, что следующий чин VIII класса – коллежский асессор – ценился очень высоко, и достичь его было нелегко даже дворянину, как правило, требовался университетский или лицейский диплом, либо сдача соответствующего экзамена. Чернов в 1830 г. увольняется из Департамента внешней торговли, а в 1831 г. вновь определен в этот департамент. Ему поручают исполнять должность помощника столоначальника [11, л. 466–468]. Во время работы в Департаменте внешней торговли Иван ежегодно получал денежное награждение. Вначале (в 1822 г.) оно составляло 75 руб., а к 1831 г. возросло до 100 руб.

7 августа 1831 г. по предписанию Департамента внешней торговли Иван Чернов перемещен в Петербургскую таможенную в число канцелярских служителей. На таможенное отделение возлагался широкий круг обязанностей: вести дела, в которых содержались сведения о состоянии таможенных округов, таможен и застав по всему государству; срочные ведомости о приходящих и отходящих кораблях, о товарах привозимых и отпускаемых, о товарах, с кораблей собираемых; собирание генеральных и частных карт пограничных и прибрежных мест по всей таможенной

линии, с обозначением больших и малых дорог, пограничных рек и водных сообщений; наблюдение за исправностью и верностью пошлинных сборов; дела по конфискации и продаже товаров и по торговле нейтральной; дела об определении и увольнении чиновников, служителей, о награде и производстве их; дела следственные по жалобам и доносам о преступлении должности [9].

6 июля 1832 г. Чернов по его прошению был определен в Комиссариатский департамент помощником столоначальника в 1-м отделении. Это отделение состояло из 3-х столов, ведало вопросами личного состава, собранием и хранением штатов войск, делами по казенным и частным взысканиям, заключению контрактов с поставщиками и вопросами ремонта фабрик и магазинов. В это время Ивану было 29 лет, он был холост, имел высокий чин. Помощником столоначальника в Комиссариатском департаменте Чернов служил до 1835 г. В 1836 г. Иван Васильевич уже являлся столоначальником.

В 1834 г. за усердную службу его наградили единовременно 600 руб. Немалая сумма выделена Чернову, скорее всего, на женитьбу. Он женился, предположительно, в 1834 г. Первый биограф «кавалерист-девицы» Н.Н. Блинов писал, что Иван Чернов просил у матери благословления на брак и получил его, обратившись к ней официально, письмом делового характера [3, с. 414].

Жена Ивана Васильевича, Анна Михайловна Бельская, была дочерью дворянина – титулярного советника Михаила Кирилловича Бельского. Родилась Анна в Стрельне, под Петербургом, в 1811 г. Семья Бельского была довольно большой, старшие сыновья Сергей, Михаил, Николай и Александр были устроены в Императорский военно-сиротский дом, там же училась и старшая дочь Марья. Михаил Кириллович писал прошение на устройство и Анны в это учебное заведение, но оно было отклонено, Анну не приняли за неимением свободных вакансий [7]. Она находилась при родителях с младшими детьми Владимиром и Павлом вплоть до замужества. В Стрельне семья Бельских жила в собственном деревянном доме и никакого другого родового недвижимого имущества не имела. Старший сын Сергей в 1828 г. служил прапорщиком в Нижегородском пехотном полку, старшая дочь Марья, благодаря хорошему образованию, в 22 года была уже замужем, жила отдельно [10, л. 13]. Анна, как и Надежда Дурова, получила домашнее образование. Приданого большого за девочками не было, поэтому выйти замуж было непросто. Бельский был уволен в отставку и переехал из Стрельны в Петербург с пенсионом за 37-летнюю службу. В 1834 г. Анна Михайловна вышла замуж за Чернова. Молодые люди жили в Петербурге, по

адресу: Екатерининский канал, дом № 62 (2 часть, 3 квартал, № 126), ныне – канал А.С. Грибоедова.

Чернов продолжал служить в Комиссариатском департаменте столоначальником до 1837 г. [5, с. 194]. В 1837 г. он, по всей видимости, был уволен. Где и как жила семья Ивана 9 лет, до 1846 г., неизвестно. Нужно заметить, что в 1836 г. в Петербург приехала Надежда Дурова – мать Ивана Чернова. Она занималась изданием своих «Записок». После дебюта в журнале «Современник», издаваемом А.С. Пушкиным, у нее появились новые знакомые в литературных кругах Петербурга, возможно, оставались и друзья среди военных, и она хлопотала о сыне. В период пребывания Дуровой в столице Иван Чернов переходит из чина IX класса в VIII класс. Коллежский асессор (чин VIII класса, равный армейскому майору) давал ряд преимуществ: дети дворян пользовались льготами при получении образования, и как говорилось выше, перейти в этот чин было непросто даже дворянину. Обращались к Чернову уже «ваше высокоблагородие». Где служил в это время Чернов, где он проживал, как его повысили в чинах – пока остается неизвестным. В 1846 г. Иван Васильевич возвращается в Комиссариатский департамент в 4-е отделение столоначальником уже в чине VII класса – надворного советника. Чин равен подполковнику. 10 октября 1848 г., в возрасте 37 лет, умерла жена Ивана Васильевича [8, т. I, с. 353]. В тот год в столице разразилась эпидемия холеры, возможно, она стала причиной смерти еще молодой женщины. Похоронили Анну на Митрофаниевском кладбище. Чернов больше не женился.

В 1853 г. Иван Васильевич был произведен в коллежские советники. Это весьма значительный чин, равный армейскому полковнику. Он давно уже перерос чинами свою мать – Надежду Дурову, которая вышла в отставку в чине штаб-ротмистра, соответствующего пехотному штабс-капитану.

13 января 1856 г., в возрасте 53-х лет, Иван Васильевич умер. По традиции, мужа и жену хоронили на одном кладбище, поэтому Чернов тоже погребен на Митрофаниевском кладбище Санкт-Петербурга [8, т. IV, с. 473].

Надежда Дурова с 1841 г. жила в уездном г. Елабуга Вятской губернии, откуда уже не выезжала. По воспоминаниям современников, ни с кем переписки «кавалерист-девица» не вела, лишь редко писала своему сыну. Сохранилась часть записки Дуровой неизвестному лицу – обращение кем-то специально оторвано, нет в ней и даты, но текст гласит: «Великий Боже! Как неисповедимы судьбы его; я горько плачу! Возможно ли, что доброе и прекрасное существо так рано рассталось с жизнью! Александров» [1, л. 1]. Возможно, эта записка – часть письма сыну, где Дурова (Александров) выражает соболезнование Ивану Васильевичу по поводу смерти его жены Анны Михайловны.

Никто из современников-елабужан не помнит, чтобы в последние годы сын приезжал к Дуровой [4, с. 790]. Но это было и невозможно, прославленная женщина пережила своего сына на 10 лет.

Для истории России жизнь обыкновенного статского чиновника, каких было тысячи, не имеет особого значения. Но для провинциального Саратова, для семьи Дуровых Иван Васильевич Чернов, получивший хорошее столичное образование и воспитание, прожил блестящую жизнь. Отец Ивана, Василий Стефанович Чернов, женившись в 25 лет, имел низший чин (XIV класса) коллежского регистратора. Перспектив роста в провинциальном городке у Чернова-старшего было немного. Его сын в этом возрасте дослужился уже до чина титулярного советника (IX класса). Мать, Надежда Андреевна, прослужив 10 лет в русской армии, дослужилась до чина штаб-ротмистра (в статской службе этому званию соответствует чин титулярного советника). Дед вышел в отставку в чине коллежского советника (VI класса). Иван Васильевич, как и дед, успел дослужиться до чина VI класса, получить награду – в «Некрополе...» Чернов значится как коллежский советник и кавалер [8, т. IV, с. 473]. Понятно, что Чернов, благодаря своим способностям – аккуратности, грамотности, живому уму – добился определенных успехов в службе. Но было ли это возможно, если бы Иван остался в провинции? Детям бедных дворян попасть в кадеты и получить достойное образование было очень трудно.

Преимущественным правом при зачислении в Императорский военно-сиротский дом пользовались сыновья офицеров, погибших на войне и находящихся на действительной военной службе. Отец Ивана, Василий Чернов, был не в состоянии предоставить ему это преимущество, а вот мать смогла сделать для сына невозможное. Дав ему столичное образование, Дурова и впоследствии не оставляла сына без внимания. «Кавалерист-девица», пользуясь старыми связями и знакомствами, обеспечила Ивану Васильевичу Чернову определенную степень независимости и прочное положение в обществе.

Библиографический список

1. Александров [Дурова Надежда]. Записка к неизвестному лицу // Институт русской литературы Российской Академии наук (ИРЛИ РАН). Р I (Фонд Модзалевского). Оп. 6. Ед. хр. 103.
2. Бегунова А.И. Надежда Дурова. Документальная биография легендарного персонажа. Елабуга, 2006.
3. Блинов Н.Н. «Кавалерист-девица» и Дуровы (Из Саратовской хроники) // Исторический вестник. 1888. Т. XXXI. С. 414–420.
4. Кутше Н. Дуров-Александров (Биографическая заметка) // Исторический вестник. 1894. № 3. С. 788–793.

5. Месяцеслов и общий штат Российской империи. СПб., 1837. Ч. I.
6. Метрическая книга Вознесенского собора г. Сарапула. 1803 г. Ч. 1 // Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237 (Вятская духовная консистория). Оп. 79. Д. 28. Л. 2.
7. Прощение М. Бельского об устройстве дочери на казенный счет // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 535 (Канцелярия императрицы Елизаветы Алексеевны). Оп. 1. Д. 13. Л. 348.
8. Сайтов В.И. Петербургский некрополь. Т. I. СПб., 1912. Т. IV. СПб., 1913.
9. Таможенное дело в XIX в. // Таможенное дело. Тюменский государственный университет. URL: <http://custom.utmn.ru/custom/history/19.htm> (дата обращения: 12.03.2014).
10. Формулярный список о службе Бельского // РГИА. Ф. 539 (Придворная канцелярия вел. кн. Константина Павловича). Оп. 1. Д. 988. Л. 13–14.
11. Формулярный список Чернова на 1833 г. // РГИА. Ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства). Оп. 4. Д. 102. Л. 466–468.

В.Ю. Звягина

Особенности отражения «русского стиля» в журналистике рубежа XIX–XX вв.

В российской прессе рубежа XIX–XX вв. отчетливо прослеживается национальный подъем (родившийся еще в начале XIX в., после победы над Наполеоном): рассматриваются вопросы патриотизма, возникновения славянских корней, православия, отечественной истории. Большое внимание уделяется новому течению искусства той поры – русскому стилю. Иллюстрируют журналы того времени законодатели русского стиля в искусстве.

Ключевые слова: русский стиль, мамонтовский кружок, художественные журналы рубежа XIX–XX вв.

Под термином «русский стиль» подразумевают один из неостилей в русском искусстве в середине и конце XIX в. Каковы были предпосылки его возникновения? В первой половине XIX в. бурное развитие получает движение национального романтизма, которое приходит на смену полуторовековому увлечению Западом. Причиной разочарова-

ния в европейской культуре становится военное поражение Наполеона в войне 1812 г.

Россия обращается к своему богатейшему историческому прошлому. Тема исторических судеб страны и ее народа становится средоточием духовных интересов общества, и теперь именно в этой теме усматривается главный смысл существования искусства как средства осознания личностью своего времени и себя. Теме России придается большое значение на государственном уровне: Николай I поручает архитектору К.А. Тону разработку проектов зданий в русском стиле. В 1838 г. начинается строительство Большого Кремлевского дворца, отразившего идею самодержавия, в 1839 г. воздвигается Храм Христа Спасителя как выражение идеи православия, а затем, в 1853 г., Тон разрабатывает проекты русских поселений, отражающих понятие народности.

Своеобразная мода на все русское становится всеобъемлющей. Н.М. Карамзин создает «Историю государства Российского», историки Д.И. Иловайский и С.А. Геденон отверяют норманнскую теорию происхождения русской власти, В.А. Жуковский переводит на современный язык «Слово о полку Игореве», И.В. Киреевский издает собрание русских былин, А.Н. Афанасьев – сборник русских народных сказок, Ф.И. Буславев – труды по древнерусской словесности и древнерусской иконографии. Композиторы, ставившие целью воплощение русской национальной идеи в музыке, объединяются в «Могучую кучку» (М.А. Балакирев, А.П. Бородин, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков).

Русский стиль затрагивает и тогдашнюю моду. В 1834 г. специальным указом Николая I при императорском дворе утверждается новый покрой женского парадного платья «в русском духе». Наряд дополняется кокошником с вуалью (для замужних дам) или головной повязкой с вуалью (для девиц). Позже, уже при Николае II, разворачиваются грандиозные костюмированные балы, где все гости предстают в костюмах времен допетровской Руси.

На рубеже XIX–XX вв. русский стиль проникает и в бытовую жизнь человека. В нем оформляются интерьеры, изготавливается мебель и посуда, шьются костюмы. На афишах, рекламных плакатах, театральных программах, меню торжественных обедов, торговых упаковках появляются стилизованные изображения сказочных расписных теремов, былинных богатырей, красавиц в сарафанах и кокошниках. Повсеместно распространяются мотивы деревянной резьбы, кружева, вышивки.

Если говорить об очагах возрождения древнерусского искусства, то здесь инициатором становится художественный кружок подмосковного Абрамцево, который возглавляет меценат С.И. Мамонтов. В Талашкино

под Смоленском княгиня М.К. Тенишева создает второй центр возрождения русской народной культуры. Третий — и самый важный центр русского стиля — формируется в Русском городке Царского Села при Феодоровском Государевом соборе. Первые два центра ставят вопросы русского стиля, а последний дает ответы на них, причем на государственном уровне. Знаменательным стало и возникновение «Общества возрождения художественной Руси» — организации, распространявшей в народе традиции древнерусского творчества.

Кто стал свидетелем той эпохи? Конечно же, русская журналистика, с помощью которой мы теперь узнаем обо всех происходивших в то время событиях. О творцах и идейных вдохновителях рассказывают такие журналы, как «Мир искусства», элитарное издание «Столица и усадьба», журнал «Старые годы», этнографическое издание «Живая старина», журналы «Золотое руно», «Зодчий», «Аполлон», «Нива», менее распространенные издания, такие как «Искусство и художественная промышленность», «Печатное искусство», «Новая иллюстрация», «Искусство и печатное дело», «Среди коллекционеров», «Искусство строительное и декоративное», «Керамическое обозрение», «Выставочный вестник», «Зодчий», газеты «Утро России» и «Русское слово».

Один из символических текстов был подготовлен в журнале «Столица и усадьба». Это петербургское издание, выпускаемое в свет журналистом и литератором В.П. Крымовым, было посвящено светской жизни обеих столиц, охоте, спорту, коллекционерству, жизни русской усадьбы. В статье говорилось об усадьбе Абрамцево, которой владел меценат и строитель Ярославской железной дороги Савва Мамонтов. Савва Иванович — видный промышленник, а также меценат, готовый поддерживать талантливых людей. Усадьбу Абрамцево Мамонтов приобрел у потомков писателя С.Т. Аксакова и превратил ее в художественный центр. Ядро объединения составили В.М. Васнецов, В.Д. Polenov, В.А. Серов, М.А. Врубель, В.А. Гартман, И.П. Ропет, М.М. Антокольский, К.А. Корвин, С.В. Малютин, И.Е. Репин, М.В. Нестеров, Ф.И. Шаляпин.

Творческое объединение становится законодателем русского стиля. Новый взгляд на народное наследие России выражается в глубоком интересе к старинным формам, орнаментам, мотивам, в постижении внутренних законов создания древнерусских образцов искусства. В Абрамцево кипит жизнь: создаются картины, например, такие художественные шедевры, как «Аленушка», «Богатыри» Васнецова, «Видение отроку Варфоломею» Нестерова. Творческой группой ставятся спектакли на народные темы, в мастерской усадьбы возрождается и распространяется среди местного крестьянства искусная резьба по дереву. По эскизу Васнецо-

ва силами Мамонтова и его окружения возводится усадебная церковь, художниками абрамцевского кружка также создаются иконы для нее. Архитекторы (Гартман и Ропет), оттачивая русский стиль в архитектуре, создают флигель-мастерскую, баню-теремок, легендарную избушку на курьих ножках Бабы-Яги [5]. Красотой и самобытностью этих построек и сейчас восхищаются приезжающие в Абрамцево посетители. Если заглянуть внутрь усадебного дома, то и здесь отразился русский стиль в печных изразцах, искусно созданных художником Врубелем.

Развивается интерес к русской старине. Стараниями жены Мамонтова Елизаветы Григорьевны создается музей, где сосредотачивается все то, что сохранилось в русских деревнях. Музей быстро растет, а вместе с ним и любовь жителей Абрамцева к бытовому прошлому России.

Стоит уделить внимание и постановкам собственных спектаклей кружка: участники готовят декорации, шьют костюмы, выступают в роли певцов и актеров. В таких инсценировках участвует Ф.И. Шаляпин. Почти всегда эти постановки выходят за рамки Абрамцево и с успехом проходят в Москве. По словам С. Пиро, «такая постановка тогда и не снилась еще ни одному театру» [7, с. 5]. Здесь впервые в качестве декоратора проявляет свои способности К.А. Коровин, впоследствии известный религиозный живописец.

Статьи, посвященные деятелям русского стиля, публиковались в журнале-манифесте «Мир искусства». Он издавался в Петербурге при поддержке С.И. Мамонтова и М.К. Тенишевой, в качестве редактора выступал А.Н. Бенуа. Символично, что в одном из первых номеров «Мира искусства» были опубликованы биография, художественные работы и сказка в память Е.Д. Поленовой – сестры художника.

В журнале помещались фотографии произведений творцов русского стиля, будь то архитектура или прикладное искусство. Публиковались фотографии картин Серова, Васнецова, Нестерова и других художников. Среди прочих вышла в свет статья, посвященная фрескам Врубеля в Кирилловской церкви в Киеве.

Интересно сочинение Сергея Дягилева о блистательном архитекторе и художнике С.В. Малютине и его работах в имении княгини Тенишевой. Дягилев пишет: «Отлично помню то впечатление, которое произвели на меня его (*Малютина*. – В.З.) акварели к пушкинским сказкам, когда он мне впервые в Москве принес их в “Славянский базар”. Красота и новизна колорита была совсем обольстительна; акварели казались кусками каких-то дорогих и редких материй, и притом это были работы русского человека, не только знающего и любящего русскую сказку, но и самого вышедшего из какого-то иного мира, ничего общего не имеющего с

тую космополитичной художественною средюю, к которой принадлежит большинство современных начинающих и процветающих художников.<...> Когда Малютин появился со своими акварелями, уже существовали и Васнецов, и Поленов, и Коровин. С последним у Малютина было больше всего общего – оба они были типичные северяне и врожденные колористы. По существу же, дарования их рознились. В то время как Коровин развертывал свои северные гобелены, Малютин сверкал маленькими самоцветными камнями. На первом глаз отдыхал, на втором воспламенялся» [3, с. 158].

В качестве иллюстрации к статье были помещены фотографии терема и усадебного театра в Талашкине, спроектированные Малютиным. «Какое милое и художественное впечатление производят все эти затейливые и вместе с тем простые теремки... в них есть характерно малютинское, а вместе с тем и русско-деревенское, свежее, фантастичное и живописное. Не знаешь, где начинается прелесть творческой фантазии и где кончается прелесть русского пейзажа. Ворота с диковинными птицами, ведущие в лес, переплетаются с ветвями сосен на фоне просвечивающей пелены глубокого ослепительного снега» [3, с. 158], – пишет Дягилев.

В одном из выпусков «Мира Искусства» были опубликованы эскизы работ Репина, на которых изображался великолепный по красоте русский терем.

В 1900 г. в том же журнале печатается статья профессора И.-А.-М. Фуртвенглера, повествующая о художественных (музейных) хранилищах. Текст иллюстрирован произведениями Нестерова и Серова.

Забегая немного вперед, отметим: уже в период т.н. *неорусского стиля*, который следует после русского стиля, появилась знаковая статья и иллюстрации к ней Ивана Билибина, известного иллюстратора детских сказок. Для вдохновения в создании своих сказочных иллюстраций Билибин исследовал Русский Север. Итогом его долговременной поездки становится публикация «Народное творчество Русского Севера» [2, с. 308]. В тексте статьи Билибин размышлял о возрождении русской традиции в искусстве, называл ту (допетровскую) эпоху XVII в. «очаровательным, сказочным временем в отношении народного художественного творчества» [Там же]. На иллюстрациях к статье можно увидеть образцы деревянного зодчества, предметы крестьянской утвари, вышитые самобытным орнаментом скатерти.

Русская тема так или иначе популяризировалась и в других изданиях. К примеру, в журнале «Живая старина», издаваемом отделением этнографии Императорского русского географического общества, была опубликована статья «Поверья о богатырях» [4, с. 80].

В журнале «Старые годы» в отделе «Библиографические листки» можно обнаружить статью «Из области старинной символики в русской иконографии» [11, с. 530]. В известном «Золотом Руне» публиковались статьи «Фрески паперти Благовещенского собора в Москве» [10, с. 21] и «Русский жанр XVII века (заметка из истории русской миниатюры)» [9, с. 89] А.И. Успенского.

Русский стиль и его творцы проникают в нехудожественные специализированные издания: ежедневная газета «Утро России», орган промышленных и банковских магнатов, издаваемая П.П. Рябушинским, публикует обширную статью о смерти Врубеля, одного из отцов-основателей русского стиля.

Нельзя не отметить искусно оформленное в русском национальном стиле издание «Искусство строительное и декоративное» (редактор Л.П. Бетелев), ставящее целью «способствовать развитию национального и самобытного в архитектуре, живописи, скульптуре и искусствах, к ним примыкающих, отмечая успехи нового движения» [1, с. 5]. В первом же своем номере журнал заявил, что берет на себя «задачу отмечать победоносное шествие русского искусства» и становится «серьезным выразителем заветных дум и лучших стремлений всего общества» [Там же].

В журнале одной из знаковых становится статья, посвященная архитектору Гартману и его проекту дачи И.Ф. Мамонтова. На иллюстрациях к статье мы видим проект потрясающего своими масштабами и декором дачного дома, выполненного в русском стиле.

Русский стиль проникает и в тексты рекламного характера. Интересна реклама, выполненная с использованием древнерусских шрифтов. Она представляла общественности услуги мастера Маркова, осуществлявшего каменные, бетонные и другие строительные работы. Далее указывался точный адрес владельца мастерской.

Один из колоритных журналов – «Искусство и художественная промышленность». Здесь была опубликована статья о Васнецове: «Виктор Михайлович Васнецов и его работы. Воспоминания и заметки В.В. Стасова» [8, с. 65]. В сочинении описано первое знакомство Стасова и Васнецова, состоявшееся в Императорской публичной библиотеке. Здесь же помещена биография Васнецова, рассказано о самых знаменательных событиях в жизни известного художника. Статья богата стилистически. В качестве иллюстраций подобраны великолепные работы Васнецова.

Представлена также обширная статья, дающая обзор художественных изданий за 90 лет (1807–1897 г.). Автор анализирует программы художественных журналов, их проблемы, достоинства и недостатки. Иллюстративный ряд выполнен в русском стиле.

Важно отметить, что русский стиль проник не только в так называемые элитарные профессиональные журналы. В доступной и массовой «Ниве» также отразились модные веяния: например, № 51 за 1911 г. был объявлен «рождественским». На обложке мы видим ангела, держащего над головой свиток с надписью «Слава в вышних Богу и на земли мир и в человецех благоволение». В номере публикуются материалы о празднике Рождества и другие, раскрывающие суть русских обычаев и традиций.

В заключение следует отметить, что изучение проявлений «русского стиля» в журналистике рубежа XIX–XX вв. позволяет окунуться в богатую историю России, оценить наше художественное наследие. Журналы и газеты – теперь не только информаторы, а настоящие произведения искусства. Особенности оформления изданий в национальном стиле России, тематика текстов, искусно подобранные иллюстрации, их характер, – все это способствовало эстетическому воспитанию читателя и поддерживало в нем патриотические чувства.

Библиографический список

1. Анонимно. Вместо предисловия // Искусство строительное и декоративное. 1903. № 1–2.
2. Билибин И.Я. Народное творчество Севера // Мир искусства. 1904. № 7–12. С. 303–318.
3. Дягилев С.П. Несколько слов о С.В. Малютине // Мир искусства. 1903. № 4. С. 157–160.
4. Манжура И. Поверья о богатырях // Живая старина. 1892. № 1.
5. Поленова Н.В. Абрамцево. Воспоминания. М., 2013.
6. Прахов Н.А. Старое Абрамцево. Воспоминания детства. М., 2013.
7. Спиро С. Мамонтовский кружок // Столица и усадьба. 1914. № 23. С. 4–9.
8. Стасов В.В. Виктор Михайлович Васнецов и его работы. Воспоминания и заметки В.В. Стасова // Искусство и художественная промышленность. 1898. № 1–2. С. 65–96.
9. Успенский А.И. Русский жанр XVII века (заметка из истории русской миниатюры) // Золотое руно. 1906. № 7–9. С. 89–97.
10. Успенский А.И. Фрески паперти Благовещенского собора в Москве // Золотое руно. 1906. № 7–9. С. 21–32.
11. Яцимирский А.И. Из области старинной символики в русской иконографии // Старые годы. 1907. № 10–12. С. 527–533.

О.А. Патрикеева

Депутаты-ораторы в I Государственной думе Российской империи

Статья посвящена малоизученной проблеме – становлению парламентского ораторского искусства в России в I Государственной думе. На примере думских речей ее лучших ораторов рассмотрены три основных стиля ораторских выступлений: эмоционально-экспрессивный, рационально-аналитический, синтетический. Материал для подобного исследования дают воспоминания, письма, дневники журналистов, депутатов, служащих аппарата Государственной думы. В статье также использованы стенограммы думских заседаний, периодическая печать того времени, новые архивные документы.

Ключевые слова: парламентское ораторское искусство, парламентское красноречие, политическая риторика, политическая метафора, ораторы в I Государственной думе.

Открытие I Государственной думы стало событием, оказавшим огромное влияние на такой важный аспект политической культуры России, как ораторское искусство. Кампания по выборам в первое общенациональное представительство развернулась в конце декабря 1905 г. Политические партии занялись организацией предвыборных митингов и собраний. «Городская интеллигенция валом валила на митинги, упивалась новым для нее искусством красноречия» [19, с. 388], – вспоминала известная журналистка А.В. Тыркова. В ход шли простые и доходчивые лозунги, нейтральные и разговорные слова, отдельные элементы высокого стиля, понятные широкой аудитории. «От политической речи, сказанной на митинге, нет необходимости требовать ни строгого теоретического обоснования, ни строгого логического развития мысли, – писал юрист-кадет В.М. Гессен. – Цель этой речи – создание определенного настроения, укрепление или завоевание политических симпатий» [4]. Само слово «оратор», по свидетельству современников, «было брошено революционной волной в оборот» в 1905 г. именно «в смысле митингового агитатора» [11, с. 4].

Думские выступления потребовали от ораторов более сложных и разнообразных речевых средств, большей строгости и точности языка, юридической и экономической терминологии, сложных оборотов официально-деловой речи. «Речь в законодательном собрании должна доказывать и убеждать, – отмечал В.М. Гессен. – Аудитория, с которой приходится

иметь дело оратору в законодательном собрании, существенно отличается от аудитории политических митингов; она отличается, прежде всего, тем, что состоит из людей, принадлежащих к разным политическим партиям» [4]. В стенах парламента становились неуместными разговорные, а тем более жаргонные выражения.

Если содержательная часть думских выступлений в I Государственной думе изучена в отечественной исторической науке достаточно подробно [14; 17; 21], то способ их подачи, форма изложения затрагивались лишь попутно и эпизодически, не становясь предметом специального рассмотрения. Исчерпывающее представление о содержании ораторских баталий, разыгрывавшихся в зале заседаний Таврического дворца, можно получить благодаря высокому уровню стенографирования деятельности Думы. Однако даже самые безупречные стенограммы думских заседаний не способны передать живой интонации разговорной речи, возможности в устном выступлении выразить свое отношение к произносимому не только словами, но и мимикой, жестом, тембром голоса, системой логических ударений и пауз. Такие внеязыковые средства речи очень оживляют выступление, экономят слова, компенсируют недоговоренное. «В отчетах мы только слушаем Думу, и то без интонаций, страшно важных, – с сожалением отмечал известный писатель и публицист В.В. Розанов, часто посещавший думские заседания. – Это очень мало. Это одна логика и грамматика. Нет колорита, цветов, запаха» [18]. Отчасти восполнить этот пробел, почувствовать «колорит», «цвета» и «запах» думских дебатов начала XX в. помогают воспоминания, письма, дневники их участников и свидетелей – депутатов, членов правительства, журналистов, служащих аппарата Государственной думы [5; 6; 9; 13; 19]. В характеристиках думцев, как правило, присутствуют рассуждения об их манере говорить.

С точки зрения эмоционально-языковой выразительности, в риторике еще со времен Цицерона различают три стиля ораторского выступления: эмоционально-экспрессивный, рационально-аналитический и синтетический, вбирающий в себя особенности первых двух. Как свидетельствовали публицисты того времени, «в Государственной думе не было недостатка в способных, талантливых ораторах, производящих впечатление, увлекающих слушателей; при этом каждый из них имел свои особенности» [3, с. 5].

Самым популярным оратором I Государственной думы стал известный столичный адвокат, член ЦК Конституционно-демократической партии Федор Измайлович Родичев, выступавший в эмоционально-экспрессивном стиле. «Он был художник слова, оратор Божьей милостью»

[19, с. 407], – свидетельствовала А.В. Тыркова. Ф.И. Родичева часто сравнивали с Мирабо. Как и великий французский трибун, он начинал говорить очень медленно, тихо, постепенно все более и более воодушевляясь. Лучший оратор кадетов великолепно владел техникой речи: сильным выразительным голосом, четкой дикцией. «У Родичева громадный темперамент, какая-то дикая сила. Он бьет врага молотом, толчет его в ступке, мелет жерновом... Он потрясает залу. Бешеные аплодисменты не заглушают его громовой голос» [9, л. 424], – восхищались современники. Примечательно, что сравнение особого ритма ораторских выступлений Ф.И. Родичева с «ударом молота» приводят самые разные его слушатели. В их воспоминаниях он то «разражается целым каскадом эффектных фраз, производящих впечатление ударов молота» [12, с. 70], то придает словам «раздельно и с ударением произносимым, как бы силу удара молота по наковальне» [6, с. 68].

Впечатление от выступлений «русского Мирабо» и воздействие их на аудиторию усиливались благодаря его выразительной жестике. Жест, как известно, уточняет мысль, оживляет ее, в сочетании со словами обостряет ее эмоциональное звучание, способствует лучшему восприятию. А.В. Тыркова вспоминала: «У Родичева, когда он говорил, была привычка высоко поднимать правую руку, точно сбрасывать с пальцев фразу за фразой» [19, с. 477].

Любимым риторическим приемом Ф.И. Родичева, к которому он часто и охотно прибегал, была политическая метафора. Приведем лишь некоторые из них: «гнилой труп прошлого режима» [8, стлб. 1494], «апостолы положения об усиленной охране» [Там же, стлб. 1882], «рак лжи и произвола» [Там же, стлб. 1885], «змея русского правосудия» [7, стлб. 739]. Подобные обороты речи насыщали ее выразительными образами, удерживали внимание слушателей, надолго сохранялись в памяти. Самая известная политическая метафора Ф.И. Родичева, «стольпинский галстук», прочно вошла в ряд крылатых выражений того времени.

Федор Измайлович Родичев – яркий пример публичного политика, регулярно появлявшегося на думской трибуне для артикуляции социально значимых интересов, которые необходимо учитывать при принятии законов. Однако Ф.И. Родичев, непревзойденный обличитель произвола властей, оказался мало приспособлен к каждодневной, кропотливой законодательной работе. «Лучшие его речи были произнесены по поводу событий, возмущавших общественную совесть, – вспоминал один из депутатов-перводумцев М.М. Винавер. – Я не могу себе представить его докладчиком по вопросу, требующему логической разработки. Партия выпускала его всегда, когда ставились вопросы боевые» [2, с. 255–256].

На этот факт указывали и недоброжелатели кадетов: «Это первый тенор кадетской партии... Его выпускают не для того, чтобы он проводил ту или иную мысль, но чтобы создал непременно то, а не иное настроение. Когда настроение готово, выходит кто-нибудь из разряда дельцов партии и делает, что предположено» [1, с. 39].

Оратором «родичевского типа» называли депутата-трудовика Алексея Федоровича Аладьина. Правда, поклонники Ф.И. Родичева считали, что «копии далеко до оригинала» [12, с. 71]. «Он говорит в высокой степени неприятным горловым голосом с самой утрированной аффектацией. Говорит с ухватками уличного оратора самого последнего разбора» [15], – писала об А.Ф. Аладьине пресса.

В «синтетическом» стиле выступал с трибуны I Государственной думы известный столичный правовед, член ЦК Конституционно-демократической партии Владимир Дмитриевич Набоков. Не секрет, что внешний вид оратора, его стиль, манера поведения часто более красноречивы, чем его слова. «Баловень судьбы, он был воспитан в тех светски-бюрократических верхах, где хорошие манеры были необходимой частью хорошего образования. Говорил он так же свободно и уверенно, как и выглядел. Человек очень умный, он умел смягчать свое умственное превосходство улыбкой, то приветливой, а то и насмешливой» [19, с. 389], – вспоминала А.В. Тыркова. Состоятельный русский аристократ и эстет В.Д. Набоков заслуженно считался самым элегантным депутатом дореволюционного российского парламента. Его костюмы, галстуки и даже «сверкающие запонки» часто становились «предметом подражания и зависти» [20, с. 238].

Современников покорял голос Владимира Дмитриевича, сильный, редкий по тембру, «задушевный и проникновенный» [Там же, с. 239], восхищало умение спокойно и уверенно отстаивать занимаемую позицию. «Наиболее изысканным думским оратором был В.Д. Набоков, умевший резкие мысли облекать в самую корректную форму. Ему, между прочим, кадетская фракция поручила прочесть с трибуны и комментировать ответный Адрес Думы на тронную речь. Это выступление Набокова было по изяществу формы образцом парламентского красноречия» [13, с. 354], – считал соратник В.Д. Набокова по кадетской партии князь В.А. Оболенский. «Набоков говорил на пятерку, лучше всех. И голос, и манеры у него прекрасные» [15], – восторгалось «Новое время», не замеченное в симпатиях к конституционным демократам.

Примером рационально-аналитического стиля, спокойного по тону, близкого к академической речи, выдержанного в строгих логических категориях, служат выступления в I Государственной думе члена ЦК

Конституционно-демократической партии, бывшего декана юридического факультета Санкт-Петербургского университета, профессора Льва Иосифовича Петражицкого. «Говорил он тихо, просто, скрашивая речь тонкой иронией, – вспоминала А.В. Тыркова. – ...По складу ума, пронизательного и уравновешенного, Петражицкий был противником крайностей. Они шли вразрез с его мышлением, по элегантно своей четкости сходным с мышлением математика. То, что кабинетный ученый с таким требовательным умом согласился стать политиком, показывает, как широко захватило освободительное движение людей самого разнообразного склада» [19, с. 412].

Как известно, I Государственная дума, вошла в историю, как «Дума народного гнева». Она во многом унаследовала митинговый пафос – последовательное коллективное нагнетание эмоций, отодвигающих на второй план конструктивную работу. Самым востребованным стилем ораторского выступления в I Государственной думе оказался эмоционально-экспрессивный. Митинговые выступления как образец речевого поведения стали главным источником парламентского красноречия депутатов-перводумцев.

Библиографический список

1. Васильев Н.П. Правда о кадетях. СПб., 1907.
2. Винавер М.М. Вожди кадетской партии: Из воспоминаний // Новый журнал. 1945. № 10. С. 250–262.
3. Воронов Л.Н. Пора за дело. К выборам в Государственную думу. М., 1906.
4. Гессен В.М. Парламентское красноречие // Речь. 1906. 10 мая.
5. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001.
6. Головин Ф.А. Воспоминания Ф.А. Головина о Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 6. С. 56–81.
7. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. 1907 г. В 2 т. СПб., 1907. Т. 2.
8. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. 1906 г. В 2 т. СПб., 1906–1907. Т. 2.
9. Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь – сентябрь 1906 г. // Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 285 (С.И. Смирнова-Сазонова). Оп. 1. Д. 48. Л. 424.
10. Луначарский А.В. Три кадета. СПб., 1907.
11. Маклаков В.А. Плевако. М., 1911.
12. Могилянский М.М. Первая Государственная дума. СПб., 1907.
13. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.
14. Патрикеева О.А. «Женский вопрос» в I Государственной думе Российской империи // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2012. № 4. С. 36–45.

15. Пиленко А.А. Из Государственной думы // Новое время. 1906. 30 апреля.
16. Пиленко А.А. Из Государственной думы // Новое время. 1906. 14 мая.
17. Портнягина Н.А. I Государственная дума в борьбе за власть: оценка революционного террора // Вестник Ленинградского государственного университета им А.С. Пушкина. Т. 4. Сер. «История». 2013. № 3. С. 140–150.
18. Розанов В.В. В Таврическом дворце // Новое время. 1906. 4 июня.
19. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе: Воспоминания. М., 1998.
20. Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991.
21. Шацилло К.Ф. Первая Государственная дума // Отечественная история. 1996. № 4. С. 60–71.

В.В. Макашова

«Если кто назовет другого уродом...». Историческая роль речевых запретов в юридических памятниках

В статье изучена историческая роль речевых запретов (наказания за речевые правонарушения) в законодательстве разных народов и стран. Особое внимание уделено речевым запретам в юридических памятниках Древней Руси и России. Сделан вывод, что в российской правовой мысли к середине XIX в. сложились предпосылки для понимания речевого действия как состава правонарушения.

Ключевые слова: речевые запреты, речевые правонарушения, законодательство, юридические памятники Древней Руси и России.

Проблемы квалификации речевых правонарушений волновали человечество с древнейших времен. Первые упоминания таковых мы находим уже в правовых памятниках Древнего Востока. Сводом законов (судебником) вавилонского царя Хаммурапи (ок. 1760 г. до н.э.) предусматривалось наказание в виде смертной казни за ложное обвинение в убийстве и чародействе, а также за лжесвидетельство: «Если человек станет обличать под клятвой человека, бросив на него обвинение в убийстве, и не докажет этого, то обличавшего его должно убить» (§1) «Если человек бросит на человека обвинение в чародействе и не докажет этого, то тот, на которого брошено обвинение в чародействе, должен пойти к Реке и броситься в нее. Если Река овладеет им, то обличавший его может забрать его дом; а если Река этого человека очистит и он останется невредим, то того, кто бросил на него обвинение в чародействе, должно убить; бросившийся в Реку получает дом обличавшего его» (§2); «Если человек выступит в судебном деле для свидетельствования о преступлении и не докажет сказанных им слов, то, если это судебное дело

о жизни, этого человека нужно убить» (§3). Менее суровое наказание законы Хаммурапи предусматривали за косвенное обвинение соседей без указания конкретного лица и за обвинение женщины.

Среднеассирийские законы (XV в. до н.э.) устанавливали наказание за богохульство для женщины (Таблица III А, §2: «Если женщина, будь то жена человека, будь то дочь человека, скажет возмутительное слово или впадет в богохульство, то эта женщина должна нести свое наказание; к ее мужу, ее сыновьям и ее дочерям нельзя предъявить требований за ложные / бездоказательные обвинения в прелюбодеянии для жены человека и мужеложстве для мужчины»).

Книга III «Область деятельности судей (Джармастха) Артахашастры Каутильи» (321–297 гг. до н.э.) в главе 3-й («Правила, связанные с браком: о повиновении, содержании, оскорблении, ненависти, поступках и о запрещении услуг и сделок») воздерживала мужа от употребления отдельных слов в общении с женой («Уча [жену] послушанию, муж не должен употреблять таких слов, как “испорченная” и “падшая”, “калека” и “без отца”, “без матери”), в главе 11-й устанавливались правила привлечения свидетелей в делах об оскорблении. Особо Джармастха уделяла внимание оскорблению словом: глава 18-я определяла его как поношение, посрамление [и] угрозу. Признание в том, что угроза была осуществлена в гневе, опьянении или умопомрачении, учитывалось при определении наказания. Особо устанавливалась ответственность за оскорбление страны и деревни, касты и объединения, богов и святых. Глава 19-я наказывала за оскорбление действием, т.е. прикосновение, замахивание, удары, обливание нечистотами, плевки, хватание за одежду, волосы.

В древности люди придавали слову огромное значение. В Законах Ману (II в.) – наиболее авторитетной дхармашастре – в главе IV сказано: «Все вещи определяются словом, имеют основанием слово, произошли от слова; кто же нечестен в речи, тот нечестен во всем» (256); «Кто говорит добродетельным людям о себе противное истине, тот в этом мире самый крайний злодей; он – вор, обкрадывающий самого себя» (255). В главе VIII указано 18 поводов, по которым царь должен решать дела людей, в числе которых – клевета и оскорбление действием (6); здесь же определено наказание за оскорбление словом в зависимости от принадлежности к касте. Отдельно прописана ответственность для оскорбляющего мать, отца, жену, брата, сына, гуру (275), для оскорбленного действием: «279. Тот член, каким человек низший ударит высшего, – а именно он у него должен быть отрезан – таково предписание Ману». «280. Подняв руку или палку, он заслуживает отрезания руки; лягнувший в гневе ногой заслуживает отрезания ноги». «282. У плюнувшего по наглости [на

высших] надо приказать вырезать обе губы, у облившего мочой – детородный орган, у испортившего воздух – задний проход». «283. У хватающегося за волосы, ноги, бороду, шею, промежность надо заставить отрезать обе руки».

Древние римляне считали, что слово обладает магической силой. Они были убеждены, что всякое слово, обещание, угроза или заклятье способны воздействовать на человека, с помощью слова можно было вызвать, например, плодородие или неурожай. Неслучайно основным сакрально-правовым институтом гарантии договоров и обязательств является честное слово (*fides*), связанное с произнесением сакральной клятвы (*iusiurandum*), обрекавшей клятвопреступника на смерть. В Древнем Риме сурово наказывалась клевета: существовал обычай отрезания клеветнику языка. Впоследствии появился закон об ответственности за клевету (*Rex Remmia*), согласно которому на лбу клеветника выжигалась буква «С» (от *calumnia*).

В Законах XII таблиц (451–450 гг. до н.э.) используется термин *iniuria* – оскорбление чести и вообще личное оскорбление. Смертная казнь грозила за дурное заклинание (*malumcarmen* – «злая песня»). В архаическом Риме заклинание произносилось нараспев, поэтому поэты, по убеждению римлян, обладали магической силой), а также тому, кто пропел или сложил песню, которая наносит другому бесчестие или клевету (табл. 8, 1b), т.е. за насмешливые стихи и пасквили (*famosa* или *malacarmina*). Существовала ответственность за оскорбление действием: виновник наказывался посредством *justalio* (принципа равного возмездия за совершенное преступление) или штрафом в 25 ассов. Преторский эдикт изменил эти определения и ввел для всех *iniuriae* – *actioiniuruarum*, по которой обиженный получал денежное вознаграждение, размер которого определялся судьей. При императорах за всякую *iniuria* могла быть подана или уголовная, или гражданская жалоба. Смертной казнью наказывался тот, кто подстрекал врага к войне (табл. 9, 5. Марциан. Диг., 48. 4. 3). В Дигестах Юстиниана (530–533 гг.) встречается упоминание о законе Юлия об оскорблении величия (кн. 48, титул IV), под которым понимается преступление против римского народа или его безопасности, заговор, измена, возмущение солдат, склонение их к беспорядкам.

Во времена римского права возникло понятие диффамации: разглашение позорных фактов сводилось к ложному доносу как виду преступления против чести. Существовало понятие гражданской чести (*existimatio*), означавшее состояние незапятнанного достоинства. Правдивые сообщения, позорящие чью-либо честь, не считались преступными. На

гражданскую честь мог претендовать только человек с незапятнанным достоинством, если же сведения соответствовали истине, защита чести становилась невозможна [1, с. 6].

Десять заповедей, данные согласно Пятикнижию Богом Моисею, содержали речевые запреты. В значимых документах основных религиозных конфессий также находим упоминания речевых правонарушений. Например, в Евангелии от Матфея Нового Завета Иисус учит своих учеников: «Кто скажет брату своему “рака” (пустой человек), подлежит синедриону, а кто скажет “безумный”, подлежит геенне огненной» (5:22). Сура 24 Священного Корана гласит: «Тех, которые возведут навет на целомудренных женщин, но при этом не приведут четырех свидетелей, секите восьмьюдесятью [ударами] плети и никогда не берите их в качестве свидетелей, ибо они – преступающие закон».

Проблематика речевых правонарушений развивается в Средние века. В Салической правде – одной из самых древних «варварских правд» (V–VI вв.) – было предусмотрено наказание тому, кто обвинит перед королем безвинного человека (XVIII). В ней же предусматривалось наказание за оскорбление словами (XXX): «§1. Если кто назовет другого уродом, присуждается к уплате трех сол. §2. Если кто назовет другого грязным, присуждается к уплате 120 ден., что составляет три сол. §3. Если кто – мужчина или женщина – назовет свободную женщину блудницей и не докажет этого, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 солидов» и т.д.

Под влиянием германского понятия *Guter Leumund* в средневековом, а затем в новом законодательстве укоренилось представление о праве каждого гражданина на доброе имя. Разглашение позорных фактов, сводившееся к ложному доносу, постепенно расширялось, охватывая сообщения, направленные на унижение чести.

Ответственность за правонарушения, совершенные посредством речевых действий, предусмотрена в законодательных памятниках Древнерусского государства. Так, в «Русской Правде» (XI в.), содержащей развитый «кодекс чести», присутствуют нормы, устанавливающие наказание за оскорбление действием, за обиду («Аще утнет мечом, а не вынем его, либо рукоятью, то 12 гривне за обиду»). Документ содержал перечень предметов, удары которыми считались оскорбительными для мужчины (чащей, рогом, мечом в ножнах или рукоятью меча и т.д.). За оскорбление действием предусматривался высокий штраф – 12 гривен. Обнажение меча без применения, т.е. угроза им, также рассматривалось как оскорбление и наказывалось штрафом в 1 гривну. Ответ мечом на оскорбление действием не являлся преступлением и не подлежал наказа-

нию. Оскорбительным считался удар, нанесенный холопом свободному. Особо выделялось оскорбление, выражавшееся в повреждении бороды и усов. Например, подобная норма встречается в Уставе князя Ярослава о церковных судах, в Псковской Судной грамоте. В 1174 г. князь Мстислав Ростиславович намеренно оскорбил Андрея Боголюбского, приказав постричь его послу голову и бороду, после чего Андрей объявил ему войну. В ст. 9 мы находим запрет угрозы обнажения мечом.

В пространной редакции «Русской Правды» нами обнаружены положения о поклёпе (ложном обвинении). Для отведения ложного обвинения в убийстве обвиняемому необходимо было выставить не менее семи послухов (свидетелей доброй жизни). Если же он не мог найти послухов, то должен был пройти испытанием железом, полем. При обвинении в краже ценностей обвиняемому присуждалась вода. Если ему удавалось доказать безосновательность обвинения, клеветник наказывался штрафом. В дальнейшем термин *клеплеть*, *клепати* (в значении «возводить несправедливые обвинения») используется в Псковской Судной грамоте (XV в.). Редакция содержала дополнительную статью «О бесчестии», которая представляла собой запись о размерах и формах денежного возмещения за оскорбление, которые зависят от родовитости потерпевшего. Размер возмещения определялся правом двух поколений предков потерпевшего по женской линии (матери и бабушки) получать его в золоте или серебре.

В актах позднефеодального правотворчества намечились две тенденции в развитии правового запрета угрозы, которых уголовное законодательство России придерживается до сих пор. Во-первых, угроза убийством постепенно входила в составы преступных деяний против собственности в качестве одного из способов совершения преступлений. Во-вторых, угроза убийством приобрела значение деяния, имеющего как предупредительное воздействие в случае возможного приведения угрозы в исполнение, так и самостоятельное в случае причинения вреда человеку, его здоровью [2, с. 31].

Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных (X–XI вв.) приводит перечень поступков, которые стали являться преступлениями с точки зрения церковного права. В числе их – урекание (оскорбление бранным словом и клеветой; наговор, нареkanie, осуждение наговором, клеветой). В Археографическом изводе указано три вида уреканий: бранным словом (бляднею), обвинением в изготовлении зелий и в еретичестве. Данные поступки стали рассматриваться как преступные лишь после того, как на них стала распространяться юрисдикция церкви. Связано это было с тем, что церковь пресекала внебрачные связи и заботилась о монополии влияния. Устав князя Ярослава о

церковных судах устанавливал ответственность за оскорбление чужой жены словом, которое расценивалось как позорящее («Аже кто зоветь чужу жену блядю великих бояр, за сором еи 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота, а князь казнить» и т.д.).

Обратим внимание на то, что «оскорбление словом» не предусматривалось «Русской Правдой» (по принципу «брань на вороту не виснет»), оно возникло в княжеских уставах и уставных грамотах, охранявших честь замужней женщины, в связи со вступлением Руси в христианскую эпоху, усилением института семьи и возникновением в праве ряда преступлений, предусматривающих наказание «за блуд». Размер штрафа определялся сословным характером потерпевшей (что указывает на связь с нормами рабовладельческого и поздних этапов первобытнообщинного строя). Между замужней женщиной, матерью семейства и женщиной свободного поведения проводилось различие, в отношении мужской части населения указанные нормы значения не имели. Публично отнести уважаемую замужнюю женщину к числу женщин легкого поведения значило тяжело оскорбить не только ее, но и ее мужа, всю ее семью. С этим связаны значительные суммы возмещения потерпевшей и штрафы в пользу церковной власти [4, т. 1, с. 200].

Примечательно, что Псковская Судная грамота предусматривает наказание за нанесение побоев сторонами (истцом или ответчиком) на суде, что рассматривалось как оскорбление и каралось штрафом и возмещением ущерба.

При анализе законодательства необходимо учитывать, что в период образования российского государства и распространения влияния православной церкви политика в отношении слова складывалась как политика цензуры, направленная на борьбу с отступлениями от церковных догматов и священных текстов, ересью и расколом, на укрепление государственности и церкви посредством достижения единомыслия. Инициативы власти в отношении слова во многом являлись политическими, правовая норма есть инструмент цензуры.

В первом крупном общероссийском законе, Судебнике 1497 г., как состав преступления появляется ябедничество, т.е. ложный донос, злостная клевета, имевшая целью обвинить невиновного («А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнию, а истце повелети доправити изъ его статка, а что ся устатка останеть, ино то боярину и диакону имати себе»). Таким образом, впервые в русском законодательстве появляется наказание в виде смертной казни за клевету. Впоследствии данные нормы переходят с некоторыми

уточнениями в Судебник 1550 г. Судебники вводят новый термин для оскорбления словом – *лай*. Они допускали возможность примирения по делам, непосредственно не затрагивающим интересы государства, в т.ч. при обвинении в лае. В случае прекращения дела стороны уплачивали судебному приставу пошлины; мировое соглашение считалось действительным только после утверждения его судьей.

Оскорбление словом, ябедничество наказывались и церковью. В Стоглаве – сборнике постановлений церковно-земского собора, состоявшегося в 1551 г. в Москве, – осуждалось непристойное поведение мирян, в частности, дурная привычка православных грубо оскорблять друг друга («...и лаются без зазору всегда всякими укоризнами неподобными, скаредными»), сквернословить («и богомерзкими речами, иже не подобает хрестьяном»).

Проблематика речевых правонарушений системно звучит в «Соборном уложении» царя Алексея Михайловича (1649). В главе 1-й («О богохульниках и о церковных мятежниках») законодатель уделяет внимание преступлениям против веры. Поношение, оскорбление словами или действием, а также неверие являлись посягательством на основы христианского вероучения. Ст. 1 вводит понятие богохульства (богохуления), которое позволяло подвести под него любое, враждебное православию, религиозное и общественное движение или учение и вносило в определение состава преступления целенаправленный политический смысл [3, с. 199]. Богохульство наказывалось квалифицированной смертной казнью – через сожжение, независимо от того, являлся ли богохульник православным или иноверцем («Будет кто иноверцы, какие ни буди веры, или и русской человек, возложит хулу на господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на рождающую его пречистую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или святых его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, жечь»). Такие дела не подлежали церковному суду и производились преимущественно в Сыскном и Судном приказах, даже если обвиняемыми были духовные лица [4, т. 3, с. 259]. Ст. 3, 6 и 7 предусматривали наказание в виде торговой казни (публичное наказание «на торгу» – батоги) за оскорбление (непристойные речи) священнослужителей во время церковной литургии. Оскорбление присутствующих в церкви (мирян) каралось месячным тюремным заключением с выплатой бесчестья (денежного возмещения в пользу оскорбленного).

Глава 2-я («О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать»), определяющая составы государственных, политических

преступлений, предусматривала наказание в виде смертной казни тому, «кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело». Уложение не дает толкование злого дела – это *умышление на здоровье государя*. Например, в 1689 г. было заведено дело о волхве Дорожке и его сообщниках, которые обвинялись в том, что хотели пустить заговорные слова по ветру на государя Петра Алексеевича и на мать его Наталью Кирилловну [4, т. 3, с. 261].

К злому делу относилась неподобная, или непристойная, речь в адрес государя. Высшая степень непригожих слов, избличающая особенную злость умысла, именовалась на приказном языке как «невместимое слово», т.е. «чего не только сказать, а и помыслить невозможно». В 1608 г. томский воевода доносил царю, что «говорил на тебя, государя, казак Осокин, невместимое слово, чего в ум взять нельзя, будто тебе на царстве не многолетствовать, а быть недолго на царстве» [Там же].

Помимо невместимых слов различались непристойные речи, т.е. бранные, оскорбительные слова в адрес государя («за царское бесчестье, кто говорит про него за очи бесчестные или какие поносные слова, бив кнутом, вырезают язык»). В целом нарушение порядка, оскорбления на царском дворе рассматривались как действия, направленные против государя. С начала XVII в. в практику вошло выражение «злое дело» – слово и дело, обозначающее преступление, выражающееся в оскорблении верховной власти и в стремлении к ее умалению. Людям всех чинов вменялся в обязанность извет (донос). Недоносительство расценивалось как заговор и жестоко каралось. Закон предусматривал за недоносительство смертную казнь безо всякой пощады. Так, стольник князя Юсупова в 1648 г. был присужден «к конфискации всех поместий, вотчин, животов и к ссылке в дальние сибирские города за то, что, услышав от своего человека непристойное слово, будто царь Алексей Михайлович не прямой государь, таил четыре месяца неведомо для какой причины» [4, т. 3, с. 265].

Глава 3-я («О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было») определяла составы преступлений против порядка управления. В ст. 1 и 2 предусматривались тюремное заключение и выплата бесчестья за оскорбление кого-либо словом или действием на царском дворе: «Будет кто при царском величестве, в его государстве дворе и его государских палатах, не опасаячи чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, и по сыску за честь государева двора того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в

тюрьму на две недели, чтобы на то смотря иным неповадно было впредь так делать. А кого он обесчестит, и тому указать на нем бесчестье».

Данные нормы схожи со ст. 6 и 7 главы 1-й об оскорблении в церкви. Эти же составы преступлений, но совершенные вне церкви и царского дома, влекли за собой лишь выплату бесчестья. Глава 10-я была посвящена основным вопросам судопроизводства, включала ст. 18–19 о поклепном иске (т.е. явно недобросовестном). Термин «поклеп» в большинстве случаев в XVII в. означал клевету, наказуемую в уголовном порядке (реже использовался термин «лихое дело»).

Ст. 27 главы 10-й открывает большой раздел об оскорблениях (ст. 27–99). Она предусматривает наиболее тяжкий случай – оскорбление патриарха («обесчестит словом»). Субъектами преступления становятся представители верхушки господствующего класса (боярин, окопничей или думной человек). Статья предусматривала наказание в виде уплаты штрафа или головою – кому платить нечем. Ст. 28–82 были посвящены оскорблению различных духовных лиц, т.е. различались оскорбление церкви и религии и оскорбление представителей духовенства (физических лиц). Приводилась подробная дифференциация наказаний за оскорбление, отражающая иерархию, существовавшую в Русской православной церкви, где имело значение не только должностное положение лица, но и географическое положение монастыря, его значение [4, т. 3, с. 293]. Под бесчестьем понималось оскорбление словом, в ряде статей (84–99) об этом говорилось прямо, в остальных – подразумевалось. Бесчестьем именовалось также денежное возмещение, взимаемое за оскорбление. Уложение дифференцирует наказание за бесчестье в зависимости от социального положения оскорбленного, что отмечается еще в Уставе князя Ярослава по отношению к оскорблению женщин.

Наказание зависит также от положения оскорбителя. Меры наказания за бесчестье разнообразны: битье батогами, заключение в тюрьму, торговая казнь. Уголовное наказание сочетается с денежным возмещением в пользу потерпевшего. За оскорбление верхушки феодалов, духовенства применяется уголовное наказание. Оскорбление средних слоев ограничивается уплатой бесчестья: если оскорбитель не в состоянии выплатить положенное возмещение, его ставят на правож, т.е. ежедневно бьют батогами до тех пор, пока он не договорится с оскорбленным о погашении долга. Уложение фиксирует сумму бесчестья духовных лиц, сумма бесчестья служилых людей определяется указом государя. Особо выделяется сумма бесчестья для «имянитых людей» Строгановых – вдвое больше, чем для самых крупных купцов («по стурублев человеку»). Особо Уложение охраняет женскую честь: за оскорбление женщины

возмещение взыскивается вдвойне, девушки – вчетверо, честь несовершеннолетнего поповича или мальчика защищается половинным возмещением.

Специальные нормы, касающиеся оскорбления суда, содержатся в статьях 105–107. Закон предусматривает всякого рода нарушения порядка в суде («ответчати вежливо и смирно и не шумко, и перед судьями никаких невежливых слов не говорити и межь себя не бранитися»), при этом виновные несут двойную ответственность: за неправомерные действия другого лица и за нарушение порядка в суде. Очевидно, что эти статьи также связаны со ст. 26 Судебника 1550 г., где речь идет об оскорблении кормленщиков, которые участвовали в суде на местах. Уложение специально разбирает казус с оскорблением суда и судьи («судью обесчестит непригожим словом»).

При Петре I группа речевых действий, образующих составы преступлений, закрепляется в уголовном законодательстве. Особое внимание им уделяет Артикул воинский 1715 г., как бы дополняющий соответствующие статьи Соборного уложения. Главы 1-я и 2-я посвящались преступлениям против веры, в т.ч. за богохуление. Наказанию подлежал причастник богохуления («живота или своих пожитков лишен быть»). В случае богохуления по легкомыслию преступитель, впервые или повторно провинившийся, «четыренадцать дней в железа заключен быть и жалование его на месяц в шпиталь вычтено, или гонянием шпицрутен наказан...». Помимо светского наказания предусматривалось и церковное покаяние. В артикулах речь идет о преступлениях, совершаемых военнослужащими или лицами, связанными с армией. Но на практике эти артикулы применялись и к гражданскому населению [6, с. 91–92].

Глава 3-я содержит составы государственных преступлений, в числе которых оскорбление царя, осуждение его действий или намерений («Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен» (артикул 20)). Толкование существенно дополняет содержание артикула («Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен»), устанавливает наказание за те же действия, совершенные против супруги и детей царя. В артикуле 21 устанавливается наказание за оскорбление высших воинских начальников: «непристойными и насмешливыми словами поносить – однако ж не такие слова, которые чести касаться не будут». Глава 17-я устанавливает ответственность за тяжкое государственное преступление – возмущение и бунт, организованные «многими людьми». Артикул

135 говорит об ответственности за провоцирование подобных выступлений «словом, или делом, или письмами».

Интерес представляет глава 18-я («О поносительных писмах бранных и ругательных словах»), целиком посвященная речевым правонарушениям. Она устанавливает ответственность за распространение клеветнических измышлений в письменной (пасквиль) или устной форме, за оскорбление словом. Артикул 149 возлагает ответственность за написание и распространение анонимных писем, содержащих обвинение какого-то лица в совершении преступления. Пасквильянт наказывался как за то преступление, которое он вменял обвиненному им человеку. Кроме того, требовалось сожжение палачом анонимного письма под виселицей. Содержание анонимного письма подлежало расследованию. В случае подтверждения правильности содержащегося в нем обвинения «клеветник» нес более легкое наказание.

К числу нововведений Александра I относился первый «Устав о цензуре» (9 июля 1804 г.). Следует отметить принцип преемственности документов в XIX в.: каждый последующий цензурный Устав включал в себя многие цензурные положения предыдущих. Так, например, в цензурном Уставе 1890 г. присутствует более 180 статей (из более чем 300) из текста Устава 1828 г. Кроме цензурных Уставов принималось немало текущих решений, касающихся печати: решения Цензурных комитетов, императорские Указы, которые впоследствии также включались в текст очередного цензурного Устава.

В Уставе 1804 г. и последующих цензурных уставах проблематике речевых правонарушений отводится значительное место: «18. Если в Цензурную прислана будет рукопись, исполненная мыслей и выражений, оскорбляющих личную честь гражданина, благопристойность и нравственность; то Цензурный Комитет, отказав в напечатании такого сочинения, объявляет в то же время причины сего запрещения тому, кто прислал оное; а самое сочинение удерживает у себя и т.д.».

В задачи цензуры при рассмотрении книг и сочинений входило наблюдать, чтобы «ничего не было в оных противного закону Божию, Правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина».

Характеризуя законодательство первой половины XIX в., следует отметить преемственность правовых традиций, в т.ч. в части, касающейся речевых правонарушений. В 1821 г. был издан «Систематический свод существующих законов Российской империи», обобщивший уголовные законы о государственных и общественных преступлениях. Тема речевых преступлений заняла в нем центральное место, очевидно перекликаясь с нормами Уложения 1649 г. В главе 1-й («О наказаниях за пре-

ступления против святой православной веры») различались умышленное богохуление и богохуление по легкомыслию. Тот, кто «умышленно возложил хулу», наказывается смертной казнью. Недоносительство рассматривалось как соучастие и наказывалось смертной казнью либо лишением чина и конфискацией имущества (§1). Наряду с естественной казнью применялась казнь политическая (состоящая в «строжайших и позорных наказаниях»). Богохуление по легкомыслию влекло телесное наказание, во второй раз наказание увеличивалось с добавлением церковного покаяния. В третий раз богохуление рассматривалось как умышленное (§2). Глава 2-я («Об умысле против особы Его императорского величества, и о государственной измене и бунте, или о первых двух пунктах») включала Отделение I о наказаниях за оскорбление императорского величества.

При Николае I было создано Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, появился новый цензурный Устав, названный современниками «чугунным» (1826 г.). Данный документ открывал цензуре широкие возможности для запрещения фактически любого произведения. Так, цензоры должны были «наблюдать, чтобы в статьи не вкрадывалось личное оскорбление и чтобы они не обращались в бранную, совершенно бесполезную для читателей переписку» (§153). Запрещению подвергались «всякое произведение словесности, не только возмутительное против Правительства и постановленных от него властей, но и ослабляющее недолжное к ним почтение» (§166); «всякое сочинение или перевод, в котором прямо или косвенно порицается Монархический образ правления» (§168); «всякие рассуждения, в которых говорится без надлежащего уважения о Государях, Правительствах и политических властях вообще, или в которых предлагаются неуместные наставления какому бы то ни было Правительству» (§171) и т.д. Вместе с тем распространенный в российском законодательстве запрет на действия «крамольника», «возмущение и бунт», «смуту» в силу широты понятий охватывал деяния, ставшие далеким историческим прообразом действующей ныне ст. 282 УК РФ. Кроме того, Устав предполагал за отдельные случаи наступление ответственности по закону.

Таким образом, к середине XIX в. в российской правовой мысли сложились предпосылки для понимания речевого действия как состава правонарушения.

Библиографический список

1. Земскова С.И. Судебная экспертиза диффамационных материалов. М., 2013.
2. Лукьянова И.В. Угроза как преступление: социальная обусловленность криминализации и проблемы ответственности. Калуга, 2004.

3. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980.
4. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.
5. Систематический свод существующих законов Российской империи с основаниями права из оных извлеченными. Право уголовное. Т. 1 // Россия. Законы и постановления и т.п. СПб., 1821.
6. Шорохов А.П. К вопросу о применении Воинских артикулов Петра I 1715 г. в общих (гражданских) судах // Актуальные вопросы правоведения в общественном государстве. Томск, 1979. С. 90–95.

Л.А. ван Хааске

Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи Высокого Средневековья

В статье представлен авторский взгляд на проблему отражения страха перед окружающим миром в мифологической традиции средневековой Западной Европы. Сделан вывод о том, что если исключительно мифологические сюжеты весьма абстрактны и рисуют, скорее, образы хтонического страха перед неизученной и непостижимой природой в общем, то юридически подтвержденные случаи основаны на вполне конкретных прецедентах. Страх в них является следствием деяний, которые полностью противоречат нормам христианской морали.

Ключевые слова: средневековая Европа, мифологическая традиция, страх в средневековой Европе, христианская мораль.

Ментальность людей средневековья – далеко не самая популярная тема среди современных исследователей, особенно в вопросах психологических аспектов восприятия окружающего мира. Тема, которой посвящена статья, находится в точке пересечения между историей повседневной жизни и сравнительной мифологией, я постараюсь представить авторский взгляд на проблему отражения страха перед окружающим миром в мифологической традиции средневековой Западной Европы.

Известно, что фольклорная традиция развивалась преимущественно среди наименее образованных слоев населения. Именно народная мифология обладает богатейшим пластом сюжетов, основанных на самом переживании чувства страха, и этому существует вполне логичное объяснение. С точки зрения английского специалиста по сравнительной мифологии Д. Кэмпбэлла, народная фантазия заселяет опасными и непостижимыми созданиями все безлюдные места, не входящие в сферу хозяйственной или повседневной жизни человека [7, с. 85]. Естественно, что помимо «заселения» в безлюдное место, фольклор наделяет хтоническое существо теми чертами, которые ассоциируются в народном сознании с наиболее неестественными и пугающими проявлениями природы.

Наиболее ярко такая тенденция заметна в появлении у хтонического существа антропоморфных признаков, превращающих его в некий потусторонний гибрид человека и животного. Это наделяет мифологический образ одновременно и близостью к человеку, и сверхъестественностью происхождения. Подобные образы – одни из древнейших в мифологии, и появляются они практически повсеместно в самых различных фольклорных традициях – от птицеголового Тота (бог мудрости и знаний) или псоглавого Анубиса (бог-проводник в мир мертвых) из классической мифологии Древнего Египта до богов, обладающих обликом человека-оленья или человека-медведя, почитаемых среди эскимосских и якутских шаманов [3, с. 13].

Однако эти мифологические персонажи лишены ярко выраженного устрашающего подтекста. Их антропоморфный облик скорее свидетельствует о том, что они являются связующим звеном между миром, с которым знаком человек, и миром непознанного (ср. мудрость и знания, олицетворяемые Тотом, и двери в мир мертвых, властителем которых является Анубис). Наиболее ранние ярко выраженные антропоморфные сверхъестественные существа, напрямую связанные с чувствами страха, появляются в древнегреческой мифологии, где подобными характеристиками обладает, например, Пан – бог, которому приписывается владение лесами и полями и, одновременно с этим, способность вызывать непосредственно чувство страха. Стоит особо отметить прямую ассоциацию Пана и с необжитыми территориями, и с эмоциональной сферой, что обладает особенно характеризующим влиянием для моего исследования.

Впрочем, все описанные явления относятся к цивилизациям дохристианским. Со сменой парадигмы развития цивилизации на христианскую отношение к большинству сохранившихся в Европе элементов античных мифологий, не говоря уже об известных к тому времени лишь по обры-

вочным источникам культурных моделях доантичного мира, резко изменилось. Основанные на исключительно языческом мировоззрении, они оказались подвергнуты запрету и осуждению и, как следствие, определенной демонизации.

Окончательное влияние на формирование именно демонического образа страха в мифологии оказала идея о том, что «все, зримо совершающееся в этом мире, может быть учиняемо бесами» [8, с. 273–274]. Эта идея активно распространялась средневековыми проповедниками с опорой на авторитет таких видных патристов, как Аврелий Августин и Фома Аквинский. Если совместить эту идею с идеей антропоморфизма сверхъестественных существ, мы получим идеальную почву для развития мифологического существа, наделенного ярко выраженной демонической образностью и, одновременно с этим, являющегося символом абсолютного страха перед непостижимыми для человека явлениями.

В сознании жителей средневековой Европы такой образ укоренился довольно быстро и очень органично стал частью народного фольклора. Таким образом стал оборотень – человек, в силу определенных обстоятельств превращающийся в волка и совершающий определенный набор поступков, так или иначе обладающих негативным окрасом. Образ оборотня стал наиболее ярким в палитре образов, связанных с феноменом страха перед сверхъестественным, и, проявившись в средневековой культуре, стал развиваться в дальнейшем, успешно став частью и современной культуры ужасов (хоррор-культуры). Это делает этимологию образа оборотня особенно интересной для современных исследователей.

Интересно отношение официальной католической церкви к возрастающему в течение всего средневековья потоку легенд об оборотнях. С одной стороны, церковь, что вполне естественно, признавала откровенно демоническую природу этих суеверий. Более того, эти суеверия и легенды начинают активно развиваться, и на протяжении XIV–XVI вв. их количество только растет, органично сливаясь с общей атмосферой демономании, проявляющейся также и в охоте на ведьм [2, с. 56]. Объяснения этому процессу можно найти и в низком общем уровне образования широких народных масс («темное Средневековье»), и в обстановке постоянного стресса, вызванной регулярными эпидемиями и войнами. Воображением людей особо ярко завладевают сцены Апокалипсиса, выразительность которых лишь подогревается проповедями и страхом перед неизученным окружающим миром.

Этот страх порождает порой совершенно необычные психические расстройства, принимавшие массовый характер. Так, в эпоху Высокого средневековья (во время пандемии чумы, названной «Чёрной смертью»),

в 1346–1353 гг.) в Европе распространилась так называемая «хореомания» – одержимость танцем. Жертвы хореомании без всякой видимой причины начинали прыгать, кричать и совершать нелепые движения, действительно напоминавшие некий неистовый танец. Одержимые сбивались в толпы до нескольких тысяч человек. Бывало, что зрители, до определенного момента просто глазевшие на происходящее, сами присоединялись к пляшущей толпе, не в силах остановиться. Самостоятельно прекратить пляску одержимые не могли и зачастую покрывали расстояние до соседнего города или села, вопя и прыгая. Затем они падали на землю в полном изнеможении и засыпали на месте.

Отношение зрителей к одержимым хореоманией было неоднозначным. В средневековых хрониках можно найти намеки, будто речь шла о профессиональных нищих, получавших по окончании представления щедрую милостыню, ради чего, собственно, все и затевалось. Другие авторы склонялись к мысли об одержимости бесом, полагая экзорцизм единственным лекарством для подобного. В хрониках зафиксированы случаи, когда массовому танцу предавались беременные женщины, или о том, что многие танцоры, когда приступ заканчивался, умирали или всю дальнейшую жизнь страдали тиком или тремором конечностей. Подлинные причины и механизм протекания хореомании остаются неизвестными до нынешнего времени.

Подобный психоз иногда продолжался в течение нескольких дней или даже недель. Одержимых хореоманией отчитывали в церквях, кропили святой водой, бывало, когда иные средства были исчерпаны, городские власти нанимали музыкантов, чтобы те подыгрывали неистовой пляске и тем самым скорее доводили больных ею до изнеможения и сна. Случаи такого рода известны были и до эпидемии Чёрной смерти, но, если ранее они были единичными, по окончании эпидемии хореомания приняла пугающий размах, скачущие толпы насчитывали порой до нескольких тысяч человек. Предполагается, что таким образом выплескивались нервное потрясение и ужас, вызванные эпидемией. Хореомания свирепствовала в Европе в XIV–XV вв., а затем исчезла [6, с. 312–325].

Одновременно с этим образ волка становится неотъемлемым символом подобного страха. Можно признать, что для средневековой Европы волк был крупнейшим и сильнейшим хищником и, возможно, одной из самых серьезных угроз в дикой и пустынной местности. Кроме того, важную роль играют средневековые бестиарии, прямо заявляющие о сходстве дьявола с волком, как метафорическом, так и вполне оформившимся. Один из латинских бестиариев XII в. (переизданный в XX в. с переводом на английский язык) заявляет о том, что дьявол подобен

волку, т.к. злобно взирает на человеческий род, высматривая в нем верных овец из стада Божия, чтобы внезапно и молниеносно напасть на них и погубить [9, р. 59].

С другой стороны, несмотря на метафоричность образа оборотня, церковь признавала, что все истории об оборотнях реальны, правда, несмотря на это, старалась подвергать их критическому анализу. Здесь интересна позиция германского богослова Ранеуса, отраженная в работе английского исследователя XIX в. С. Бэринга-Гулда. Ранеус, проанализировав ряд доступных ему легенд об оборотнях, пришел к выводу, что причины их появления можно разделить на три большие группы.

Первую группу историй можно приблизить к современному понятию массовой галлюцинации или массовой истерии. Согласно Ранеусу, в таких историях описывается поведение людей, которые ведут себя, как волки, в волков при этом не превращаясь.

Ко второй группе историй Ранеус отнес те, возникновение которых он связал с излишне убедительными снами, в которых люди видели себя волками, и отождествляли действия волков со своими действиями. Зададим вопрос, что именно могло спровоцировать появление снов о нападении волков на людей? С моей точки зрения, здесь можно говорить о наложении сновидений на легендарную тематику, с обсуждениями которой человек часто сталкивался в реальной жизни. Услышав легенду о нападении оборотня, сохраняющий веру в чудо обитатель средневековой Европы мог впечатлиться настолько, что этот образ неминуемо появится во сне. Под воздействием общей нервной обстановки человек мог заявить о том, что он на самом деле является оборотнем, приняв сон за реальность.

Наконец, третья группа историй, обладающая наиболее характерным средневековым схоластическим колоритом. Истории, которые Ранеус относил к этой группе, он объяснял довольно сложной логической цепочкой, главным действующим лицом которой был Дьявол. Он, согласно Ранеусу, заставлял демонов вселяться в волков, принуждая их к совершению насилия, а потом эти же демоны переносили сцены насилия в сны людей, таким образом, вредя добропорядочным христианам. При помощи столь сложной конструкции Ранеус пытался объяснить те легенды, где речь шла о реальном участии волков в нападениях на людей и причинении увечий. Однако необходимо заметить, что в первых двух группах историй все сводится исключительно к поведенческим и психологическим мотивам, и реальный потусторонний или зоологический компонент практически исключается, что является определенным прогрессом для средневекового богослова [6, с. 78].

Свои выводы Ранеус подкреплял тремя историями, в которых, однако, прослеживается целый ряд признаков, общих с легендами, приводимыми в других bestiариях и источниках. Необходимо оговориться, что легенды об оборотнях в принципе обладают значительной стереотипностью и в них довольно ярко проявляется набор базовых сюжетов.

К иллюстрации легенд, причисленных Ранеусом к первому типу, относят следующий сюжет. Человек, обладающий довольно значительным богатством, но скверным характером, внезапно сталкивается со следующей проблемой: принадлежащее ему стадо скота оказывается убитым, причем на трупах животных ярко видны следы нападения крупного и чудовищно сильного зверя. После этого он так или иначе (обстоятельства изменяются в зависимости от истории – герой может отправиться на поле, где погибли животные, или все события могут происходить в его жилище) произносит довольно бурную речь, в которой, пересыпая свои рассуждения богохульствами, проклинает того, кто покалечил его скот, и, обращаясь к Богу, требует немедленно послать того, кто это сделал, на поле, где лежит мертвый скот, чтобы над ним была проведена расправа. После произнесения проклятия герой истории непременно сам превращается в волка, после чего убегает от удивленных слуг и домочадцев. В зависимости от версии подробности происходящего могут отличаться. Волк, в которого превратился герой, может отправиться пожирать мертвых животных, наброситься на кого-то из домочадцев, или же герой легенды может вовсе не превращаться в волка, но вести себя именно так, как вел бы себя волк [6, с. 75].

Пытаться критически анализировать подобные истории довольно сложно, однако здесь есть один важный для понимания момент – момент проклятия и обращения к Богу с требованием сделать виновника произошедшего заметным. Это может восприниматься и как метафора, показывающая излишнюю жестокость героя истории, и как не менее метафоричное отражение наказания, которому подвергается человек, неоправданно апеллирующий к сверхъестественным силам.

Важно отметить тот факт, что мотив излишней жестокости героя легенды проявляется в историях об оборотнях довольно часто. Помимо историй, имеющих откровенно фольклорный окрас, здесь можно назвать также и историю суда над легендарным французским полководцем, участником Столетней войны, Жилем де Рэ, ставшим, согласно некоторым источникам, прототипом главного героя легенды о Синей Бороде [5, с. 54]. Известно, что основаниями для суда и основными обвинениями в адрес маршала де Рэ были обвинения в массовых убийствах детей, причем нередко данные обвинения выдвигались именно в контексте

оборотничества [7, с. 197]. Однако в данном случае подтекст обвинений в оборотничестве вполне очевиден. Для современников и потерпевших преступления Жиля де Рэ кажутся настолько отвратительными и противоестественными, что объяснить их можно разве что сверхъестественной природой происходящего, и в этом случае расхожий сюжет об оборотне оказывается как нельзя кстати [5, с. 78].

Впрочем, существует еще ряд легенд, в которых отрицается и превращение человека в волка, и причинение этим человеком насилия. В них говорится лишь о поведении, схожем с волчьим, или ощущении себя волком. Как пример героя подобных историй приводится «некий знатный господин» (отсутствие привязки к конкретной личности вполне показательно для подобных легенд), одержимый дьяволом, и в моменты одержимости ощущающий себя волком и убегающий в лес. В данном случае «исцеление» происходит после соответствующего ритуала изгнания демонов. Альтернативный вариант (уже с указанием имени героя и обстоятельств дела) история провансальского трубадура Пейре Видаля, который, влюбившись безответно до беспамяतства в каркассонскую красавицу по имени Лоба, бродил по безлюдным местностям, воя как волк или распевая собственные песни, «напоминая в большей степени зверя, чем человека» [11, p. 54].

Нередко люди, подозреваемые в оборотничестве, равно как и в колдовстве, подвергались судебному преследованию. Особенно показательным в данном случае является судебный процесс над Жаном Гренье, проходивший во Франции в 1604 г. Подсудимый обвинялся в том, что после заключения договора с дьяволом он получил возможность превращаться в волка для совершения преступлений – нападений на людей и собак.

История Жана Гренье, возраст которого во время суда составлял по разным источникам от 13 до 15 лет, разворачивалась в одной из деревень на юге Франции, где он бродяжничал. Одновременно с этим Жан совершал нападения на людей, прикрывшись волчьей шкурой. После одного из нападений он был арестован и добровольно признался в неоднократных нападениях на людей и в связях с дьяволом. Однако в ходе судебного разбирательства Жан путался в собственных показаниях, в результате чего суд счел его безумным и отправил в монастырь, где он умер через несколько лет [6, с. 107].

Эта история представляет интерес, потому что она – реальный судебный прецедент, связанный непосредственно с оборотничеством. История Жана Гренье не уникальна. Известен еще целый ряд случаев, когда человек оказывался на скамье подсудимых, и в качестве одного из обвинений фигурировало именно превращение в волка. Необходимо отметить, что

подобные обвинения практически всегда соседствуют с обвинениями в связях с дьяволом. Также общим признаком для таких историй является получение от дьявола какого-либо предмета, который и оказывает помощь в превращении. Чаще всего таким предметом является волчья шкура, пояс или специальная мазь, употребив которую, человек превращался в волка. Подобные судебные процессы имеют много общего с судебными процессами по обвинению в колдовстве, и время их наибольшего распространения – XIV–XVI вв. – хронологически совпадает с пиком европейской «охоты на ведьм», что позволяет считать их одной из альтернативных версий обвинений в колдовстве. В пользу такой гипотезы говорит и тот факт, что обвинение в оборотничестве часто сопутствовало обвинению в колдовстве: мотив превращения в животное и путешествия на ведовской шабаш в виде животного повторяется в судебных документах средневековой Европы довольно часто [11, р. 104]. Т.к. судебные процессы по обвинениям в колдовстве довольно подробно рассматривались в целом ряде работ, я не буду акцентировать на нем внимание.

Обвинению в оборотничестве нередко сопутствует и обвинение в каннибализме. Зачастую жертвы нападений «оборотней» оказывались частично съедены, но известные нам источники не называют ни одного случая, когда при нападении с поеданием жертвы проводились непосредственные параллели с реальным человеком. Однако известны обратные случаи – человек, подозреваемый в каннибализме, начинает отождествляться с волком. Этот мотив прослеживается в истории суда над Жилем де Рэ и в ряде других судебных процессов, например, в процессе Жиля Гарнье, которого судили за оборотничество и каннибализм в начале XVII в. Очень показательна сама персона Жиля Гарнье – это был нищий отшельник, живший на болоте в стороне от деревни, где произошло несколько убийств. Убийства связали с Жилем Гарнье, который немедленно сознался в преступлениях, утверждая, что совершил их, превращаясь в волка, однако свидетели преступлений, указавшие именно на Гарнье, утверждали, что видели его на месте убийств в обличье человека [6, с. 92]. В данном случае можно провести довольно очевидные параллели с одной из концепций Ранеуса, которые я уже затрагивал в своем исследовании. Здесь герой легенды отождествляет себя с волком, однако сам процесс превращения никогда не происходил.

Вообще, идея отождествления каннибализма с оборотничеством может найти вполне логичное объяснение. Как и в случае с насилием, кажущимся жителям средневековой Европы абсолютно неестественным, вариант отождествления его с чем-то потусторонним и дьявольским допустим

намного больше, нежели возможность признания исключительно человеческой природы подобных деяний.

Рассмотрев ряд наиболее показательных сюжетов, значительную роль в которых играет идея превращения человека в животное и совершения в образе животного каких-либо действий, лежащих за рамками христианского миропонимания жителей средневековой Европы, я постарался продемонстрировать, каким образом идея антропоморфного сверхъестественного существа трансформировалась из исключительно мифологического образа в образ в большей степени юридический.

Необходимо отметить, что исключительно мифологическую трактовку антропоморфных существ и получившие юридическое подтверждение случаи оборотничества объединяет одно – оба явления так или иначе связаны с формами страха. Однако если исключительно мифологические сюжеты весьма абстрактны и рисуют, скорее, образы хтонического страха перед неизученной и непостижимой природой в общем, то юридически подтвержденные случаи основаны на вполне конкретных прецедентах. Страх в них является следствием деяний, которые полностью противоречат нормам христианской морали. Для обоих сюжетов отличительным сопровождением стала демонизация образа, которая выступала логичным для людей средневековья объяснением феномена страха перед неизвестным и феномена девиантного поведения, который прослеживается в случаях с преступлениями и каннибализмом.

Впрочем, с течением времени образ оборотня как существа, олицетворяющего сверхъестественный страх, лишился всякого юридического подтекста и прочно укрепился в массовой культуре исключительно в качестве мифологического персонажа.

Библиографический список

1. Бэринг-Гулд С. Книга Оборотней. М., 2010.
2. Даркевич В.П. Народная культура Средневековья. М., 1988.
3. Иванова-Казас О.М. Мифологическая зоология. СПб., 2004.
4. Кэмпбэлл Д. Тысячеликий Герой. М., 1997.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
6. Рат-Вег И. Комедия книги. М., 1987.
7. Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006.
8. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.
9. A Lycanthropy Reader: Werewolves in Western Culture / Otten Ch.F. (ed). Syracuse, 1986.
10. Sidky H. Witchcraft, Lycanthropy, Drugs, and Disease: An Anthropological Study of the European Witch-Hunts. NY, 1997.
11. The Bestiary. A Book of Beasts / Ed. by T.H. White. NY, 1960.

В.М. Петровский

«Великая армада»: проблема эффективности действий испанского и английского флотов в войне 1585–1604 гг.

В статье рассматривается соперничество между Англией и Испанией на море в период похода «Великой армады» и в войну 1585–1604 гг.

Ключевые слова: «Великая армада», Филипп II, Елизавета I, Френсис Дрейк, герцог Медина-Сидония, Гравелин, галеон, каракка, корабельная артиллерия, абордаж.

С 1573 г. казначей и инспектор Королевского флота Джон Хокинс провел ряд реформ, направленных на усиление английского флота, который к тому времени значительно уступал флотам ведущих морских держав – Испании и Португалии. Тяжелое экономическое положение не позволяло содержать большое число военных кораблей, и к борьбе за море приходилось привлекать небольшие частные суда, которые и в мирное время занимались преимущественно морским разбоем и торговлей рабами между Африкой и Америкой. Такая мобилизация не только позволяла английской казне экономить на содержании флота, но и приносила доход, поскольку правительство активно продавало частным судовладельцам так называемые каперские свидетельства – лицензии на захват испанских кораблей и их груза, на разграбление колоний Испании. Кроме дохода от продажи лицензий, в казну поступал и определенный процент захваченного. Однако каперы самостоятельно не могли содержать крупные и с большими экипажами корабли и довольствовались небольшими флиботами, тогда как для уверенного противодействия флоту Испании требовались корабли совершенно другого типа – крупнотоннажные и имеющие на борту большое число людей, свободных от управления парусами – морских пехотинцев или абордажных партий, поскольку противник их – флот Испании – делал основной упор в бою как раз на широкое использование абордажа. Испанская пехота, хорошо показавшая себя на суше, широко использовалась и в сражениях на море. Хокинс справедливо полагал, что испанцы непобедимы в абордаже, отчего единственный шанс разбить их в морском бою состоит в нанесении им как можно больших потерь артиллерией. В этом отноше-

нии английские кораблестроители стали родоначальниками появления идеи применения корабельной артиллерии как основного вида морского боя, пришедшего на смену абордажу. Еще в начале XVI в. они строили такие новаторские корабли, как «Соверен оф зе Сиз», двухдечник 1514 г. «Грейт Харри», «Мери Роуз» и др. Однако это были не более чем отдельные экземпляры среди массы небольших флиботов, приспособленных под каперские рейды, поскольку развитие науки и техники в XVI в. еще не позволяло создать корабль как носитель большого числа именно действенной артиллерии.

Такое положение артиллерии было как раз выгодно флоту Испании, основной задачей которого было поддержание регулярного товарооборота с колониями. Длительные плавания через океаны, требующие больших припасов, перевозка грузов и необходимость защиты этих грузов заставляли держать в строю преимущественно крупнотоннажные галеоны и каракки. Основным оружием их на протяжении всего XVI в. были подразделения пехоты, а основным приемом морского боя – абордаж. Однако при этом существовали и значительные издержки: флот, жестко привязанный к поддержанию связи с колониями, не был приспособлен к боям именно в европейских водах. Это выражалось в следующем: финансирование поступало на флот весной каждого года, и подготовка к плаваниям шла в течение лета, после чего конвои и отдельные суда выходили в море. В Европе осенний период как раз отличался наибольшими сложностями для судоходства, были часты шторма, туманы и т.п.; флот строился с расчетом длительных плаваний через океан, в ущерб их маневренности. В условиях плавания в штормовых европейских водах маневренность являлась одним из значимых факторов. Хокинс учел и это и предложил использовать в борьбе с испанцами т.н. тактику «роя». Она заключалась в атаках на галеоны и каракки путем сосредоточения против одного корабля сразу нескольких каперских судов, которые и подавляли противника в численности участников абордажа. Однако такая тактика была действительна лишь против идущих отдельно или поврежденных кораблей. Конвой же зачастую атаку «роя» отбивал, отчего ставка на артиллерию была единственной надеждой одержать победу над испанским кораблем.

Главной проблемой артиллерии XVI в. было несовершенство самих пушек, и, даже несмотря на то, что Англия являлась крупнейшим производителем чугунных пушек, она не могла всерьез рассчитывать на их эффективность. Даже самые лучшие орудия того времени имели небольшую меткость. Большое рассеивание снарядов из-за качки и задержка выстрела (при запале фитилем до 2-х секунд) требовали вести стрель-

бу только прямой наводкой, отчего дальность выстрела не превышала 150 м [6, с. 85]. Но и в этом случае попадания были редки. Более того, даже попавший в цель снаряд не гарантировал поражения противника, т.к. имел малую пробивную силу, еще менее значительную в условиях боя с испанскими крупными кораблями, имевшими толстый (до 60 см) деревянный борт. Все это заставляло приближаться к противнику на небольшое расстояние. Типичный артиллерийский бой того времени велся на дистанции 100–50 м. Однако английские флиботы, составляющие основу флота, не могли позволить себе такого сближения в случае боя с испанскими кораблями, т.к. эти 100–50 м до противника позволяли испанскому кораблю легко перейти в абордаж. А в нем, как уже указывалось, в силу большей многочисленности экипажей и опытности пехоты, испанцы имели перед англичанами подавляющее превосходство. Недостаточна была и скорострельность. Так, орудия больших калибров делали всего один выстрел в полчаса, орудия среднего калибра – в 15 минут [Там же, с. 15]. Противодействовать артиллерией кораблю противника, поджечь, а тем более гарантированно нанести ему большие повреждения корабельная артиллерия не могла на протяжении всего XVI в.

Таким образом, в условиях не каперских набегов, а реального морского боя массы малых английских кораблей не имели шансов на победу. Кроме того, привыкшие действовать как каперы, часто в одиночку, не входившие в состав единого флота, подчас не имевшие даже опыта плавания в составе эскадры, английские корабли, как правило, не могли координировать свои действия при совместной атаке. Война 1586–1604 гг. выявила и еще один недостаток каперов – их команды, не состоящие на регулярной службе и получающие доход только от продажи захваченного груза, зачастую не подчинялись требованиям командования, а атаковали только те испанские корабли, которые представляли собой более легкую добычу и захват которых мог принести прибыль.

Действовали каперы и против берегов, предпринимали рейды к наиболее отдаленным колониям, где у Испании не имелось больших сил. Наиболее знаменитым стал рейд капитана каперского корабля Френсиса Дрейка в 1670-х гг. Тот поход нанес большой урон перевозкам в Тихом океане. Активно действовали каперы Хокинса, Лоуэлла, Фробишера и др. Естественно, все эти рейды и захват испанского имущества сопровождались боевыми столкновениями, гибелью людей и рассматривались испанской стороной как обычное пиратство, а поскольку это пиратство поддерживалось английской короной, то, следовательно, оба государства могли вступить в войну. Однако Испанской короне, занятой в колониях, войной во Фландрии и во Франции, новая война, пусть даже и

с небогатой Англией, была не нужна. Приходилось пытаться урегулировать проблему дипломатическим путем.

Английская сторона на ограничение действий каперов идти отказывалась, а в ряде случаев королева сознательно шла на обострение отношений. Так, в 1568 г. в английских портах были задержаны корабли испанской эскадры, везшие во Фландрию около 300 тыс. дукатов и вынужденные укрыться от французских корсаров. Все ценности англичанами были конфискованы, несмотря на обещание сохранить их и помочь переправить на материк. В ответ испанские власти произвели арест английского имущества в Испании и Фландрии. Посол Испании в Лондоне был обвинен в заговоре и выслан. К 1674 г. оба государства находились на пороге войны, однако Филипп II, как и ранее, предпочел не открывать боевых действий.

Следующий этап ухудшения отношений начался в 1685 г., когда едва пришедшие к соглашению о прекращении войны испанское и голландское правительства были втянуты в новое противостояние, вызванное предложением Елизаветы I военной помощи Генеральным штатам и отправкой ею на материк солдат. Тогда же Елизавета поддержала претендента на португальский престол Антониу, который руководил восстанием на Азорских островах, где сосредоточились все недовольные унией Португалии и Испании, а сами острова стали базой для действовавших против конвоев пиратов и каперов. В 1681 г. два наиболее крупных острова архипелага были заняты вооруженными силами Англии и Франции. В ответ Филипп II начал операцию по освобождению островов, отправив туда эскадру из 140 боевых и транспортных кораблей и десант в 11 тыс. солдат.

В ряде боев с французским флотом командующий испанским экспедиционным флотом лейтенант-генерал де Базан придерживался по преимуществу следующей тактики. Он выстраивал свои корабли в одну линию, шел на сближение и подавлял французов мушкетным и аркебузным огнем с малой эффективностью пушек, после чего корабли испанцев выходили из линии, сближались с ослабленным противником, брали его на бордаж и пускали в бой пехоту. Эта тактика в короткие сроки принесла результаты. В генеральном бою де Базан разбил флот Франции. Интервенты потеряли 10 кораблей и до 1500 человек убитыми и пленными. Высаженный ранее французский десант был разгромлен.

Острова оказались освобождены от пиратов и мятежников, была снята угроза атак на «Серебряный флот» и отменен поход основных сил английских каперов, что, впрочем, не отменило действий английских приватиров малыми силами у берегов Испании. Это, а также участие семи английских кораблей в боях за Азоры, прежние конфликты и постоянная

угроза со стороны Англии вызвали в Мадриде создание плана быстрого разгрома Англии путем высадки на Британских островах, свержения действующей там власти и замены ее на более дружественную, захват английских портов, что повлекло за собой уничтожение французского корсарства.

Видимо, первым идею десанта на Британские острова предложил как раз адмирал Альваро де Базан, маркиз Санта-Круз. Она была принята Филиппом II и большинством командующих. После долгого обсуждения различных ее вариантов остановились на следующем. Начальник экспедиции де Базан с главными силами флота выходит из портов Испании и вступает в бой с английским флотом в Ла-Манше. Скованные боем англичане не смогут противодействовать высадке первого эшелона десанта, который размещен на кораблях де Базана и, частично, на транспортных судах, следующих с главными силами. После высадки десант захватывает и удерживает плацдарм, а корабли де Базана идут в Дюнкерк, где берут на борт второй и третий эшелоны десанта, после чего вновь, возможно, ведя второй бой с английским флотом, подходят к берегам Англии. Далее сухопутной операцией командует возглавлявший испанские силы во Фландрии Алессандро Фарнезе, герцог Пармский.

Филипп II исходил из тех соображений, что длительная война на Британских островах для Испании непосильна, Англию предполагалось разбить в ходе короткой кампании с последующим дворцовым переворотом. Началась подготовка большого флота и она, естественно, не могла пройти незамеченной англичанами. Елизавета I решила нанести превентивный удар по Кадису – городу, где шла постройка кораблей для будущей экспедиции на острова.

12 апреля 1687 г. Френсис Дрейк с эскадрой атаковал порт, что и положило начало войне. Примечательно, что в этом походе Дрейк имел всего 4 полноценных боевых корабля, с вооружением от 38 до 47 пушек каждый, все остальные 20 кораблей его эскадры были небольшими и частично гребными судами класса «пинасс». Такой состав английских сил как раз отражал перекося в составе военно-морских сил Англии в сторону предпочтения малых каперских судов. В Кадисе внезапной атакой удалось захватить испанцев в гавани и сжечь брандерами, по разным данным, от 20 до 26 недостроенных кораблей, в основном класса «уркас» (вооруженные торговые суда). Однако эффективность использования подобной тактики в открытом море против больших испанских галеонов и каракк вызывала сомнения.

Аналогичная операция Фробишера против порта в Каракке провалилась. А вот совместная атака порта Сагреш нанесла наибольший урон –

там англичанами были сожжены большие запасы дубовых досок, предназначенных для выделки бочек для припасов всей испанской эскадре.

Совокупный урон был очень велик, Филиппу II пришлось отложить экспедицию на год. Кроме того, в самом начале 1588 г. умер Альваро де Базан, и его смерть современники сравнивали с уроном, нанесенным Дрейком. Новым командующим формирующейся эскадры был назначен дон Алонсо Перес де Гусман, герцог Медина-Сидония. При его назначении Филипп II руководствовался тем, что Медина-Сидония был прекрасным администратором и мог в короткие сроки организовать подготовку эскадры, что и произошло.

К весне эскадра была готова и включала в себя корабли не только испанской короны, но и зафрахтованные суда частных лиц, а также боевые корабли Португалии, Антверпена, Гамбурга, Дубровника, Неаполя – всего 132 корабля. На их борту находилось 30 565 моряков и солдат, большое количество припасов и вооружения. Это формирование получило название «*Felicitísima Armada*» – «Счастливая Эскадра», известная в поздние времена как «Великая армада» или «Непобедимая армада» [8, с. 56].

Непосредственной задачей испанской эскадры было, не ввязываясь в бои, дойти до Дюнкерка, откуда забрать на гребные суда армию Фарнезе из 27 тыс. солдат и, прикрывая ее, идти на юго-восточную часть Англии. Их противники в это время пытались буквально с нуля создать флот для генерального сражения, и отчасти англичанам это удалось. К маю 1588 г. их флот, командовать которым стал лорд Говард Эффингемский, состоял из 34 королевских галеонов, разделенных на две эскадры под командованием вице-адмиралов Дрейка и Фробишера (им подчинялись контр-адмиралы Генри Сеймур и Джон Хокинс соответственно) и 163 зафрахтованных приватира, которые должны были действовать совместно с главными силами, но отличались невысокой артиллерийской подготовкой и не имели опыта в плаваниях в составе эскадры. Учитывая меньшую численность экипажа (15 551 человек) против испанцев было решено действовать в бою только артиллерией.

Англичане надеялись навязать испанцам артиллерийский бой в Ламанше и не допустить их до Дюнкерка.

Более внимательное сравнение флотов противников дает следующие результаты. Испанский флот насчитывал 132 корабля. Из них 67 были водоизмещением более 500 тонн. Англичане смогли выставить 197 кораблей, но из них лишь 18 были водоизмещением более 500 тонн. Плюс им содействовали до 100 голландских кораблей, в основном флиботов, блокировавших Дюнкерк. Общий тоннаж испанских кораблей составил 59 394 тонны, они имели 2 493 орудия (класса не ниже фальконета).

Англичане имели до 3 500 орудий, из них на 33 кораблях было 916 орудий. Но поскольку больших кораблей у англичан было намного меньше, и основная масса их артиллерии была разбросана по малым кораблям, то по орудиям, которые могли участвовать в бою, противники имели примерное равенство.

Тяжелых орудий испанцы имели 489 штук, а англичане – 98, тогда как средних орудий у испанцев было всего 635 против 1874 у англичан (итого 1 124 у испанцев и 1972 у англичан) [8, с. 56]. Это не соответствует распространенному мнению о преимуществе англичан в тяжелой артиллерии. Вес бортового залпа для испанцев 19369 фунтов, для англичан – 14 677 фунтов, т.е. на 24% меньше [3, с. 18]. Более того, учитывая, что вся серия боев в Ла-Манше прошла на большой для того времени дальности (200–400 м) ввиду того, что англичане опасались свалиться с испанцами в абордаж из-за массы превосходящей их испанской пехоты, то на этой дистанции орудия больших калибров практически не могли действовать, что подтверждается количеством израсходованных боеприпасов. Полностью израсходованными у обеих сторон оказались именно ядра средних калибров, тогда как большие орудия стреляли лишь изредка. И, естественно, урон, нанесенный кораблям артиллерией, был ничтожен.

28 мая 1588 г. корабли испанской эскадры вышли из Лиссабона. Непрерывающиеся штормы заставили эскадру долго отстаиваться под защитой берега или в портах, отчего к мысу Лизард флот Медина-Сидонии подошел лишь через два месяца – 29 июля.

Получив сведения о выходе испанцев, Говард начал развертывание своих сил. Дрейк с отрядом был отправлен в Плимут, на дальние подходы к Ла-Маншу, Сеймур ушел к Дюнкерку, где совместно с голландцами начал наблюдение за берегом. Основные силы англичан сосредоточились в Дувре.

Тем временем Медина-Сидония и подчиненные ему начальники эскадр Диего Флорес де Вальдес, Хуан де Рекалье и Мигель де Окендо справедливо решили, что англичане не пойдут на традиционный для того времени абордаж, а предпочтут артиллерийский бой. Исходя из этого было принято решение в случае завязывания боя идти на сближение и стараться перевести бой в абордажный. Причем испанцам было известно, что Говард разделил свою эскадру, и Вальдес предлагал немедленно атаковать их по частям и начинать с кораблей Дрейка. Однако Медина-Сидония предпочел действовать согласно королевскому указу и идти в Дюнкерк. И даже приближение кораблей Дрейка, которые из-за малочисленности не стали сближаться, а нерешительно обстреляли испанцев издали, не заста-

вило Медина-Сидонию атаковать их. Это позволило Дрейку оставаться все время вблизи и дожидаться подхода кораблей Говарда. Последние прибыли ночью с 31 июля на 1 августа, причем Говард принял корабли испанцев за корабли Дрейка, его корабль вошел в самую середину испанского флота и лишь по чистой случайности не попал в плен. После этого Говард внезапно передал командование Дрейку, как более опытному. Но и здесь не все прошло гладко. Дрейк, едва получив приказ о назначении его флагманом, погасил огни на своем корабле и, бросив эскадру, ушел захватывать отставшие от испанского флота корабли. Так начался первый из серии боев со «Счастливой эскадрой».

1 августа три корабля Дрейка у Плимута натолкнулись на три поврежденных при столкновении и от пожара галеона. Два из них сдались без боя, абордажем был взят лишь один. Но, сумев легко захватить три корабля противника, Дрейк все же упустил главные силы испанцев, и они теперь были далеко на ветре. 2 августа испанцы атаковали силы Говарда и Хокинса у Веймута. Но, как и одним днем ранее, приближаться англичане не рисковали, ведя бой издали, и, не достигнув никакого успеха, отошли. Теперь Медина-Сидония практически не имел перед собой никакого противника, кроме 20 кораблей Сеймура и 46 голландских кораблей (которые были небольшими, прибрежного плавания флиботами и отчасти малыми галеонами), и мог даже высадить имеющиеся у него на борту десантные силы для создания плацдарма, однако командующий предпочел строго придерживаться инструкций Филиппа, несмотря на настойчивые требования некоторых младших флагманов.

Неудачные действия противника позволили Медина-Сидонии перестроить эскадру. Теперь он собрал все слабые суда с солдатами и припасами в центр, поставив впереди и по сторонам их свои наиболее сильные корабли. Испанский строй стал напоминать огромный клин [8, с. 34].

Днем 3 августа у острова Уайт Говард и Дрейк смогли нагнать и вновь атаковать испанцев, но вновь нерешительно, с тыла, и, не нанеся никаких потерь, отошли. В бою 4 августа испанцы сами попытались атаковать, английские адмиралы держались вдали и боя не приняли. Голландский флот, занятый блокадой Дюнкерка, активности не проявил. Таким образом, Медина-Сидония, потеряв всего три корабля, благополучно дошел до Кале. Однако здесь эскадру ждало разочарование – армия Фарнезе не была готова к посадке на корабли. Несмотря на то, что от Дюнкера, где стоял Фарнезе, до Кале, в гавань которого стянулись корабли Медина-Сидонии, всего 38 километров, армия оказалась неготовой преодолеть их, кроме того, Фарнезе не успел приготовить плавсредства для перевозки солдат на корабли. Именно это и спасло Англию от немедленного

вторжения. 6 августа Говард попытался нерешительно атаковать эскадру Медина-Сидонии, ведя в течение дня перестрелку издали, но не смог ничего добиться. Более того, к испанцам благополучно пришел флот транспортных судов с припасами.

Видя бесполезность артиллерии, Дрейк решил разбить стоящий на якоре испанский флот брандерами в ночь на 8 августа. Сами брандеры, пущенные по ветру в гущу кораблей «Счастливой армады», никакого урона не нанесли, однако угроза пожаров, исходящая от них, заставила испанские корабли рубить якоря и маневрировать в условиях скученности и среди отмелей. На мель сел всего один галеас, зато остальные оказались разобщены и к утру стояли поодиночке или малыми группами, в строю у Медина-Сидонии остались только 40 кораблей. Дрейк предпринял попытку разбить их артиллерией на рассвете 8 августа. Решительный бой у Гравелина продолжался с 9 утра до 6 вечера, но и здесь результаты действия артиллерии оказались незначительными.

Весь бой свелся к многочасовым перестрелкам, когда 50 кораблей Дрейка (включая 12 королевских галеонов) на протяжении трех часов расстреливали тысячетонный флагманский галеон Медина-Сидонии «Сан-Мартин» с предельно малой дистанции – 30–50 метров, затем 17 кораблей Хокинса и Фробишера два часа расстреливали галеон «Сан-Фелиппе», а восемь английских кораблей били по «Сан-Матео». Пользуясь превосходством в силах, они пытались взять на бордаж, однако это им не удалось. Артиллерия также оказалась малоэффективной. К вечеру англичане вышли из боя по причине полного истощения запаса пороха и ядер. В итоге от артиллерии последние два галеона получили повреждения в рангоуте и сели на мели, а «Сан-Мартин» соединился с главными силами. Сильные повреждения получил только вооруженный торговый корабль «Мария Хуан». Он единственный затонул. Два галеона были потеряны, т.к. сели на мель и были захвачены позже голландцами. Одна уркас без боя перешла на сторону англичан.

В итоге потери составили всего 7 кораблей из 132 за пять дней боев. Прочие имели незначительные повреждения и могли продолжать ожидать посадки войск Фарнезе. Однако последний вскоре заявил, что войска будут готовы не ранее, чем через две недели. В полдень 9 августа было созвано совещание флагманов испанского флота, на котором обсуждалось сообщение Фарнезе. Примечательно, что такая затяжка была в целом на руку испанцам, т.к. ветер с северо-востока, необходимый для высадки в Англии, должен был установиться в этих местах не ранее 20-х чисел августа, т.е. как раз к готовности войск. Однако Медина-Сидония по каким-то причинам не прислушался к советам наиболее решительных

младших флагманов, Рикальдо и Окендо, и не отдал приказа готовиться к новой обороне и ожидать попутного ветра на месте, вместо этого командующий испанским флотом решил отменить операцию и отходить в Испанию. Это свое решение он поставил на голосование среди флагманов и капитанов, и большинство офицеров проголосовало за отход.

Однако этот план был неосуществим из-за постоянно дующего юго-западного ветра, и тогда Медина-Сидония решил идти в Испанию вокруг Британских островов. Именно это решение и стало роковым для эскадры. Дело в том, что такой поход изначально содержал в себе перспективу преодоления множества опасностей в виде частой плохой погоды в районе севернее островов, периодических штормов, туманов и большого числа неизвестных испанцам отмелей и каменных рифов. Тогда как ожидание попутного ветра для высадки в Англии или возвращение через Ла-Манш сулило испанцам намного больше выгод, т.к. английский флот так и не смог нанести им серьезного урона, и «Счастливая эскадра» в целом сохранила более 90% своей боеспособности, отчего перспектива быть уничтоженными Дрейком была мала. Единственной проблемой был дефицит пороха, но и это могло быть решено ввиду близости Фландрии, откуда можно было наладить подвоз не только провизии и воды, но и боеприпасов.

Однако испанцы отказывались от дальнейшего похода на Англию и уходили на север. Это вызвало среди англичан столь большое воодушевление, что их флот даже не стал преследовать испанцев, которые 11 августа, т.е. простояв еще два дня на месте, снялись с якоря и в полном составе ушли. Дальнейшие перипетии похода «Счастливой эскадры» не имеют прямого отношения к противостоянию Англии и Испании, поскольку никакого участия в гибели эскадры Медина-Сидонии английский флот не принимал, корабли его были уничтожены штормами в тяжелейших навигационных условиях у берегов Шотландии и Ирландии.

К 30 сентября отдельные корабли и суда «Счастливой эскадры» добрались до портов Испании. Всего было потеряно 63 из 132 кораблей и, как уже указывалось, всего семь из них потеряны в боях. Причем всего один погиб от действий артиллерии. Погибли и попали в плен до 10 тысяч моряков.

Англичане не потеряли ни одного корабля, хотя некоторые и имели серьезные повреждения, а людские потери составили порядка 500 человек убитыми и ранеными. Но здесь следует отметить, что, как только испанская эскадра была рассеяна штормами, английская королева в целях экономии приказала ввести свои корабли в гавань. По тем же соображениям 14 472 из 15 925 моряков эскадры были уволены, причем

жалования они не получили, а поскольку в течение всего года они, ожидая боев с испанцами, не занимались каперством или каким-либо иным делом, то и средств к существованию не имели, из-за чего среди них сразу же разразился голод, от которого умерло до двух третей английских моряков еще до того, как последний корабль испанской эскадры прибыл в родной порт. Таким образом, Англия вдруг оказалась без флота, так же, как и Испания.

Поражение «Счастливой эскадры» произошло лишь в малой степени от воздействия английского флота в силу слабости морской артиллерии того времени. Более всего поражение было обусловлено несогласованными действиями Фарнезе и Медина-Сидонии, а также ошибочным решением последнего прервать операцию и возвращаться в Испанию, а особенно – возвращаться круглым путем. Впрочем, и сама гибель «Счастливой эскадры» никак не повлияла на ход войны, и та продолжалась еще 16 лет, до 1604 г.

Уже в следующем, 1589 г., Елизавета I вместо того, чтобы попытаться навязать Филиппу II свои мирные условия, приняла решение провести аналогичную операцию и высадить десант в Испании. Однако с большим трудом собранный флот, насчитывавший 142 корабля с десантом 17400 человек (всего экипаж насчитывал 22,5 тыс. человек) попал в то же положение, что и «Счастливая эскадра» годом ранее. Корабли эскадры Дрейка и Джона Норриса, несмотря на то, что сумели высадить десант на берегу Испании, были решительно отбиты. На море к лету появились новые корабли Филиппа II, построенные по «Кораблестроительной программе 1589 года», и они нанесли ряд поражений англичанам. Высадка на Азорских островах и попытка овладеть «Серебрянным флотом» также не удалась. К концу лета, не нанеся противнику практически никакого урона, корабли Дрейка и Норриса вернулись в Англию, потеряв ровно половину корабельного состава и более 14 тысяч человек экипажа и десанта убитыми, пленными и умершими от голода и болезней. Так, англичане буквально повторили поход испанской «Счастливой эскадры», даже несколько превзойдя ее в количестве людских потерь. Кроме того, денег в казне не было, поход никаких прибылей не принес, отчего платить уцелевшим морякам было нечем, что привело к бунту и новому упадку английского флота.

Главной причиной провала английской экспедиции было отсутствие дисциплины, единоначалия и четкого плана, доведенного до всех. Ошибки, выявленные еще в боях 1588 г., так и не были исправлены, и английский флот продолжал оставаться сборной группой каперских кораблей, главной целью которых была погоня за более выгодной добычей, причем

в ущерб общему делу и даже вопреки приказам командования. По итогам этого похода королева запретила Дрейку выход в море. Флот же Испании был полностью восстановлен, а в 1590 г. даже превзошел состав 1588 г. Елизавета I, с трудом рассчитавшаяся с прежними долгами, вынуждена была прибегнуть к новым займам. Ухудшили положение и неурожайные 1591 и 1592 гг. Состав флота не мог быть пополнен новыми кораблями, и о масштабных походах пришлось забыть. Англичане вынужденно сосредоточились на проекте захвата «Серебряного флота», что сулило больше доходов и привлекало спонсоров, снаряжающих на свои средства корабли.

В 1591 г. в море с целью захвата ценного каравана вышел отряд Томаса Говарда с 8 «быстрыми» (уменьшенная «копия» испанского галеона, более приспособленная к действиям в переменчивых ветрах Северной Атлантики) галеонами и 13 малыми судами. Едва подойдя к одному из Азорских островов – Флорес, англичане были обнаружены эскадрой Алонсо де Базана (брат упомянутого ранее адмирала), который с 20 галеонами и пинасами как раз вышел встречать «Серебряный флот». В ходе завязавшегося 8 сентября боя де Базан сумел подойти к кораблям Говарда вплотную, т.к. тот был уверен, что ему навстречу идут галеоны «Серебрянного флота» и, лишь приблизившись, сумел отличить боевые галеоны от торговых. Едва обнаружив ошибку, Говард понял, что в бою его слабых корсаров с новыми испанскими тяжелыми галеонами типа «Апостол» ждет полный разгром, и начал немедленно отходить. Именно здесь, а не при Гравелине, впервые состоялся артиллерийский бой крупных кораблей (ими оказались «быстрый» галеон «Ривендж» и три испанских корабля), действовавших исключительно пушечным и ружейным огнем, без применения abordaja, и сумевших нанести друг другу серьезные потери вплоть до затопления двух испанских кораблей. Избитый «Ривендж» сдался. Остальные корабли Говарда сумели бежать.

Но и на этом война не закончилась. К 1595 г. финансовое положение Англии было катастрофическим – средства уходили на тяжелую, но малорезультативную борьбу в Ирландии, где ширилось восстание католиков, «Серебряный флот» в руки англичан так и не давался, а разгромить испанские корабли в решительном сражении было нечем, т.к. численности своих галеонов было недостаточно. В этой ситуации было решено поправить дела рейдом в Вест-Индию. Командование им было поручено возвращенному из опалы Дрейку и Дж. Хокинсу. Масштабы экспедиции мало в чем уступали походу к берегам Испании 1589 г., было привлечено огромное количество акционеров и заемщиков, в т.ч. в подготовке экспедиции приняли участие голландские купцы.

Но испанцы опередили англичан. 23 июля они высадили небольшой отряд пикинеров на одном из островов архипелага Силли. Паника среди жителей, носившая сначала ограниченный характер, стала массовой, отряды милиции бежали. Это позволило испанцам сжечь два небольших города и вернуться на свои корабли. Дрейк, прервав сборы, бросился в погоню и даже нагнал испанские галеры на подходе их к Ирландии, однако решительный бой не состоялся, и испанцы благополучно скрылись в порту, попутно разграбив еще и караван голландских купцов.

Англичане срочно приступили к созданию обороны, на которую ранее не обращали внимания. Часть кораблей эскадры Дрейка была переведена в Фалмут. Все это преследовало со стороны испанцев всего одну цель – задержать отправку Дрейка, что и было выполнено, корабли английского адмирала потеряли месяц, и это давало время предупредить колонии и начать там приготовления к встрече каперов. Кроме того, количество кораблей, планируемых в участие в рейде, было сокращено с первоначальных 100 до 69, а численность их экипажей – до 4,5 тысяч человек.

В середине ноября Дрейк прибыл в Карибское море, но все его операции провалились. В течение нескольких месяцев английский флот был разбит в ряде боев на море и с береговыми батареями, а также понес огромный урон от болезней, голода, штормов. Оба адмирала – Дрейк и Хокинс – умерли от болезней. И лишь в следующем году в Англию вернулось всего 8 кораблей, имевших на борту не более тысячи человек. Это было все, что осталось от флота Дрейка.

Так, в кампанию 1595 г. испанцы сумели отбить нападения во всех пунктах, а затем, разгромив противника, успешно провели в Испанию «Серебряный флот». С каперами было покончено.

Елизавета I экстренно приступила к воссозданию флота. Был осуществлен новый заем у голландских купцов, а идеей отражения угрозы вторжения стал план по атаке Кадиса с целью уничтожения кораблей Кастильской эскадры.

Весной 1596 г. в Плимуте начался сбор огромного флота. Причем только теперь англичане нашли силы отказаться, по крайней мере, директивно, от прежней корсарской тактики и начали создавать флот с единой, жесткой системой командования. Моряки и десантники проходили курс обучения, тренировки и маневры стали постоянными, началось обучение стрельбе. Командовать флотом был назначен лорд Говард Эффингемский, ему были подчинены командиры отрядов и бывшие каперы Уолтер Рейли, Томас Говард и др. Сухопутными силами командовал граф Эссекс. Всего англичане смогли выставить 13 кораблей, 12 приватиров и 22 голландских корабля, кроме них к эскадре присоединились

до 50 малых приватирских кораблей – это было все до последнего корабля, что смогла собрать Англия.

13 июня английский флот покинул Плимут, оставив для защиты Англии только те 8 кораблей, которые уцелели из экспедиции Дрейка и через неделю были уже у Кадиса. Этот набег, как и в 1587 г., оказался удачным, хотя и не мог нанести серьезного урона многочисленному испанскому флоту.

Примечательно, что англичане отказались от атак на «Серебряный флот», а все захваченные ценности были аккуратно переданы в казну, что стало своеобразным символом рождения регулярного английского флота.

Филипп II начал сборы новой эскадры для похода на Англию. К 5 февраля 1597 г. в Ферроле была собрана эскадра в 82 корабля (из них 19 новых галеонов) с 26 тысячами моряков и солдат десанта. Командовал ими адмирал Мартин де Падилья. Задача новому флоту была поставлена та же, что и флоту 1588 г., но теперь солдаты, предназначенные для десанта, изначально располагались на эскадре.

Англичане, естественно, попытались противодействовать походу новой испанской эскадры. Как и прежде, было решено нанести поражение испанцам в их собственном порту, на этот раз целью была выбрана Ла-Корунья. Однако огромный английский флот из 120 кораблей под командованием Эссекса, Рейли и Говарда, едва выйдя из портов, попал в шторм и был разделен, в итоге все отряды, следуя поодиночке, независимо друг от друга пришли к идее следовать на Азорские острова и атаковать «Серебряный флот». Прежняя тактика каперских действий в ущерб общему плану продолжала действовать. Главнокомандующий Эссекс, также оказавшийся у Азорских островов, сумел объединить свои корабли и начал поджидать «Серебряный флот». Однако тот успел запереться в гавани Ангры. И до глубокой осени Эссекс, совершенно пренебрегая тем, что английские берега в опасности, со 120 кораблями осаждал с моря Ангру, пытаясь выманить слабый флот испанцев, разгромить его, а затем и овладеть серебром с кораблей.

Филипп II не мог не воспользоваться этой халатностью противника и увеличил эскадру в Ферроле до 136 кораблей (число войск на них возросло до 43 тысяч человек) с задачей высадиться уже прямо в Фалмуте. И уже 19 октября гигантский флот Испании, превосходящий числом солдат и кораблей знаменитую эскадру 1588 г., стоял в полной безопасности у берегов Корнуолла. У Фалмута началась высадка войск. Однако 20 октября, в самом начале высадки, налетел сильнейший шторм, раскидавший испанские корабли по всему Кельтскому морю, часть из них получила большие повреждения и ушла во Фландрию, другие – в порты

Франции. Захват Англии провалился и на этот раз. Причем он бы, вероятнее всего, состоялся, поскольку на суше английское правительство вообще не имело никаких средств защиты. Даже те 400 солдат, что испанцы успели высадить у Фалмута, навели такую панику на население, что оно, бросив все, бежало до Лондона. Елизавета I обратилась за помощью к голландцам и французам с просьбой прислать войска и хоть сколько-нибудь кораблей. Фалмутский десант, простояв на месте целых две недели в ожидании подкрепления, спокойно сел на корабли и ушел. Таким образом, Филипп II упустил возможность одержать убедительную победу.

В декабре английские корабли вернулись с Азорских островов. По приказу королевы Эссекс, Рейли, Говард и ряд других высших офицеров были изгнаны с флота.

В сентябре того же года скончался Филипп II. Трон наследовал Филипп III. Положение Испании на тот момент было хоть и не таким катастрофическим, как у Англии, но все же тяжелым. Долг государства составлял пять его годовых бюджетов, росла инфляция, сокращалось производство и сельское хозяйство. В этих условиях испанцы пошли на попытку закончить войну с Елизаветой, ей были предложены условия мира, аналогичные условиям 1585 г. – отказ от каперских действий против кораблей и колоний Испании, отказ от поддержки Голландии и уравнивание в правах британских католиков. Елизавета I была согласна на эти условия, кроме последнего, но переговоры, продолжавшиеся весь 1599 г., так ни к чему и не привели. Тогда Филипп III решил оказать помощь повстанцам в Ирландии, которые и без того уже добились больших успехов, и отправить в поход новую эскадру по аналогии с 1588 и 1591 гг. Поход эскадры в 1601 г. повторил те же ошибки, что и ранее. Испанские корабли вышли осенью, попали в ряд штормов, в результате чего из 33 кораблей лишь 21 сумели дойти до северной Ирландии, где они и высадили десант из 3 тысяч человек, вместо планируемых 6 тысяч. Кроме того, само восстание в Ирландии уже шло на убыль, а Елизавета I признала права на престол Якова I, чем привлекла на свою сторону часть католиков.

В марте 1603 г. Елизавета I Английская умерла, а королем стал Яков I Стюарт. Экономика страны была полностью разорена, зрело недовольство не только народа, но и купцов и дворянства, и Яков пошел на переговоры с Испанией. 28 августа 1604 г. в Лондоне был подписан мирный договор. По нему Англия соглашалась на все условия испанцев, которые не отличались от условий 1585 г. и были весьма гуманными и справедливыми. Англичане отказывались от каперских операций против испанских

кораблей и колоний, открывали Ла-Манш для испанских кораблей как торговых, так и военных, обязались не поддерживать голландских мятежников ни деньгами, ни оружием, ни людьми, признавали испанское влияние в Ирландии. Таким образом, принимая условия противника, английская сторона, по сути, признавала свое поражение в войне.

Попытка англичан потеснить Испанию на море провалилась. Однако мифологическая версия о героическом разгроме «Непобедимой армады», завершившем войну, осталась в английской литературе, перекочевав и в историческую науку, став одним из символов английской нации. Флот Англии после неудачи в войне 1586–1604 гг. начал постепенно преобразоваться. Охотно воспринимались новации и изобретения, что позволило английскому флоту заявить о себе как о грозной боевой силе в период войн с Голландией во второй половине XVII в., и миф о храбрых капитанах-каперах, героическом разгроме «Непобедимой армады» у родных берегов и о спасении нации от вторжения католиков был призван для поддержания морального духа моряков нового флота. В период наполеоновских войн начала XIX в. высокий моральный дух, боевая выучка и технические новшества помогли английским морякам разгромить флоты Франции и всех ее сателлитов [1]. После этого британский флот завоевал господство на просторах Мирового океана.

Библиографический список

1. Калмыков В.С. Морское соперничество Англии и Франции в XVIII – начале XIX вв.: проблемы политики и военно-морской стратегии // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2013. № 2. С. 56–69.
2. Кеймен Г. Испания: дорога к Империи. М., 2007.
3. Махов С.П., Созаев Э.Б. Захватить Англию. М., 2012.
4. Махов С.П., Созаев Э.Б. Неизвестная война «Золотого века». М., 2013.
5. Черчилль У. Британия. Новое время. XVI–XVII века. Смоленск, 2006.
6. Четверухин Г.Н. История развития корабельной и береговой артиллерии. М., 1942.
7. Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца 19 века. М., 2002.
8. Howard K. The armada campaign 1588. Oxford, 2001.
9. Lewis M. Armada guns, a comparative study of English and Spanish armaments. L., 1961.

В.Х. Габбасов

Избирательные кампании по выборам депутатов представительных органов муниципальных образований Оренбургской области. Предложения по оптимизации

В статье приводятся предложения по оптимизации процессов организации и технологического сопровождения избирательных кампаний, проводимых оренбургскими отделениями партии «Единая Россия» на выборах депутатов представительных органов местного самоуправления.

Ключевые слова: выборы, политические партии, местное самоуправление, избирательная кампания, партия «Единая Россия».

Местное самоуправление выступает как условие, необходимый атрибут любого демократического общества. Именно на уровне местного самоуправления возможно наиболее полно реализовать один из основополагающих принципов демократии – равное право и возможность граждан на управление делами общества. Власть в демократическом обществе должна быть как можно ближе к народу, и народ должен иметь право на ее осуществление в самой большой степени, которую только допускает форма представительной демократии. Местное самоуправление есть продукт демократии, одна из признанных форм осуществления народом принадлежащей ему власти. Степень развития самоуправления в данном качестве будет зависеть от степени развития демократии в обществе. Чем демократичнее оно, тем шире в нем будут развиты самоуправленческие начала.

Муниципальные выборы, посредством которых формируются подотчетные и подконтрольные населению выборные органы местного само-

управления, являются необходимым элементом системы организации и функционирования местного самоуправления.

На сегодняшний день избирательная система – одна из наиболее динамичных сфер общественно-политической жизни. Молодая по историческим меркам российская демократия продолжает строить и развивать свои политические институты, в том числе и электоральные. Кроме того, продолжает уточняться статус и компетенция, распределение полномочий и порядок формирования органов государственной власти и местного самоуправления.

Формирование органов местного самоуправления в Российской Федерации происходит в соответствии со всеми требованиями демократических процедур, выборность главы и представительного органа муниципального образования закреплена законом. Одним из ключевых субъектов избирательного процесса на местном, как, впрочем, и на всех остальных уровнях, являются общественные объединения.

Правовую основу их участия составляют Конституция Российской Федерации [4], федеральные законы «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» [17], «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [14], «О политических партиях» [13], законы субъектов Российской Федерации. Участие общественных объединений в муниципальных выборах на территории Оренбургской области урегулировано соответствующими законами области [1].

Среди избирательных объединений ведущую роль, в соответствии с законом и с учетом политической практики, играют политические партии. Именно они обладают всей совокупностью прав на участие в выборах любого уровня. Именно через включение в партийные избирательные списки реализуется право выдвижения кандидатов от иных общественных объединений на выборах федерального, регионального и местных уровней.

По нашему мнению, все преобразования последних лет имеют единый вектор – укрепление политических партий как ведущего общественно-политического института.

Принятый в 2001 г. Федеральный закон «О политических партиях» и поправки к нему обеспечили создание крупных политических объединений, ориентированных на системную работу с электоральным кадровым резервом и долгосрочные и ответственные отношения с избирателями [13].

Последние инициативы президента Российской Федерации с 2008 по 2012 гг. Д.А. Медведева [5; 6] и действующего президента Российской

Федерации В.В. Путина подталкивают к более активному участию политических партий в формировании органов местного самоуправления.

В Оренбургской области действует 50 региональных отделений политических партий, 4 из которых представлены в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Наиболее крупными региональными отделениями по численности членов партии более 500 чел. являются 7 партий. Региональные отделения остальных партий имеют численность менее 30 чел. [7]. Парламентские партии ведут активную работу на местах, местные отделения созданы в большинстве муниципальных районов и городских округах партиями «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Это позволяет им активно участвовать в избирательных кампаниях местного уровня.

В 2013 г. в Оренбургской области состоялись 74 избирательные кампании по выборам в органы местного самоуправления. Распределялось 316 мандатов. На выборах наибольшее количество кандидатов выдвигалось в качестве самовыдвиженцев. Среди политических партий как субъектов выдвижения абсолютным лидером по количеству выдвинутых кандидатов является Оренбургское региональное отделение партии «Единая Россия» – более 96% от количества распределяемых мандатов, далее следуют партии ЛДПР и КПРФ – более 21%, остальные партии в совокупности выдвинули 18 кандидатов, это около 6% от количества замещаемых мандатов.

По результатам избираемости кандидатов результаты Оренбургского регионального отделения партии «Единая Россия» также являются высокими. Так, за период январь-ноябрь 2013 г. на выборах в органы местного самоуправления было избрано 203 кандидата от данной партии, что составило 65,06% от количество распределяемых мандатов и 67,44% от количества выдвинутых партией кандидатов. Результаты других партий гораздо ниже, так, от КПРФ было избрано 22 кандидата – 7,05% от количества распределяемых мандатов, от ЛДПР – 3 кандидата, что составляет 0,96%. Количество избранных кандидатов-самовыдвиженцев в данный период составило 84 кандидата – 26,92% от количества распределяемых мандатов [3].

Анализируя результаты выборов прошлых лет в Оренбургской области, можно сделать вывод, что на выборах органов местного самоуправления оппозиционные партии не пользуются широкой поддержкой населения. Традиционно данные политические партии сталкиваются с трудностями на выборах депутатов представительных органов местного самоуправления, т.к. не имеют большого представительства первичных организаций и достаточного количества желающих избираться от этих

партий. Низкая активность политических партий не позволяет гражданам в полной мере выразить свои политические предпочтения.

В ходе анализа было определено, что основную конкуренцию кандидатам партии «Единая Россия» составляют кандидаты-самовыдвиженцы. Результаты выборов депутатов представительных органов местного самоуправления в 2013 г. увеличились (51,41% в 2010 г. и 64,91% в 2013 г.). Результаты кандидатов-самовыдвиженцев, напротив, уменьшились с 41,61% в 2010 г. до 26,67% в 2013 г. Улучшение результатов Оренбургского регионального отделения партии «Единая Россия» произошло за счет изменения подхода к подбору кандидатов для выдвижения, совершенствования технологии организации и проведения избирательных кампаний по выборам органов местного самоуправления и усиления контроля над местными отделениями во время проведения кампаний.

На результаты выборов большое влияние оказывает качество подбора выдвижаемых кандидатов. В партии «Единая Россия» создана уникальная для России система подбора кандидатов через проведение процедуры предварительного внутрипартийного голосования [8]. Однако необходимо проводить работу по ее совершенствованию и повышению эффективности данной процедуры.

Результаты кандидатов на выборах органов местного самоуправления напрямую зависят от эффективности работы местных избирательных штабов и качества исполнения рекомендаций Регионального избирательного штаба в части организации и технологического сопровождения избирательных кампаний.

В течение 2010–2013 гг. результаты Оренбургского регионального отделения партии на выборах депутатов представительных органов местного самоуправления улучшались за счет повышения внимания к ним, совершенствования системы подбора кандидатов и более активного использования политических технологий. В настоящее время у регионального отделения партии «Единая Россия» имеется резерв для улучшения результатов на 15–20% за счет результатов кандидатов-самовыдвиженцев.

Одним из решающих факторов, на наш взгляд, оказавшим влияние на повышение внимания к выборам в органы местного самоуправления, послужили изменения в порядке формирования органов власти местного самоуправления и выборов высшего должностного лица региона, внесенные в законодательство Российской Федерации и его субъектов.

В 2011 г. был принят Федеральный закон № 38-ФЗ «О внесении изменений в ст. 35 и ст. 38 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об общих принципах организации

местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с применением пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов». Данные изменения устанавливали, что при избрании представительного органа муниципального района, городского округа, имеющих численность не менее 20 депутатов, не менее половины депутатов должно быть избрано по пропорциональной системе. Для этих выборов величина «заградительного барьера» была ограничена сверху 5% [16].

В 2012 г. президентом Д.А. Медведевым был предложен и принят ГД РФ Федеральный закон Российской Федерации № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Данный закон предусматривал введение прямых выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, где выдвигаемые политическими партиями либо в порядке самовыдвижения кандидаты на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации должны получить поддержку от 5 до 10% депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований соответствующего субъекта Российской Федерации. При этом поддержавшие кандидата муниципальные депутаты и главы муниципальных образований должны представлять в определенной пропорции муниципальные образования разных видов [9].

В 2013 г. по инициативе президента В.В. Путина в Закон были внесены поправки, дающие регионам право на отказ от всенародных выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Благодаря внесенным изменениям в законодательные акты, регулирующие принципы организации органов государственной власти субъектов Федерации и избирательные процессы, повысилась роль представителей органов местного самоуправления. Во-первых, политические партии стали проявлять больше внимания выборам в представительные органы местного самоуправления муниципальных районов и городов, т.к. в некоторых из них вводилась смешанная избирательная система. Во-вторых, повысилась важность принадлежности глав и депутатов представительных органов местного самоуправления к той или иной партии, т.к. для выдвижения кандидатов на выборах главы субъекта Федерации необходимо собирать их подписи.

В Оренбургской области также были приняты изменения в соответствующие законодательные акты. Кандидат на должность губернатора Оренбургской области может быть выдвинут только политической партией. Число подписей депутатов представительных органов муниципальных образований и избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований, которые кандидат на должность губернатора собирает в свою поддержку, должно составлять 5% от общего числа указанных депутатов представительных органов муниципальных образований и глав муниципальных образований, действующих на день принятия решения о назначении выборов губернатора не менее, чем в трех четвертях муниципальных районов и городских округов, находящихся на территории Оренбургской области. Исходя из предварительных расчетов, что в области действуют 6680 депутатов представительных органов муниципальных образований и глав муниципальных образований, избранных на муниципальных выборах, количество подписей должно быть не менее 334 [2].

Таким образом, одной из целей Оренбургского регионального отделения партии «Единая Россия» является увеличение процента избираемости своих кандидатов, тем самым уменьшая процент избираемости кандидатов от других партий и самовыдвиженцев, чтобы максимально ограничить возможность выдвижения вероятных оппонентов на предстоящих в 2015 г. выборах губернатора Оренбургской области.

На основе вышеизложенных выводов о деятельности Оренбургского регионального отделения партии «Единая Россия» в части организации и технологического сопровождения избирательных кампаний по выборам органов местного самоуправления за период с 2010 по 2013 гг. и изменений, внесенных в избирательное законодательство, и в рамках подготовки к избирательным кампаниям по выборам органов местного самоуправления и выборам губернатора Оренбургской области в 2015 г. нами разработаны предложения по оптимизации процессов организации и технологического сопровождения избирательных кампаний, проводимых местными отделениями партии «Единая Россия» на выборах депутатов представительных органов местного самоуправления.

1. Провести анализ действующей в Оренбургской области системы местного самоуправления. В процессе анализа необходимо:

– уточнить количество муниципальных образований в Оренбургской области, в том числе муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений;

– составить карту-схему с указанием наименований муниципальных образований; количества городских и сельских поселений, входящих в состав данных муниципальных образований; наименований представи-

тельных органов муниципальных образований и избирательной системы, по которой они избираются; системы выборов глав муниципальных образований; количества депутатов представительных органов и глав муниципальных образований по каждой территории;

- изучить взаимоотношения внутри элит;
- исследовать электоральную ситуацию и конфигурацию расстановки основных политических сил;
- составить электоральные паспорта по каждой территории ответственности местных отделений партии «Единая Россия».

Данная информация будет необходима для составления наиболее полной базы данных с целью эффективного проведения подготовительного этапа избирательной кампании. Информация об электоральной ситуации и внутриэлитных взаимоотношениях позволит провести необходимые мероприятия по определению стратегии и тактики предстоящих избирательных кампаний.

2. Разработать учебную программу повышения квалификации партийных кадров местных отделений партии с целью их подготовки к избирательным кампаниям 2015 г. Провести цикл лекций и семинаров в рамках данной программы в течение 2014 г.

Как отмечалось ранее, при проведении избирательных кампаний по выборам органов местного самоуправления наибольшая нагрузка приходится на местные избирательные штабы. Многие назначенные в межвыборный период руководители местных исполнительных комитетов оказываются недостаточно компетентными в вопросах организации и технологического сопровождения избирательных кампаний. Также в течение межвыборного периода может быть изменено избирательное законодательство и партийные нормативные документы в части организации избирательных кампаний, поэтому необходима программа повышения квалификации для секретарей и руководителей исполнительных комитетов местных отделений партии.

3. Уточнить сведения о лидерах общественного мнения в каждом муниципальном образовании:

- провести анализ деятельности действующих депутатов представительных органов местного самоуправления;
- рассмотреть кандидатуры из кадрового резерва местных отделений партии для их возможного участия в процедуре предварительного внутрипартийного голосования и последующего выдвижения кандидатами;
- перед началом процедуры предварительного внутрипартийного голосования провести разъяснительную работу с жителями населенных пунктов, на территории которых состоятся выборы.

Одним из главных ресурсов избирательной кампании является кандидат, который должен обладать наличием первоначальной узнаваемости, возможностью формирования положительного образа и волей к победе на выборах. Чтобы найти таких кандидатов, местному избирательному штабу необходима информация о лидерах общественного мнения, деятельности действующих депутатов, о базе кадрового резерва местного отделения партии. Чем больше будет участников предварительного внутрипартийного голосования, тем выше эффективность их отбора и последующего избрания. Объективность результатов предварительного внутрипартийного голосования, которое, как правило, на выборах органов местного самоуправления проводится по модели № 1 или № 2, зависит от количества выборщиков. Соответственно, для их максимального вовлечения необходимо проводить разъяснительную работу среди населения выборных территорий о важности их участия в данной процедуре.

Механизм реализации предлагаемых мероприятий предлагается в виде политического проекта «Подготовка, организация и технологическое сопровождение избирательной кампании “Осень 2015”», который представляет собой программу реальных действий Оренбургского регионального отделения партии «Единая Россия» в период с января 2014 г. по сентябрь 2015 г., направленных на достижение победного результата на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований Оренбургской области – не менее 75% от количества распределяемых мандатов.

Предлагаемые мероприятия позволят аккумулировать все виды ресурсов для организации предстоящей избирательной кампании; обеспечить узнаваемость возможных кандидатов и расширение положительного образа партии в выборных территориях; обеспечить абсолютное выдвижение кандидатов от партии «Единая Россия» на все распределяемые мандаты; мобилизовать активистов партии с целью усиления партийной структуры местных отделений и создания местных избирательных штабов; осуществлять организационный контроль над действиями местных избирательных штабов и кандидатов; обеспечить организацию предвыборной и избирательной кампаний в соответствии с технологической картой и планом-графиком избирательной кампании «Осень–2015».

В итоге будут удовлетворены ожидания основных заинтересованных сторон: федерального, регионального и местного руководства партии «Единая Россия», а также интересы властей всех уровней в поддержании политической стабильности на вверенной им территории.

Библиографический список

1. Закон Оренбургской области от 05.11.2009 № 3209/719-IV-ОЗ (ред. от 13.03.2013) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Оренбургской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Оренбургской области от 21.10.2009, № 3209).
2. Закон Оренбургской области от 25.06.2012 № 883/250-V-ОЗ «О выборах Губернатора Оренбургской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Оренбургской области от 20.06.2012, № 883).
3. Избирательная комиссия Оренбургской области. Официальный сайт. URL: <http://ik56.ru/index.html> (дата обращения: 10.12.2013).
4. Конституция Российской Федерации. М., 2009.
5. Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. // Официальный сайт Президента России. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения: 06.12.2013).
6. Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // Парламентская газета. 2009. 13 ноября. № 60.
7. Управление Минюста России по Оренбургской области. Официальный сайт. URL: <http://to56.minjust.ru/node/3040> (дата обращения: 03.12.2013).
8. Устав Партии «Единая Россия», утвержденный на I Съезде 01.12.2001 (ред. от 05.10.2013) // Единая Россия. Официальный сайт партии. URL: <http://er.ru/party/rules/> (дата обращения: 06.12.2013).
9. Федеральный закон от 02.05.2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 25.04.2012) // Российская газета. 04.05.2012. № 5772.
10. Федеральный закон от 05.04.2009 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в статьи 25 и 26 Федерального закона «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 13.03.2009) // Российская газета. 08.04.2009. № 4884.
11. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 07.05.2009) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 16.09.2003) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
12. Федеральный закон от 11.04.1998 г. № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» (принят ГД ФС РФ 20.03.1998) // Российская газета. 15.04.1998. № 11.
13. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 19.07.2009) «О политических партиях» (принят ГД ФС РФ 21.06.2001) // Российская газета. 14.07.2001. № 133.
14. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 12.01.2010) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме

- граждан Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 22.05.2002) // Парламентская газета. 15.06.2002. № 110-111.
15. Федеральный закон от 14.02.2009 г. № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 28.01.2009) // Российская газета. 18.02.2009. № 4851.
 16. Федеральный закон от 20.03.2011 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статьи 35 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 11.03.2011) // Российская газета. 25.03.2011. № 5439.
 17. Федеральный закон от 26.11.1996 № 138-ФЗ (ред. от 22.06.1998) «Об обеспечении конституционных прав граждан избирать и быть избранным в органы местного самоуправления» (принят ГД ФС РФ 23.10.1996) // Российская газета. 04.12.1996. № 232.

К.Н. Курков

Дворянство как социально-политическая элита России в начале XX в. (политологический анализ)

Темой статьи является политологический анализ российского дворянского сословия, столетиями представлявшего отечественную элиту. Затрагивается также проблема реформирования сословия, прежде всего, в лице российских дворян-предпринимателей. Особо рассматривается дворянский менталитет как основа психологии элиты. Изучение истории российского дворянства, сохранявшего свои позиции до начала XX в. в качестве социально-политической элиты общества, имеет значительную ценность для преподавания теории политического элитизма в высшей школе.

Ключевые слова: социально-политическая элита, эволюция отечественной элиты, властвующая элита, военная элита, психология элиты.

Рассмотрение российского дворянства как социальной и, как следствие, политической элиты российского общества представляет ценность не только для исторической науки, но и для политологии, в частности, при исследовании истории и теории отечественных элит, в использовании ее содержания для критического осмысления исторического опыта, опосредованно приложимого к современной российской действительности. Серьезнейшее значение для политической элиты имеет ее психология, определяющая степень внутренней сплоченности и эффективности этого социального слоя, и в силу указанного обстоятельства в настоящей работе менталитету российского дворянства уделено особое внимание.

Актуальность темы подчеркивается мизерным количеством политологических исследований данного направления. В советском обществоведении понятие политической элиты считалось псевдонаучным и буржуазно-тенденциозным, т.к. марксизм рассматривает политику в качестве лишь надстройки над экономическим базисом, как концентрированное выражение экономики и классовых интересов. В фактическом запрете на самостоятельное исследование политических элит в странах социализма сыграло свою роль и нежелание правившей номенклатуры быть объектом научных исследований.

Практический интерес наша тема имеет при преподавании теории элит в высшей школе, т.к. позволяет наглядно продемонстрировать выявление связей между государственной моделью, типом развития общества и способом образования, функционирования и смены элит, отражения этих процессов в духовной жизни сословия и общества, последствия всех этих факторов для российского социума. Ведь наибольшая жизнеспособность общества зависит от эффективности мобилизации его интеллектуального потенциала, профессиональной ориентации и подготовки его элиты, практического использования ее возможностей и способностей.

Ответить на вопрос о причинах и механизмах смены элит в России можно, только рассмотрев тот исторический путь, который прошла отечественная элита. Для этого следует, прежде всего, дать определение элиты вообще и обозначить место российского дворянства в системе типологии элит, предлагаемой политической наукой.

В политологии определение «элита» в самой общей форме характеризует носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств и функций. Западные социология и политология оценивают политическую элиту неоднозначно – и как наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть; и как правящий социальный слой, обладающий организаторскими способностями к управлению другими людьми; и как избранное, наделенное особыми качествами

меньшинство; и как результат действия так называемого «закона олигархических тенденций» в обществе, связанных с созданием и развитием крупных организаций, могущих управляться только элитами [7, с. 74].

Таким образом, мы можем определить политическую элиту как немногочисленный по отношению к отдельным членам общества слой людей, занимающий руководящие посты в социальных институтах и в силу этого непосредственно или опосредованно оказывающий решающее воздействие на принятие и реализацию политических решений.

По степени близости к верховной власти и по положению в системе власти и управления элиты, как известно, делятся на:

– высшую, принимающую наиболее важные для государства решения, т.е. придворные круги, представители высшей бюрократии империи, «высшее общество»;

– среднюю, олицетворяющую власть в губерниях, областях и округах, а также непосредственно примыкающие к высшей элите служащие центральных органов государственной власти и управления;

– низшую, или административную, представленную чиновниками-управленцами и непосредственными исполнителями решений, принятых высшей элитой [11, с. 24].

От соотношения этих факторов зависит и социальная результативность элиты. Необходимым для ее нормального функционирования является оптимальное сочетание вертикальной и горизонтальной интеграции и эффективная система рекрутирования. Внутренняя сплоченность, ее усиление не должны происходить за счет социальной представительности, являющейся главным условием контроля общества за элитой. Сложившаяся же в России в начале XX в. ситуация позволяет утверждать, что самодержавно-бюрократическое государство, находившееся традиционно в руках верхушки дворянского сословия, было в наименьшей степени подконтрольно обществу, сохраняя в системе рекрутирования не просто сверхконсервативные, но порой архаические традиции и нормы; с другой стороны, преобразования Петра I ввели в этот механизм существенные элементы «антрепренерской» системы отбора, где, правда, функции контроля со стороны общества выполняло государство. Тем не менее, присутствовали определенная открытость отбора кадров и даже выдвижение на лидирующие позиции выходцев из нижних слоев общества, приоритетность индивидуальных талантов, способностей, зависимость от них успеха в продвижении по социальной лестнице, и некоторые другие характерные черты антрепренерской системы отбора.

Но элита, устанавливая и поддерживая тесные связи с остальным обществом, черпая из среды наиболее способных и талантливых его

представителей, не должна быть слишком аморфной, организационно рыхлой, неустойчивой. Российская элита начала XX в. уже не являлась социально и политически однородной. В рядах дворянского сословия пребывали и титулованные и именитые богатые помещики-аристократы, и министры, и генералы, и монархисты-крепостники, и, с другой стороны, обедневшие «люмпен-дворяне», неимущие младшие офицеры и чиновники, рабочие дворянского происхождения, лица «свободных» профессий, разделявшие нередко крайне левые убеждения, даже «профессиональные революционеры». Все эти факторы значительно снижали эффективность функционирования российского дворянства в качестве социально-политической элиты.

Как известно, организация элиты не должна обязательно представлять социальную структуру общества. (Хотя непропорциональность, неравномерность представительства разных слоев общества растет по мере повышения статуса должности, занимаемой членом элиты). Но более важной здесь является организационная принадлежность элиты (в данном случае – к дворянству), теснее связанная с ценностными ориентациями и возможностью контроля других членов организаций за членами элиты. В России практически отсутствовали такие механизмы, по крайней мере, до выхода Манифеста «о свободах», учреждения Государственной Думы и наделения ее рядом соответствующих полномочий, разрешения свободной деятельности политических партий.

Рассмотрим функционирование российской элиты кануна революции. Функции политической элиты, как известно, делятся на внутренние и внешние.

Внешние – это определение стратегических целей общественного развития; выработка внешней и внутренней политики, обеспечивающей достижение этих целей; создание и ввод в действие механизма реализации намеченного; контролирование выполнения поставленных задач.

Внутренние – налаживание горизонтальных связей; обеспечение эффективной работы того механизма, который элита возглавляет [26, р. 20]; в нашем случае – также играющая колоссальную роль в сословном обществе представительская функция, в которую входят «презентация общественного богатства» и личной храбрости, умение владеть оружием и руководить («повелевать») и т.п.

В начале XX в. российское дворянство недостаточно хорошо выполняло эти присущие элите функции. Уступая место у власти другим сословиям (особенно в период «министерской чехарды» 1914–1917 гг., когда позиции поместного дворянства на всех ключевых уровнях властной пирамиды оказались подорванными окончательно [7, с. 23]), оно

упускало как инициативу при определении государственной политики и контроль за исполнением намеченного, так и возможность создания собственной эффективной структуры, возобновление сословного единства на новых началах. Равным образом не могло высшее сословие доминировать в военном деле (для овладения усложнившейся техникой и вооружением уже не хватало традиционного «домашнего образования» и «рыцарских» правил ведения войны), и в «представительстве» (для которого не хватало средств, все более перетекавших в руки буржуазии). Потеряв связи с землей, сделав основным источником дохода жалование, получаемое на государственной службе, дворянство должно было мало чем отличаться от представителей других сословий, органично входя в государственную систему, соответствовавшую уже не традиционному, а индустриальному обществу.

Говоря об общественно-политической элите и ее классификации, нельзя не обратиться к понятию политического лидерства, неразрывно с ней связанного. В понятие лидерства, как известно, входят:

- 1) формально-должностной статус;
- 2) субъективная деятельность по выполнению формально-должностных действий [21, с. 91–107; 23, с. 92].

Лидерство присуще сложно организованным системам, основано на их потребности в самоорганизации для обеспечения их жизненной и функциональной способности. В таких системах лидер выступает в качестве иерархической верхушки управленческой пирамиды, создаваемой для распределения ролевых функций в обществе.

По мере роста потребности общества в организованных коллективных действиях, сформулированной и осознанной в виде коллективных целей, растут и авторитет и роль лидера. В крупных, прежде всего, государственных объединениях, требующих четкой функционально-ролевой дифференциации, особо обязательны формализация лидера, придание ему официального статуса (именно так, в связи с постоянной потребностью в организации национальной самообороны, возникло российское самодержавие с его сакрализацией главы государства).

Это конституирование, узаконение лидера отражено в понятии формального лидерства, в котором власть и влияние лидера основаны на его положении в социальной иерархии, выражается в объективном выполнении им своей роли, независимо от таланта, ума, душевного и физического состояния [21, с. 107–112].

Авторитет, на который опиралась как российская социально-политическая элита, так и возглавлявший ее лидер – «первый дворянин» – император, зиждился в основном на традиционном типе легитимности,

основанном на привычке подчинения, авторитете древних нравов и традиций, вере в божественное происхождение и сакральный характер власти; однако известно, что ни один из типов легитимности, выделяемых по способу получения власти и использования ее ресурсов, не существует в «чистом виде», но обычно состоит в сочетании одного из них с другими типами. Можно сказать о наличии в монархии Романовых, наряду с традиционной, харизматической, личностной легитимности, составляющим которой стал, прежде всего, культ Петра I [8], а также – в какой-то мере – Екатерины II и ее сотрудников. Присутствовал здесь и третий из основных – рациональный тип легитимности, опиравшийся на идеологию «просвещенного абсолютизма». Доминирующим при этом, конечно, являлся традиционализм, зафиксированный юридически в Основных Законах Российской империи¹.

Из этого следует, что определенной долей сакрализации наделялись не только личность монарха и сам институт монархии, но и различные проводимые им мероприятия и издаваемые законодательные акты. Легитимность власти частично относилась и к формируемой ею социально-политической элите. Это позволило публицистам-идеологам сословного общества в России прийти к утверждению о чуть ли не сакральном характере дворянского достоинства, передающемся едва ли не по наследству.

Однако, взяв на вооружение еще в начале XVIII в. идеологию «просвещенного абсолютизма», власть лишила себя во многом того священного ореола, который позволял ей при принятии любых решений апеллировать только к «воле Божией». Теперь перестроенный по западному образцу абсолютизм должен был постоянно оправдывать свое существование и всевластие «общественным благом». Вступив с этим «благом», понимаемым как безудержный рост потребления и сокрушение всех и всяческих устоев, в противоречие, монархия неизбежно терпела поражение, ведя к гибели и неразрывно связанную с ней сословную систему, опорой которой являлось российское дворянство [7].

Но это высшее сословие было настолько неоднородным, что в рассматриваемый период сам механизм рекрутирования в его состав закладывал основы для его распада. «Составляя определенную противоположность древнему поместному дворянству, служилое дворянство само было неоднородным по своему социальному составу. Пополнение губернского общества новым дворянством происходило неравномерно и, во многом, определялось законодательными изменениями. В конечном итоге

¹ «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» [17, с. 1].

это отражало процесс трансформации традиционного сословного общества в индустриальное (выделено мной. – А.К.)» [18, с. 94].

Одной из важнейших мер по подчинению и разделению дворянства верховной властью являлось присвоение различных почетных титулов наиболее отличившимся его представителям, поддержание постоянной перспективы получения таких титулов, и, в итоге, создание определенного искусственного неравенства в дворянской среде. Весьма значительным фактором, препятствовавшим превращению дворянства в корпоративную общность, была легковесность дворянских титулов. «Каким-то весом обладал единственно титул, приобретенный по службе, – то есть чин, – а он зависел не от происхождения, а от благосклонности правительства. Таким образом, классификация элиты не по социальному происхождению, а по социальной функции, бывшая важным элементом вотчинного строя, не только пережила Московское государство, но и приобрела при императорах еще большую роль» [15, с. 241].

Как известно, сложная кланово-родовая система наследования в Московской Руси даже не земельных владений или иного имущества, а государственных должностей, достаточно редкая для позднего Средневековья (XV–XVI вв.), уже будучи нарушенной петровскими реформами, тем не менее давала о себе знать не только в начале XX в., но и в советской номенклатурной системе. Постоянные же чины, звания и титулы, возникающие в обществе с развитой социальной структурой, привились в русском обществе чрезвычайно поздно. Особенностью большинства из них является то, что первоначально они означали не звания и титулы, а реальные должности, и только в дальнейшем оторвались от них. Так, например, титул князя, когда-то обозначавший племенного вождя, а затем реального главу княжества, стал почетным титулом, указывающим на происхождение.

Поэтому некоторые изменения в законодательстве о дворянстве с точки зрения правительственной сословной политики в пореформенный период не являлись чем-то принципиально новым. При декларированной привилегированности дворян в Российской империи в условиях реального изменения экономического, а значит, и социального устройства общества, «благородное сословие» реально уже мало чем отличалось от прочих царских подданных. В этом смысле правовое поле для его адаптации несомненно имелось – так же, как и для других граждан империи. Но сравнительно мелкие ограничения для получения прав дворянства, прежде всего потомственного дворянства, в обстановке бурного развития капиталистических отношений уже не играли той роли, которая отличает статусные привилегии в социуме с традиционным укладом. Поэтому для успешного

действия адаптационных механизмов такая половинчатость отечественных законодателей, в общем никак не влиявшая (или очень слабо воздействовавшая) на положение дел, являлась даже положительной.

Подлинный смысл изменений в законодательстве, независимо от намерений и побуждений их инициаторов, состоял в сохранении «служилой» прослойки, необходимой для удовлетворения потребности государства в офицерах, чиновниках, дипломатах, придворных и пр. Не имея достаточных материальных ресурсов для их поддержания и поощрения, не будучи в силах конкурировать в этом отношении с частными предпринимателями, самодержавие компенсировало скудость казенного жалования предоставлением привилегий и отличий, к началу XX в. все более превращавшихся в фикцию. Ряд внешних преимуществ, сохранявшихся за дворянством в тот период, был, скорее всего, лишь данью традиции (подобное положение вещей, характерное на протяжении многих столетий, например, для Великобритании, не мешало последней оставаться великой европейской державой. Огромная роль, которую там буквально до последних лет играли титулованные землевладельцы, способствовала поддержанию стабильности и порядка на Британских островах).

С другой стороны, проблема юридического положения дворянства в начале XX в. была в том, что имевшееся правовое поле не создавало условий в адаптации именно высшему сословию, не предоставляя ему для этого серьезных преимуществ. Поддерживая в дворянах сознание некой исключительности, «особности», искусственно завышая их реальную значимость в тогдашнем российском обществе, правительство бессознательно мешало дворянству трезво оценить обстановку, не оказывало ему реальной помощи для успешного приспособления к рыночным отношениям.

Известно, что теоретики элитизма выделяют «правящую» и «неправящую» элиту, или «контрэлиту». Уже действующая элита стремится закрепить свои позиции, усилить внутриэлитные кланы, в которых на первый план выступает принцип лояльности, преданности существующему строю.

Одновременно, согласно В. Парето, складывается контрэлита – оппозиционная по отношению к правящей политической элите часть социальной элиты, бюрократии, социальная группа, которая борется за право на вхождение в элиту или создание новой, субъект политики, который, действуя достаточно организованно, стремится получить власть в свои руки либо передать ее другой политической силе [14, с. 286–297; 16].

Контрэлита представляет собой социальный тип, по всем параметрам способный выполнять в обществе функции элиты, но заведомо лишаемый

такой возможности в силу созданных политической элитой социально-политических или (реже) экономических ограничений. Мировоззрению, ментальности, идеологии правящей элиты контрэлиты стремится противопоставить свои менталитет, мировоззрение и идеологию, на базе которой можно будет сплотиться на следующем этапе борьбы за власть и влияние в обществе (например, либерально-буржуазные системы взглядов против феодально-сословных ценностных систем).

Такой контрэлитой и становились обуржуазивающиеся представители российского дворянства. Ситуация складывалась трагическая: «призванные» в силу своих благоприобретенных качеств и социальной природы быть «элитой», дворяне-предприниматели невольно включались в состав буржуазии, т.е. становились частью «контрэлиты», противостоящей их собратьям по сословию. Лишалось своей социальной опоры и самодержавие: привыкнув видеть в представителях дворянского сословия опору, *базу* для рекрутирования элиты, оно в итоге вынужденно сужало *эту базу* до минимума.

Именно дворяне-предприниматели, те, кто более или менее удачно адаптировались к новым условиям, не получали специальной юридической поддержки российской власти. Инициаторы якобы «продворянских» законопроектов заботились лишь о сохранении прежнего, уже неактуального правового статуса когда-то высшего сословия. Не случайно большинство дворян, в том числе землевладельцев, остались практически безучастными и к «охранительным» мерам власти, и к постепенной утрате сословных привилегий, и, в конечном счете – к падению самой власти, пытавшейся гарантировать незыблемость старого уклада. Им не нужна была законодательная «защита» от свободного рынка; тем более без всякого энтузиазма они воспринимали законодательные ограничения своих прав на разделы, залоги или продажу своей земельной собственности. Можно полностью согласиться с С. Беккером, констатировавшим, что «задолго до того, как революция 1917 г. отменила их анахроничный статус первого сословия России, большинство дворян научилось жить, а иные – и процветать в мире, где наследственные привилегии были заменены равенством перед законом» [2, с. 309].

Исключительное значение в процессе эволюционирования дворянской сословной элиты к положению одной из страт буржуазного общества приобрели медленные, но постоянные изменения ее менталитета, мировоззренческих установок, потребность в психологическом приспособлении к меняющейся действительности.

Важнейшей составляющей российской дворянской ментальности некогда был декларируемый патриотизм, понимаемый как верность го-

сударству. Даже в тех случаях, когда сословные и государственные интересы не совпадали или противоречили друг другу, выбор делался в пользу последних, понимавшихся не как интересы «национальные», но отождествлявшиеся с потребностями самодержавно-бюрократического режима. Обратной стороной такого отношения к государству и олицетворявшему его самодержцу была относительная внутривластная и социальная пассивность, превращение российской элиты в холопов самодержавия. История России, по словам П.Н. Милюкова, не благоприятствовала образованию «крепко-сплоченных сословий... и в нашем дворянстве не создалось чувства сословного единства» [12]. При отсутствии этого корпоративного духа не могли бы долго и прочно существовать и дворянские привилегии.

Заметные перемены в этом направлении начались с вестернизацией общества и правящего слоя. Исчезает старая система чинов, на смену ей приходит «Табель о рангах», утверждение, что «в службе – честь», что «шляхетство ради службы благородно и от подлости отлично». С другой стороны, шаги верховной власти по отмене обязательности службы для дворян и расширение прав помещиков в отношении крепостных создали ту необходимую степень личной свободы и корпоративного духа, которые могли бы стать основой для появления массового дворянского «рыцарского» самосознания, духа независимости на западный манер. «Различия в чинах и должностях... в богатстве не мешают дворянству быть единым сословием, осознавать свою „особность“... главенствующее положение в государстве. Верховная власть поддерживала в нем эту уверенность... гордость и достоинство» [4, с. 36]. Становление дворянского самосознания способствовало его внутренней сплоченности и укреплению «благородного» сословия как *властной элиты*, характеризующейся низкой социальной представительностью, олицетворявшей относительно небольшую часть общества, и высокой групповой интеграцией.

С другой стороны, самодержавие сознательно поддерживало разобщенность внутри им же самим созданной дворянской корпоративной организации. Веками воспитывалась и национальная терпимость, укреплявшая политическую монолитность дворянства. Разнородное по национально-племенному составу и происхождению, сословие всегда выступало на стороне самодержавия как единая, сплоченная, дисциплинированная сила.

Параллельно закладываются основы дворянской внутрисословной этики, изложенные в огромном количестве справочников и сборников поучений, наставлений, рекомендаций. Сословно-корпоративный дух пронизывает первый российский свод правил поведения – «Юности

честное зеркало» [24]. Несмотря на то, что в указанной книге «дворянство» («шляхетство») почти не упоминается, вся направленность ее свидетельствует об адресовании правил хорошего тона и общежития именно и прежде всего дворянству, его молодому поколению, в целях его «улучшения» и обособления от «подлого» народа.

Еще одним элементом дворянской психологии было чинопочитание, выразившееся в трансформации чувства личного достоинства в «достоинство положения» в обществе. Отождествление своего достоинства с первенством в чинах и наградах приводило к гипертрофированному восприятию таких внешних отличий, как титулование, мундир, ордена и другие видимые атрибуты власти, преобладания над низестоящими, оценки данной личности самодержавной властью. Однако само получение дворянства по выслуге, как только это явление приобрело массовый характер, стало оцениваться в обществе как «второсортное», а личное дворянство даже не считалось «настоящим». Например, исследователь ярославского дворянства сделал «интересные наблюдения о новом [выслуженном] дворянстве», свидетельствовавшие «о недостаточной его интеграции в среду высшего сословия. По своим социокультурным характеристикам новое дворянство не соответствовало представлениям древнего помещного дворянства о высшем сословии» [18, с. 93]. Следовательно, способ рекрутирования в российскую элиту в начале XX в. имел тенденцию даже к усилению «гильдийности» при ротации ее состава.

На протяжении столетий огромное влияние на складывание, формирование и существование дворянского мировоззрения оказывала военная служба, бывшая (по крайней мере, считавшаяся) одновременно главной обязанностью и привилегией дворянства. Одной из важнейших причин, вызвавших падение дворянской монополии на военное дело, были изменения морально-этического порядка, повлекшие за собой весьма серьезные последствия. «С обнаружившейся несостоятельностью военной элиты перед лицом “военной тревоги”... обозначилась явственная тенденция не только к формированию “новой военной элиты”, но такой, чьи социокультурные привычки, устремленность и ментальная ориентация парадигматически определялась уже не старинными, “священными” дворянско-аристократическими, а потому преимущественно гуманитарными традициями, а техникой... Военное дело спускалось с высот “одухотворенного свыше” военного искусства до прозы обычного ремесла и умелого, профессионального обслуживания боевой техники» [13, с. 542]. Конечно, противостоять натиску разночинной прослойки «военных механиков» дворяне-офицеры не могли. Тем не менее служба, как и занятие сельским хозяйством (разумеется, в качестве помещика), считавшиеся

едва ли не единственными достойными дворянина источниками дохода, до конца существования сословия играли решающую роль в формировании психологии этой части российской социально-политической элиты.

В России, как, может быть, нигде в мире, сохранялись элементы достаточно архаической структурированности, выражавшиеся, в частности, в социально привилегированном положении аристократии, становление внесословного интеллектуализма – одного из атрибутов буржуазного развития – протекало достаточно тяжело. Весьма условным приходится признать поэтому термин «дворянская интеллигенция». *Реальная* социокультурная принадлежность к дворянству как сословию профессиональных командиров-военных и руководителей-управленцев существенно затрудняла для дворян «интеллигентность» как род занятий и образ мыслей; принадлежность к интеллигенции фактически (на ментальном уровне) исторгала дворянина из дворянской среды; именно развертывание процесса формирования «разночинной» интеллигенции как слоя внесословных интеллектуалов стало причиной гибели и дворянства в том числе, т.к. сословное устройство общества препятствовало развитию этой «интеллектуальной элиты».

Уже в эпоху наполеоновских войн, когда в Европе интеллектуальная элита приходит на смену сословной, российское дворянство все более ощущает потребность в европейской образованности. Одновременно происходит знакомство с идеями европейского либерализма, неразрывно с ней связанными. На смену культу социальной иерархии, культу царя постепенно приходит культ «свободной личности», идущей навстречу своей судьбе, самостоятельно творящей ее (в качестве такой личности воспринимался прежде всего Бонапарт).

Однако к началу XX в. верхушка общества, как и прежде, достаточно далека от интеллектуальной сферы, как и вообще от живого литературного процесса, изолирована от реальной духовной жизни России. Блестящие примеры тому – творчество К.Р. (вел. кн. Константина Константиновича) и кн. В.П. Палея (незаконного «сына» вел. кн. Павла Александровича). «Нереальность мира, грезы, любовь по правилам... Стихи, как отдых для души, как легкое занятие после завтрака или в предвкушении ужина – все это бросается в глаза в творчестве обоих поэтов» [1, с. 13], как и всех их собратьев по сословию, не захотевших или не успевших «перейти в иное социальное качество». Юнкера Николаевского училища, из стен которого «в свое время вышел корнетом знаменитый поэт Лермонтов... никогда не говорили “поэт Лермонтов”. В училище принято было говорить “корнет Лермонтов”, ибо для юнкерского уха “корнет”, конечно, звучал лучше и значительнее, нежели “поэт”... В самом деле,

в училище шли не для того, чтобы учиться сочинять стихи. Туда шли, чтобы стать лихими кавалеристами-рубаками» [19, с. 82].

Но если ранее занятия такого рода считались совершенно недостойным дворянина «ремесленничеством», отдававшимся на откуп «беспородным» профессионалам, то теперь подобное творчество становится все менее предосудительным в глазах «света». Императрица Александра Феодоровна лично занимается, как бы мы сейчас сказали, дизайном императорских дворцов и даже царской мантии; барон Н.Н. Врангель становится крупнейшим ученым-искусствоведом, князь П.П. Трубецкой – всемирно известным скульптором.

Официальная сословность общества – несомненная преграда для оформления и развития внесословной интеллектуальной элиты. Однако и образованная часть общества отделялась от народа своим образованием, недоступным последнему. Многое здесь изменилось уже в период «великих» реформ, резко поднявших престиж знаний, образования, квалификации.

Русское общество полвека после отмены крепостного права постепенно, но неуклонно шло по пути нивелирования, уравнивания сословий, и это пугало русское дворянство, порождало в нем пессимистические настроения. Отмена крепостного права и введение запутанной системы выкупных платежей, подорвавшие материальные основы существования дворянства, поставили дворян в сложное, двусмысленное, неопределенное положение, породили у некоторых из них даже некий «комплекс вины» перед крестьянами. Складывается мнение о народе как о стихийном носителе высших истин («народ-богоносец»), для выражения которых «европейское образование» и не обязательно. Таким образом, общественное сознание, не требуя образованности, «должного» интеллектуального уровня от дворянства, не предлагает ему и соответствующей альтернативы. Да и сама эта традиционная «домашняя образованность» дворянства, высшей аристократии, царской фамилии носила в контексте адаптации крайне ограниченный характер, была малопригодна для использования в индустриальном обществе.

В рассматриваемый период происходили огромные сдвиги и в сфере образования, и в сфере отношения к образованности. Уже к 1897 г. «на фоне низкой общей грамотности всего русского населения наблюдались настолько существенные сословные различия, что грамотность являлась одной из важных характеристик привилегированных и полупривилегированных сословий. Самый высокий и почти одинаковый процент грамотных показывали духовенство и дворянство: 72,3 и 71,1%... В городах процент умеющих читать или читать и писать среди данных сословий был несколько выше: у духовенства он равнялся 85,4, у дво-

рянства – 83,1%. Дворяне имели наибольший процент лиц, учившихся в университетах и других высших учебных заведениях (5,3%) и в средних специальных учебных заведениях (1,5%)... Сравнительно высокий общеобразовательный уровень дворянства и духовенства позволял этим сословиям осуществлять управленческие, духовные и культурные функции в государстве» [5, с. 246, 250].

Дворянство также пытается занять прочные позиции в области образования и культуры. Однако в начале нового столетия здесь встречались определенные трудности – чем дальше, тем больше. Большую роль здесь сыграла русская литература. Навязанный аристократии «комплекс вины» перед народом заставляет ее представителей чуть ли не в массовом порядке участвовать в революционном движении, подрывая устои собственного благосостояния. Идеализация «простых тружеников», сочувствие «униженным и оскорбленным», наконец, громогласное и многословное нескончаемое обсуждение планов разнообразных реформ и нововведений, призванных «улучшить жизнь» и вообще «что-то сделать», свидетельствуют о крайней моральной неуверенности элиты, показывает ее слабость. Утрата веры в себя и свою избранность, в свое призвание к делам государственным, в божественное право стоять над народом и управлять им лишает аристократию, правящие круги права на само существование. Признание своего долга перед низшими сословиями стало в морально-этическом плане самоубийственным для «сословия избранных», подорвало устои сословной идеологии, утверждавшей право на исключительность для «благородных».

Позиции дворянства подрывала также фактическая общедоступность среднего и высшего образования, постепенное снятие одного из формальных требований, предъявляемых к претендентам на продвижение в верхние социальные слои в виде искусственно создаваемых препятствий, характерных для гильдийной системы рекрутирования элиты. Ответ на перемены в обществе с его стороны неизбежно должен был стать консервативным. Резкая радикализация настроений студенчества в российских вузах привела к возникновению в феврале 1914 г. проекта создания «дворянской высшей школы», имевшей своей целью оградить дворянскую молодежь от «революционной заразы» [3, л. 10–12]. Подготовленная для доклада на X съезде уполномоченных на этот предмет записка уполномоченного тамбовского дворянства А.К. Болдарева, составленная в феврале 1914 г. в имении Воронцовка, вызвала сочувствие в Совете Объединенных дворянских обществ.

К началу XX в. общественно-политическое положение дворянства как элиты в России характеризовалось следующими признаками.

1. Гильдийная система формирования элиты, т.к. в ней:
 - отбор претендентов осуществляется из лиц, преданных политическому строю, придерживающихся требуемых традиций, норм поведения и официальной идеологии, а продвижение вверх по служебной лестнице происходит медленно, постепенно, из нижестоящих слоев самой элиты, отличающейся замкнутостью и труднодоступностью;
 - для продвижения из нижних слоев в верхние существует масса искусственно создаваемых препятствий в виде предъявляемых к претенденту формальных требований;
 - круг осуществляющих отбор в элиту лиц очень ограничен и немногочислен, кадровые вопросы решаются келейно;
 - имеется устойчивое стремление к воспроизводству себе подобных, одинаковых, похожих друг на друга своими деловыми качествами, мировоззрением, установками, членов элиты.
 2. Закрытый тип элиты, присущий странам с авторитарными режимами и соответствующим гильдийной системе формирования.
 3. Наследственная по источнику влияния на политику, т.к. члены высшего сословия не только имели заведомое преимущество перед остальными сословиями во всем, что относилось к власти, но и распространяли это преимущество на родственников и потомков.
 4. Правящая по отношению к власти, ибо почти все причастные к власти в начале XX в. нередко принадлежали не просто к дворянству, но к знатнейшим аристократическим фамилиям, а главное, именно они, наряду с профессиональной бюрократией (члены которой также имели права потомственного дворянства), оказывали определяющее воздействие на политику правительства.
 5. Властная по степени развитости и соотношения вертикальных и горизонтальных связей, т.е. элита с низкой социальной представительностью (слабой вертикальной связью с массами) и высокой групповой сплоченностью (сильная горизонтальная связь); в начале XX в. дворянство обладало уже признаками дезинтегрированной элиты – низкой представительностью и низкой сплоченностью.
- Интегрирование представителей дворянства в системе монополистического капитализма отражало генеральный процесс формирования единой страты индустриального общества – буржуазно-помещичьего класса. «Перерождение “благородного сословия” в новых условиях диктовалось не субъективными “желаниями” или всего дворянства, или отдельных его групп, а жестокой необходимостью, потребностью выжить в эпоху господства всемогущего капитала. Мир прибылей привлекал дворянство возможностью сохранить свое место наверху, извлекая такие доходы,

которые в иных областях деятельности и другими путями получить было практически нельзя» [20, с. 44]. Подобная эволюция приводила к тому, что в числе лидеров монополистической буржуазии оказывались крупные помещики и потомственные дворяне.

Мы можем сделать следующее заключение. Социальный состав российского дворянства, источники и способы его пополнения в рассматриваемый период, несмотря на такие внешние признаки сословия, как кажущаяся замкнутость, кастовость, плохая мобильность и слабые связи с обществом, некий имидж «приподнятости» над остальным населением империи, – на самом деле не являлись уже определяющими. Российское дворянство было по своему составу более демократичным, чем многие современные ему элиты. Сохраняя многие, достаточно незначительные формальные привилегии (право на ношение особой униформы, родовые титулы, гербы), а также ряд фактических, исторически обусловленных преимуществ (например, позиции в различных сферах государственной службы), оно было подготовлено к грядущим переменам событиями предшествующего исторического периода.

Исторический урок, который заключается в опыте исследования жизнедеятельности российского дворянства как социально-политической элиты, его значение для других общественных наук, прежде всего политологии, состоит в том, что социальный облик и содержание элиты и ее лидеров должны соответствовать как требованиям внешнеполитической обстановки, так и сложившейся в обществе ситуации, тем переменам, которые происходят как внутри социальных страт, так и между ними. Социальные позиции, занимаемые дворянством в начале XX в., еще позволяли ему приспособиться к новым условиям в качестве одного из верхних слоев формировавшегося индустриального общества, но к 1917 г. высшее сословие уже начало утрачивать как материальную, так и социальную опору, а также морально-идеологическое обоснование своего существования.

Библиографический список

1. Барановский А. Князь Владимир Палей. Биография. Стихи. Б. м., 1997.
2. Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Пер. с англ. Б. Пинскера. М., 2004.
3. Болдарев А.К. Записка уполномоченного тамбовского дворянства А.К. Болдарева, февраль 1914 г. // ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 434 (Постоянный совет Объединенных дворянских обществ). Оп. 1. Д. 188.
4. Буганов В.И. Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29–41.

5. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.
6. Каленский В.Г. Политическая наука в США. М., 1969.
7. Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 3–46.
8. Курков К.Н. О преподавании истории социально-политических элит в высшей школе (на примере российского дворянства) // Материалы Международной научной конференции МСХА (декабрь 2001 г.): Сб. научных тр. Вып. 8. М., 2002. С. 163–168.
9. Курков К.Н. Предпринимательство и меценатство: графы Строновы времен модернизации России начала XX в. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2011. № № 4. С. 36–43.
10. Курков К.Н. Российские дворяне – коллекционеры, меценаты и предприниматели в эпоху модернизации XX в.: князя Барятинские // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2014. № 1. С. 18–30.
11. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
12. Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1909.
13. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности). Орел, 2000.
14. Осипова Е.В. Социологическая система Вильфредо Парето // История буржуазной социологии XIX – начала XX века / Под ред. И.С. Кона. М., 1979. С. 309–331.
15. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
16. Политический энциклопедический словарь / Под ред. Ю.С. Шемшученка, В.Д. Бабкина, В.П. Горбатенка. Киев, 2004.
17. Свод Законов Российской империи. Кн. I. Т. I. Ч. 1. Свод Основных Государственных Законов. Раздел I. Гл. I. Ст. 4. СПб., 1912.
18. Смирнов Р.А. К вопросу о социальной идентификации в Ярославской губернии: новое дворянство в конце XIX – начале XX в. // Народ, политика, власть в истории России: Межвузовский сб. научных тр. Вып. 2 / Под ред. Г.Н. Кочешкова. Ярославль, 2005. С. 91–94.
19. Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары / Сост., вступ. ст., примеч. и коммент. В.П. Польшковской. М., 1991.
20. Фурсенко А.А. Русский Вандербильт (К.И. Ярошинский) // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 43–47.
21. Херманн М.Г. Составные части лидерства // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов / Пер. с англ. М., 1992. С. 91–107.
22. Шаран П. Сравнительная политология / Пер. с англ. Ч. 2. М., 1992.
23. Шаран П. Элитизм // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов / Пер. с англ. М., 1992. С. 107–112.
24. Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению. Собрание от разных авторов. СПб., 1717.
25. Blondel J. Political leadership. Towards a General Analysis. L., 1987.
26. Charan P. Theory of Comparative Politics. New Delhi, 1984.
27. Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. NY, 1963.

С.В. Белоусов

Пензенская губерния первой четверти XIX в. в мемуарах сержанта наполеоновской армии Людвига Флека

В статье рассматриваются особенности восприятия провинциальной жизни в российской провинции военнопленным сержантом наполеоновской армии Людвигом Флеком. Текст содержит перевод отрывка его воспоминаний, посвященный пребыванию в Пензенской губернии.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Пензенская губерния, военнопленные армии Наполеона.

Важным фактором провинциальной жизни в «эпоху Отечественной войны 1812 года» стало размещение на жительство в различных губерниях Российской империи военнопленных армии Наполеона. Одним из центров их пребывания в Поволжье была и Пензенская губерния [1; 6]. Первые партии военнопленных появились на ее территории уже в сентябре 1812 г. Они следовали транзитом по трактам из Нижнего Новгорода в Саратовскую губернию и из Тамбова в Вятскую губернию, которые были определены для размещения военнопленных на основании циркулярного предписания из Особой канцелярии министра полиции от 29 августа 1812 г. [16, л. 4–4об.]. С июля 1813 по январь 1814 гг. в Пензенскую губернию уже «для жительства» прибыли 6 партий пленных, которые насчитывали в общей сложности 648 человек. Среди прибывших было 14 штаб-, 169 обер-офицеров и приравненных к ним военных чиновников, 451 «нижний чин». Кроме того, с пленными находились 12 женщин (солдатские жены) и 2 ребенка (солдатские дети). Военнопленные размещались не только в Пензе, но и в уездных городах: Городище, Керенске, Краснослободске, Мокшане, Саранске и Чембаре [1].

Три немецких офицера (обер-лейтенанты вюртембергской службы Х.-Л. Йелин и Ф.Ю. Зоден и баварский обер-лейтенант Ф. фон Фуртенбах), определенные на временное жительство в Пензенскую губернию, после своего возвращения на родину оставили воспоминания, в которых подробно описали свое пребывание в плену [4; 5; 9]. Их мемуары являются бесценным источником по истории Пензенской губернии первой четверти XIX в. Они позволяют не только определить особенности пребывания и содержания военнопленных армии Наполеона, но и рассмотреть их взаимоотношения с различными категориями провинциального населения, а также раскрыть многие аспекты социально-экономического, политического и культурного развития региона, охарактеризовать обычаи и нравы местных жителей.

Другие мемуаристы лишь проходили через Пензенскую губернию, находясь на ее территории в лучшем случае всего несколько дней. И тем не менее от этого их воспоминания не становятся менее значимыми. Одним из таких мемуаристов был сержант вестфальского егерско-карабинерного батальона Людвиг Флек.

В 1812 г. Флек (1788–1858) являлся сержантом вестфальского егерско-карабинерного батальона, причисленного к гвардии королевства Вестфалия. Он принимал участие в Бородинском сражении [7, с. 69–70]. 27 ноября 1812 г. Флек был пленен казаками на Березине. В плену он повстречался с М.И. Кутузовым, о чем написал в своих воспоминаниях [8, с. 33–35]. Партия военнопленных, в которой находился Флек, через Орел, Воронеж и Тамбов была направлена на жительство в Саратовскую губернию. В декабре 1813 г. при возвращении домой он прибыл в Пензу, откуда уехал 27 декабря 1813 г. / 8 января 1814 г. вместе с военнопленными государств Рейнского союза [4, с. 35–36; 5, с. 27].

Флек посвятил своему пребыванию в Пензенской губернии лишь две страницы. Несмотря на это, в его воспоминаниях присутствуют интересные экскурсы об иностранцах, которые в «эпоху 1812 года» проживали в Пензе, и их отношении к военнопленным. В частности, Флек отмечал, что в городе проживали немецкий портной Альсдорф и сапожник Крахт. Они много помогали пленным немцам, и именно им немецкие офицеры были обязаны своим сносным положением. Так, Альсдорф предложил Флеку питаться у него в доме и помог ему с одеждой. Крахт же снабдил его дешевой и прочной обувью. Оба немца устраивали для военнопленных различных германских государств небольшие торжества и санные прогулки. Вместе с тем, как пишет Флек, проживавшие в Пензе оружейник и аптекарь, оба немецкого происхождения, соотечественников не поддерживали.

Флек также упоминает и получившего большую известность в XIX в. в Германии «портного из Пензы», который благодаря своим благодеяниям по отношению к пленным немецким офицерам был награжден герцогом Баденским. Однако он ошибочно полагал, что помощь военнопленным оказывал портной Альсдорф. Вместе с тем, все другие источники, в т.ч. и свидетельства мемуаристов, называют другое имя пензенского портного, оказывавшего всевозможные услуги пленным немецким офицерам, своим бывшим соотечественникам. Это уроженец г. Бреттен в Бадене Франц-Антон Эгетмайер [3, с. 96–99]. Флек также ошибочно считал, что «портной из Пензы» за свои благодеяния был награжден российским императором Александром I, который удостоил его орденом за заслуги, возвел в дворянское состояние и подарил поместье с 500 крепостными, а не герцог Баденский, как это было на самом деле.

Следует отметить, что мемуары Флека грешат многими хронологическими неточностями. Так, он пишет, что в конце декабря 1813 г. все немецкие военнопленные в Пензе с нетерпением ожидали приказа об освобождении и отправке на родину, а датой отъезда из города называл «середину февраля 1814 года» [19, s. 62–63]. Однако известно, что циркулярные предписания Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова от 17 октября 1813 г. об освобождении баварцев, от 11 ноября 1813 г. об освобождении вюртембергцев и от 28 ноября 1813 г. об освобождении военнопленных государств Рейнского союза, в т.ч. вестфальцев, баденцев и бергцев, были получены в Пензе соответственно 6 и 25 ноября и 9 декабря 1813 г. [2, с. 209–210, 211–212, 214; 10, л. 4; 11, л. 9–10 об.; 12, л. 7–8 об.; 13, л. 11–13 об.; 14, л. 2–3; 15, л. 1; 17, л. 1; 18, л. 28]. Уже в середине декабря 1813 г. все военнопленные различных немецких государств были собраны в Пензе. Очевидно, именно в это время к ним присоединился и Флек, проживавший до этого в Саратове. Партия же немецких военнопленных, состоявшая из 97 человек (4 штаб-, 55 обер-офицеров и 38 «нижних чинов»), отправилась на родину 27 декабря 1813 г. / 8 января 1814 г. [2, с. 216–217; 4, с. 35–36; 5, с. 27].

Ниже публикуется небольшой отрывок из мемуаров Флека, который отражает его пребывание в Пензенской губернии.

В конце декабря 1813 г., в сильную стужу, мы, наконец, достигли Пензы, и нашли тут немецких офицеров из вестфальских, баварских, вюртембергских, саксонских и баденских полков. Они встретили нас отрядным известием, что каждый день из Петербурга ждут приказа о нашем освобождении и отправке. Я присоединился к этим офицерам и

поселился вместе с капитаном фон Альтеном (von Alten) в центре города, в довольно уютной комнатке в доме землемера.

От него [фон Альтена. – С.Б.] я узнал, что в Пензе живет немецкий портной (Schneider) по имени Альсдорф (Ahlendorf), который особенно отличался своим милосердием по отношению к пленным. Он любезно позволял офицерам бесплатно изготавливать новую одежду. Наряду с ним, особенно заботился о пленных немецкий сапожник (Schuhmacher) Крахт (Kracht), несмотря на свое скудное имущественное положение. Этим честным людям офицеры были обязаны своему сносному положению. Одна немецкая акушерка каждый день кормила несколько пленных. Правда, два других немца, оружейник и аптекарь, ничуть не заботились о своих пленных соотечественниках.

Так как портной Альсдорф был одновременно владельцем лучшей гостиницы, то вскоре я посетил его. Честный портной был безмерно рад вновь оказать помощь соотечественнику. Он подкрепил меня едой и напитками и предложил, если мне понравилось, питаться у него. Мой гардероб также не понравился ему. Он заставил своих людей починить и обновить мою одежду. Меня также пригласил в свой дом Крахт и доставил мне за умеренную плату хорошую обувь.

Оба хороших человека прилагали все усилия, чтобы наше пребывание в Пензе сделать приятным. Они устраивали небольшие торжества, и мы пили с ними за благополучие родной Германии. Они совершали с нами по окрестностям санные прогулки, всегда знали самые свежие новости о победах союзников, об отступлении Наполеона, о возможности близкого мира и ликовали с нами, что приближается время нашего освобождения. Оно наступило в первые дни февраля [1814 г.], и нас известили об этом через губернатора князя [Г.С.] Голицына. По указу императора каждый пленный офицер в качестве дара получал 100 рублей, а каждый унтер-офицер и солдат – хорошую зимнюю одежду. Офицерам также полагалась повозка.

К середине февраля все были готовы к поездке. Каждые два офицера приобрели сани. Мы запаслись на несколько дней съестными припасами. Все приближало любимую Родину. Альсдорф и Крахт не пожелали с нами расстаться и составили нашу охрану. Как охотно мы оставили бы при себе этих добрых людей! Однако когда мы удалились от Пензы на 30 немецких миль, они, наконец, решили возвратиться.

Честный портной позднее за свои благодеяния, которые он нам сделал, был с избытком вознагражден. По инициативе баденских офицеров император Александр наградил его орденом за заслуги, возвысил в дворянское состояние и подарил ему поместье с 500 крепостными. Так

может быть! Если кто-нибудь и заслужил такое отличие, так это «портной из Пензы в Азии»¹.

Библиографический список

1. Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии // «Моя малая Родина». Материалы Международной научно-практической конференции. Пенза, 2005. Вып. 2. С. 201–215.
2. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза, 2012.
3. Белоусов С. Портной из Пензы Эгетмайер: мифы и реальность // Родина. 2013. № 11. С. 96–99.
4. Зоден Ф.Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / Подгот. публ., предисл., пер. и коммент. С.В. Белоусова. Пенза, 2006.
5. Йелин Х.-Л. Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера / Подгот. публ., предисл., пер. и коммент. С.В. Белоусова. Пенза, 2009.
6. Миловидов Б.П., Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.). М., 2006. С. 261–288.
7. Попов А.И. Действия вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 1995. С. 64–73.
8. Попов А.И. Невероятное избавление // Вестник военно-исторических исследований: Международный сб. научных тр. Пенза, 2010. Вып. 2. С. 31–36.
9. Фуртенбах, фон Ф. Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812–1813 гг. / Подгот. публ., предисл. и коммент. С.В. Белоусова и С.Н. Хомченко; Пер. с нем. А.А. Кузнецова. Пенза, 2008.
10. Маршрут для отправления пленных баварцев из Пензенской губернии в г. Радзивиллов // Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5 (Канцелярия пензенского губернатора). Оп. 1. Д. 460.
11. Ордер городищенскому городничему надворному советнику Путятю 10 ноября 1813 г. об отправлении в Пензу военнопленных баварцев, находившихся в Городище // ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460.
12. Ордер саранскому полицмейстеру надворному советнику и кавалеру Евсюкову 10 ноября 1813 г. об отправлении в Пензу военнопленных баварцев, находившихся в Саранске // ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460.
13. Ордер чембарскому городничему титулярному советнику и кавалеру Половинкину 10 ноября 1813 г. об отправлении в Пензу военнопленных баварцев, находившихся в Чембаре // ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460.

¹ Перевод с немецкого выполнен автором по изданию: Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland. Hildensheim, 1845. S. 62–63.

14. Распоряжение Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова об отправлении освобождаемых военнопленных баварцев на сборные пункты // ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460.
15. Циркулярное предписание Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова пензенскому гражданскому губернатору князю Г.С. Голицыну 17 октября 1813 г. о военнопленных баварцах // ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460.
16. Циркулярное предписание Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова пензенскому гражданскому губернатору князю Г.С. Голицыну 29 августа 1812 г. о пленных французах // ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419.
17. Циркулярное предписание Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова пензенскому гражданскому губернатору князю Г.С. Голицыну 11 ноября 1813 г. об освобождении саксонских, вюртембергских, саксен-веймарских и саксен-кобургских военнопленных // ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463.
18. Циркулярное предписание Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова пензенскому гражданскому губернатору князю Г.С. Голицыну 28 ноября 1813 г. об освобождении военнопленных государств Рейнского союза // ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463.
19. Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland. Hildensheim, 1845.

Айкашева Ольга Александровна – старший научный сотрудник Музея-усадьбы Н.А. Дуровой, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Республика Татарстан. E-mail: nad_durova@mail.ru.

Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук; доцент кафедры социальных технологий и организации работы с молодежью, Институт политики, права и социального развития МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: belov2006s@yandex.ru.

Белоусов Сергей Владиславович – доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет. E-mail: sergbel_1812@mail.ru.

Габбасов Вагиз Хамитович – первый заместитель руководителя регионального исполнительного комитета оренбургского регионального отделения Партии «Единая Россия». E-mail: vagiz.oren@mail.ru.

Звягина Виктория Юрьевна – инженер кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова. E-mail: Foxcave.tori@gmail.com.

Лихачёв Михаил Олегович – доктор экономических наук, доцент; заведующий кафедрой общественных наук, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: olegmix71@mail.ru.

Макашова Валерия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова. E-mail: rusina6@yandex.ru.

Курков Константин Николаевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: kurkowkonstantin@mail.ru.

Патрикеева Ольга Алексеевна – доктор исторических наук; профессор кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: olupatrikeeva@yandex.ru.

Петровский Василий Михайлович – студент исторического факультета МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: vasiliy0701@yandex.ru.

ван Хааске Леонид Андреевич – преподаватель истории и обществознания, средняя общеобразовательная школа № 690 г. Москвы; специалист по истории Европы, культурный центр «Пунктум», г. Москва. E-mail: leansu@yandex.ru.

O. Aykasheva

The fate of Ivan Chernov – the son of Nadezda Durova

The article describes the fate of the only son of Nadezda Durova (1783–1866) – a female officer in the Russian army, participant of the Patriotic war of 1812 and the Battle of Borodino. The fate of Ivan Chernov was unknown. Materials identified by the author in the archives of St. Petersburg and Moscow initiated the study of the fate of direct descendants of the military lady.

Key words: direct descendants of N. Durova, N. Durova's son, Sarapul's history, Imperial military orphanage, I. Chernov.

S. Belousov

The Penza province in the Ludwig Fleck memoirs, a sergeant of Napoleon's army

The article considers the peculiarities of provincial life perception in the Russian province by Ludwig Fleck, a prisoner of war and a sergeant of Napoleon's army. The article contains a translation of his memoirs fragment dedicated to staying in the Penza province.

Key words: the Patriotic War of 1812, the Penza province, Napoleon's army prisoners of war.

S. Belov

Ways of transmitting classified materials by the German secret services during World War I

The article is devoted to identifying mechanisms for transmitting classified information by intelligence services of the German Empire at the beginning of the First World War (1914–1915). The theme is revealed by analyzing documents from the holdings of the State Archives of the Vladimir region (GAVO) and Foreign Policy Archives of the Russian Empire (AVPRI).

Particular attention is paid to the methods of encrypting text and information exchange channels of German special services.

Key words: World War I, German Empire, German intelligence services, ways if of encrypting text and transmitting classified information during World War I.

V. Gabbasov

Election campaign for the election of deputies of representative institutions of municipalities of Orenburg region. Proposals for optimization

The article presents proposals for the optimization of the processes of organization of technological accompaniment of election campaigns held by Orenburg divisions of the “United Russia” party during the elections of deputies for the local self-government.

Key words: elections, political parties, local self-governance, election campaign, Party «United Russia».

L. van Haaske

Images of fear of the supernatural in the European mythological traditions of the High Middle Ages

The article presents the author’s view on the problem of reflection of fear of the outside world in the mythological traditions of the medieval Western Europe. The author concluded that if only mythological subjects are rather abstract and draw images of chthonic fear of unexplored and incomprehensible nature in general, then there are legally confirmed cases based on very specific precedents. Fear in them is a consequence of the acts that are completely contrary to Christian morality.

Key words: medieval Europe, mythological tradition, fear in the medieval Europe, Christian morality.

K. Kurkov

Nobility as a socio-political elite of Russia at the beginning of XX century (politological analysis)

The theme of the article is the analysis of the Russian nobility that for centuries presented our native elite. The problem of reforming this class, mostly of the Russian noble merchants, is stated in the article. Special attention is given to the noble mentality as a basis of elite’s psychology.

The study of the history of the Russian nobility that kept their position until the beginning of the XX century as a socio-political elite of society has a deep value for the teaching the theory of political elites in higher school.

Key words: Russian nobility, socio-political elite, evolution of native elite, elite in power, military elite, psychology of elite.

M. Likhachev

«Established Peace is outrageous... and able to bring only misfortunes». Position of D.M. Keynes at the Versailles Peace Conference of 1919.

The article is devoted to participation of famous British economist D.M. Keynes in work of the Versailles Peace Conference in 1919. The author focuses on the ideological motives that led Keynes in the conflict with global political establishment and validity of his negative assessments of the Versailles Treaty in his book «The Economic Consequences of Peace». Furthermore, the article reveals the importance of participation in the Versailles Conference for further scientific and political career of Keynes himself.

Key words: D.M. Keynes, First World War, The Versailles Peace Conference, The Treaty of Versailles.

V. Makashova

«If anyone else would call a freak...». The historical role of speech bans in legal monuments

The article studied the historical role of speech bans (punishment for speech offenses) in the legislation of different nations and countries. Particular attention is paid to speech prohibitions in legal monuments of Ancient Russia and Russia. The author concludes that in the Russian legal thought by the middle of the XIX century there were preconditions for understanding speech acts as the offense.

Key words: speech bans, speech offenses, legislation, legal monuments of Ancient Russia and Russia.

O. Patrikeeva

The Deputies-Orators at the First State Duma of the Russian Empire

This article is devoted to the little-studied problem – the formation of the parliamentary oratory art in Russia in the First State Duma. On the examples

of the Duma's speeches and reports of the best orators we can examine three main styles of the oratorical speeches, which, from the point of view of emotional and linguistic expressiveness, distinguish in the rhetoric from the time of Cicero: emotional-expressive, rational-analytic and synthetic, including the special features of the first and the second styles. The materials for this research are from the memoirs, letters and diaries of the journalists of deputies and office employees of the State Duma. The short records of Duma's sessions, periodical press of those times, the new archival materials are used in the article.

Key words: parliamentary oratory art, oratorical skill, political rhetoric, political metaphor, orators in the First State Duma.

V. Petrovsky

"Great Armada": the problem of the effectiveness of the Spanish and English fleets in the war years 1585–1604

The article deals with the rivalry between England and Spain at sea during the campaign «The Great Armada» and during the war years 1585–1604.

Key words: «Great Armada», Philip II, Elizabeth I, Francis Drake, Duke of Medina Sidonia, Gravelines, galleon, karakka, naval artillery, boarded.

V. Zvyagina

Peculiarities of reflection of the "Russian style" in journalism in XIX–XX centuries

In the Russian press in XIX–XX centuries there is a definite national rise (that started even at the beginning of XIX after defeating Napoleon). The article reviews the issues of patriotism, appearance of the Slavic roots, Orthodoxy, native history. Special attention is paid to the new direction of art at that time – the Russian style. Journals of that time present the key features of the Russian style in art.

Key words: Russian style, Mamontov's circle, art journals of XIX–XX centuries.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А. Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;

- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном);
- ссылки на архивные источники включаются в общий библиографический список, при этом они должны содержать: название документа, название архива, номер фонда и его название, номер описи, номер дела;
- при цитировании документов в тексте статьи необходимо указывать номер листа.

К предлагаемым для публикации статьям аспирантов МГГУ им. М.А. Шолохова прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Всем остальным авторам необходимо предоставить 2 рецензии из разных организаций. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – главный редактор РИЦ Алексеева Алла Александровна, редактор Козаренко Лика Александровна.

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru.

Редакция журнала не несет ответственности за точность цитирования и отсутствие ссылок на первоисточники. Мнение редакции может не совпадать с научной точкой зрения автора.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редакторы –
А. А. Козаренко,
Т. Н. Наумова,
Ю. Н. Толутанова
Корректор –
А. А. Алексева
Обложка, макет
М. В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2014.3

Электронная версия журнала: mggu-sh.ru

Сдано в набор 20.09.2014 г.
Подписано в печать 25.09.2014 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,4 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.